

Е. В. ТОНКОВ

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
БЫЛИ**

Мемуары

Белгород

2014

ББК 74.247.102
Т 57

Тонков Е.В.

Т 57 Педагогические были: мемуары / Е.В. Тонков. – Белгород :
ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 260 с.: ил.

ISBN 978-5-9571-1033-0

Первая часть книги «Будни сельской школы (записки директора)» – это не просто воспоминания, но и история сельской школы 50-60-х годов XX века. На опыте своей работы директором сельских школ различного уровня – от семилетней до средней общеобразовательной в районном центре – автор показывает, как выдвижение перед школьниками целостной системы перспективных линий способствует формированию нравственных качеств личности и ученического коллектива, организует повседневную жизнь и деятельность обучаемых, направляет их на приближение лучшего завтрашнего дня.

Во второй части «Будни педагогического вуза (записки проректора)» автор рассказывает о своем становлении как педагога и проректора педвуза (70-80-е годы XX века), прослеживает органичную взаимосвязь своей деятельности с развитием Белгородского государственного педагогического института (ныне «НИУ БелГУ»), интеграцию вузовской науки, способствующей формированию коллектива единомышленников.

Книга адресована руководителям вузов, директорам школ и педагогических колледжей, преподавателям, аспирантам и студентам.

ББК 74.247.102

Мемуары

Тонков Евгений Вячеславович

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ БЫЛИ

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Н.А. Гапоненко*
Дизайн обложки *П.Ю. Куриленко*

Подписано в печать 25.11.2014. Формат 60×84/16. Гарнитура Merriweather, Times, Georgia.
Усл. п. л. 9,30. Тираж 1000 экз. Заказ 309. Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ». 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

ISBN 978-5-9571-1033-0

© Тонков Е.В., 2014
© ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014

Евгений Вячеславович Тонков

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе	5
Предисловие	9

ЧАСТЬ I. Будни сельской школы (записки директора)

Глава 1. Начало	12
Глава 2. Солнце-Дубраво	16
Глава 3. Ступино	41
Глава 4. Заведующий районо	50
Глава 5. Аспирантура	60
Глава 6. Новая Усмань	64
Глава 7. Защита	99
Глава 8. Прощай, школа!	110

ЧАСТЬ II. Будни педагогического вуза (записки проректора)

Вместо предисловия	118
Глава 9. Начало преподавательской деятельности в вузе	121
Глава 10. Вхождение в проректорский корпус	131
Глава 11. Руководство кафедрой	162
Глава 12. Проректор по учебной работе	169
Глава 13. Новое назначение – проректор по науке	191
Глава 14. Перестройка в вузе и школе!?	214
Эпилог	247
К проблеме цели воспитания и его сущности	250

ОБ АВТОРЕ

Евгений Вячеславович Тонков родился 10 сентября 1933 года в городе Архангельске. Его отец в то время был директором Северного краевого музея, преподавал в местном педагогическом институте, а мать работала учительницей. В 1936 году семья переехала в г. Воронеж. Евгений Вячеславович относится к той когорте людей, которых принято называть «дети войны». На его долю выпало детство военное и послевоенное, холодное и голодное. Когда 1 сентября 1941 года он пошел в 1 класс, его сопровождал жутко завывающий сигнал воздушной тревоги. Во время авианалетов фашистских бомбардировщиков учеников часто уводили в бомбоубежище, которое находилось под зданием школы.

В ноябре 1941 года он вместе с матерью и младшей сестрой был эвакуирован в г. Бийск Алтайского края. В дороге эшелон сразу начали бомбить, паровоз тревожно гудел, шел то быстро, то медленно, то резко тормозил, и все, что было в «теплушке», разлеталось в разные стороны. До Бийска поезд шел целый месяц, постоянно пропуская «литерные» составы с вооружением и техникой. Когда жили в Бийске, в ученических сумках школьники вместе с книжками и тетрадями носили железную миску и ложку. На большой перемене учительница приносила ведро с супом и разливала по мискам. К супу полагался маленький кусочек хлеба. Если кто-то из учеников болел, учительница разносила хлеб по домам. Мать работала на швейной фабрике – шила форму для бойцов. Дома дети ждали ее с нетерпением, так как она всегда приносила 200 г кровяной колбасы, которую работницам фабрики давали на обед.

Только 10 сентября 1944 года они возвратились в разрушенный врагом Воронеж, где в 1952 году Е.В. Тонков

окончил мужскую среднюю школу № 2, а в 1956 – окончил исторический факультет Воронежского государственного университета.

В профессиональном самоопределении Е.В. Тонкова большую роль сыграл отец, Вячеслав Алексеевич Тонков, который свыше 20 лет являлся деканом историко-филологического факультета Воронежского государственного педагогического института, заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы, был профессором, доктором филологических наук, заслуженным деятелем науки РСФСР, членом Союза писателей СССР.

После окончания университета Е.В.Тонков на протяжении 10 лет работал директором сельских школ Воронежской области, заведовал Березовским районным отделом народного образования. Работая директором Новоусманской средней школы Воронежской области и являясь одновременно аспирантом кафедры педагогики и психологии Воронежского педагогического института, в 1967 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук.

С 1968 г. работал в Белгородском государственном педагогическом институте (с 1996 г. – университет), где прошел путь от старшего преподавателя кафедры педагогики и психологии до заведующего кафедрой. С марта 1970 г. – проректор по заочному обучению, а позже – проректор по учебной работе. С 1978 г. по 2001 г. Е.В. Тонков являлся первым проректором по научной работе, а затем, до выхода в декабре 2012 года на заслуженный отдых – советником ректора Белгородского государственного национального исследовательского университета.

На протяжении 42-х лет Е.В. Тонков читал курс лекций по педагогике для студентов. Его учебные пособия «Основы педагогики», «Педагогика образования» успешно внедрены в образовательный процесс. Им опубликованы три монографии, пятнадцать учебных пособий, свыше 100 научных статей и материалов конференций. Под его редакцией издано 15 тематических межвузовских сборников.

На монографии Е.В. Тонкова были напечатаны положительные рецензии в журналах «Советская педагогика» и «Народное образование», «Учительской газете». Авторами данных отзывов были известные отечественные педагоги В.А. Сластенин, В.А. Зосимовский, В.Н. Косолапов, Л.И. Рувинский и др.

Е.В. Тонков читал лекции по проблемам воспитания в Высших педагогических школах г. Ополе (Польша) и г. Гюстров (Германия). Этими вузами опубликованы его учебные пособия и статьи на польском и немецком языках. Под научным руководством Е.В. Тонкова успешно защищено 9 кандидатских диссертаций.

Е.В. Тонкова знают в России как пропагандиста педагогических идей. Большой вклад он внес в теоретическое обоснование и становление школ-комплексов на Белгородчине. Свыше 30 лет возглавлял Белгородское областное отделение Педагогического общества России, был председателем Белгородской городской организации общества «Знание». Участвовал в работе V – VII съездов Педагогического общества России, VII съезда Всесоюзного общества «Знание». По проблемам образования неоднократно выступал на страницах журнала «Советская педагогика», в «Учительской газете» и «Белгородской правде».

В 1991 году за заслуги в образовании ему присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». В 1993 г. Министерство образования Российской Федерации присвоило ему ученое звание профессора кафедры педагогики. За доблестный труд Е.В. Тонков награжден знаками «Отличник народного просвещения», «Отличник просвещения СССР», «За отличные успехи в работе», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», медалью К.Д. Ушинского, медалью «За заслуги перед Землей Белгородской» II степени.

В 2001 году Евгений Вячеславович Тонков стал одним из первых Почетных профессоров Белгородского государственного университета. Его деятельность нашла отражение в «Белгородской энциклопедии» (Белгород – 2000 г.), и «Воронежской историко-культурной энциклопедии» (Воронеж – 2006 г.).

П.Г. Коняев,

*Председатель Совета ветеранов
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
ветеран Великой Отечественной войны,
заслуженный работник высшей школы РФ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

С автором этой книги, Евгением Вячеславовичем Тонковым, я знаком более сорока лет. Особенно плодотворным и наиболее тесным наше сотрудничество было во время проводившегося в 80-е годы прошлого века на Белгородчине эксперимента по развитию на селе учебно-воспитательных школ-комплексов. Евгений Вячеславович работал проректором по научной работе в Белгородском государственном педагогическом институте и отвечал за научно-исследовательскую часть проекта, а на мне, как на заведующем областным отделом народного образования, лежала ответственность за его организационное обеспечение.

С Евгением Вячеславовичем было работать приятно и легко, потому что он сам досконально знал школьную жизнь, посвятив первые десять лет своей трудовой биографии сельской школе. Именно этот отрезок жизненного пути и получил отражение в первой части предлагаемой книги.

Думаю, что и мои коллеги по педагогической деятельности, и будущие учителя прочтут эти записки с интересом, окунувшись в реальные будни сельской школы полувековой давности, когда образовательные учреждения в сельской местности были мощным социальным центром притяжения, ядром культурной, духовной жизни местного населения.

Отрадно и то, что автор книги, тогда молодой директор школы, несмотря на бытовые неурядицы, всегда старался вносить в свою работу креативное начало, активно использовал знаменитую «макаренковскую» систему перспективных линий в воспитании.

Показывается, как постепенно, от опыта в малокомплектной школе, едва насчитывавшей 60 учеников и 7 учителей, автор переходит к экспериментальной работе в районной средней школе, включив в нее весь коллектив, состоявший уже из почти 1000 учащихся и 60 педагогов.

В книге подробно, на выразительных примерах, представлена вся жизнь сельской школы 50-60-х гг., ее скромный быт. Современным учителям интересно будет узнать, что еще и пятьдесят лет назад «лампочки Ильича» светили далеко не во всех селах, а учебные занятия проходили при керосиновой лампе.

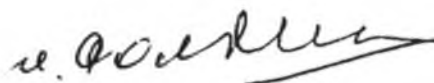
Особенно трогательны эпизоды организации новогодней елки для школьников, которые впервые увидели праздничную гирлянду, привезенную автором из областного центра, и радостно, с ощущением настоящего чуда, уносили домой нехитрые подарки. Прочитав эти строки о прошлом, может быть, мы гораздо больше станем ценить свое настоящее.

В предлагаемых читателю записках, названных «Будни сельской школы», ярко просматривается вся школьная жизнь, формирование нравственного климата ученического и учительского коллективов, которые, по образному выражению автора, «стали вращаться на одной орбите».

Примечателен и тот факт, что, вспоминая о встречах с вице-президентами Академии педагогических наук СССР Ю.К. Бабанским и А.Г. Хрипковой, автор оправданно делает экскурс в более позднее время, когда он уже был проректором по научной работе Белгородского государственного педагогического института и совместно с областным отделом народного образования, которым я тогда руководил, занимался опытно-экспериментальной работой по развитию учебно-воспитательных школ-комплексов.

Книга содержит мощный воспитательный заряд, она убедительно показывает потенциальные возможности сельских школ в организации жизнедеятельности молодого поколения, дает наглядные примеры того, как надо трудиться и жить.

И.С. Соловецкий,

***Почетный гражданин Белгородской области,
заслуженный учитель школы РСФСР.***

Часть 1

БУДНИ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

(ЗАПИСКИ ДИРЕКТОРА)

Глава 1. НАЧАЛО

В июле 1956 года мы с моей супругой Олей получили дипломы об окончании исторического факультета Воронежского государственного университета. А до этого было распределение – обязательное, и не только в свой регион, а по всей стране. Вначале мы записались в Новосибирскую область, но оттуда пришел ответ: двух историков учебной нагрузкой не обеспечат.

Так мы оказались в распоряжении Воронежского областного отдела народного образования («облоно», как тогда принято было сокращать это длинное наименование). Жили мы в квартире моих родителей, Вячеслава Алексеевича и Марии Ефимовны, достаточно приличной по тем временам (три жилые комнаты, ванная комната с окном, газ, горячая вода), в доме преподавателей рядом с педагогическим институтом, в котором мой отец работал деканом историко-филологического факультета. Дом был построен в 1949 году.

Отец родился в 1903 году в Казани. Его родители, Алексей Иосифович и Юлия Евстафьевна, проживали в Арской слободе. О них я знаю мало. Алексей Иосифович работал мелким чиновником в Казанском банке, а Юлия Евстафьевна воспитывала четверых детей. Отец учился в гимназии, причем только на «отлично», но, по рассказам, был очень юрким и непоседливым гимназистом по кличке, почему-то, «Ветка».

В Казани отец окончил литературно-лингвистическое отделение Восточного педагогического института, в 20-е годы работал там же воспитателем детского дома, преподавателем естественной истории и обществознания Политехнической школы им. Мюнценберга, заведовал училищем морально-дефективных детей Татарского народного комиссариата просвещения. На основе общения со спецконтингентом опубликовал ставшую сегодня

раритетом книгу «Опыт исследования воровского жаргона» (в интернет-магазине ее стоимость составляет 30 тыс. руб.).

В 1929 г. уехал в Архангельск, где работал директором Северного краевого музея и занимался ненецким фольклором, лучшие образцы которого он собирал, неустанно путешествуя по Канинской тундре, Мезенскому краю, островам Новой Земли. Входил в состав редколлегии краевого журнала «Звезда Севера». Широкую известность уже в те годы получили изданные им «Ненецкие сказки», записанные лично со слов легендарного аборигена Тыко Вылки – председателя Ненецкого округа Новоземельских островов. В эти же годы отец публикует «Сказки народов Севера» на ненецком языке, «Свадебные песни и обряды города Мезени», которые приносят ему известность в литературных кругах.

В Воронеж отец приехал в 1936 году уже семейным человеком, с женой Марией Ефимовной и двумя детьми. Увлечен изучением литературного наследия воронежских поэтов А.В. Кольцова и И.С. Никитина и впоследствии по творчеству А.В. Кольцова защитил докторскую диссертацию. Работал директором Воронежского литературного музея им. И.С. Никитина. Его книга «Никитин и народное творчество», ставшая результатом исследования по кандидатской диссертации, во многом по-новому осветила путь сложных исканий поэта, вскрыла подлинно народный характер его выдающегося наследия.

С первых дней Великой Отечественной войны отец находился в рядах 1-го Воронежского рабочего отряда народного ополчения (боец 2-го взвода 5-ой роты 2-го батальона – удостоверение № 27). В октябре 1941 г., в самые трагические дни для страны, вступил в ряды Коммунистической партии. Едва Воронеж освободили от фашистов, вновь вернулся к любимому делу. У меня сохранился пригласительный билет на организованный отцом городской юбилейный вечер, посвященный жизни и творчеству воронежских поэтов-патриотов И.С. Никитина и А.В. Кольцова. Этот вечер

состоялся в помещении клуба Ворошиловского района 13 октября 1944 года.

Отец был прекрасным лектором, великолепно читал стихи. На его лекции приходили студенты и преподаватели с других факультетов. Дружил с известными поэтами и писателями М. Исаковским, С. Михалковым, Н. Рыленковым, А. Твардовским, Г. Троепольским, письма и книги которых хранятся в нашем домашнем архиве. Был отмечен многими правительственными наградами, среди которых и одна из высших – орден Ленина.

В общем, все пути-дороги перед нами были открыты. Однажды я встретил во дворе дома ректора педагогического института Леонида Николаевича Талова, с которым был хорошо знаком – были соседями.

Ректор спросил:

– Где собираетесь работать?

– Да вот, ждем распределения из облоно.

– Иди к нам на работу, ты же учился отлично!

– А жить где?

– Квартиру снимешь или дам комнату в общежитии.

Такие варианты меня не устраивали, да и в квартире отца было тесновато. Хотя квартира была трехкомнатная, но в ней жили отец, мать, ее родители, вернувшиеся из ссылки, моя сестра Светлана – студентка пединститута. Нет, для меня такое предложение не подходило, тем более, что мы стремились к самостоятельной жизни.

Решено – поеду в деревню. Хотя сам я – городской житель и о деревне имел весьма смутное представление. Два раза ездил на велосипеде к тетке по линии матери Антонине Ефимовне Полторацкой километров за 60 в село Хлевное Липецкой области, где она была директором семилетней школы.

Когда был студентом, направляли в село убирать картошку (даже всем студентам выписали «Трудовые книжки колхозников» с указанием количества заработанных трудодней за 1 месяц). Еще

смотрел фильмы о селе: «Учитель», «Свинарка и пастух», «Кубанские казаки». На этом мои познания о жизни в деревне заканчивались. Впрочем, моя супруга Оля до поступления в университет жила в селе, где ее отец, Николай Тихонович Гребенников, работал секретарем райкома партии. К сожалению, он очень рано ушел из жизни – в возрасте 52 лет, и к моменту нашего распределения его уже не было на этом свете.

Наконец, нам дали направление в распоряжение Березовского районного отдела народного образования (центр пос. Рамонь). Пошел на автобусную остановку и через час с небольшим был в Рамони. В центре поселка нашел небольшое здание районо. Встретил меня уже пожилой, с хитрым прищуром человек – оказался заведующим районо со странной фамилией Салата. Посмотрел наши дипломы, покачал головой – два историка.

– А ты партийный?

– Да, член партии (партия тогда была одна – коммунистическая).

– Директором семилетней школы пойдешь?

– Пойду.

– Дмитрий Васильевич, – кивнул инспектору, – пиши приказ.

А по учебной нагрузке жене сам на месте разберешься.

Заведующий рассказал, как добраться до села Солнце-Дубраво, мы попрощались, и я сразу отправился к месту работы.

Глава 2. СОЛНЦЕ-ДУБРАВО

Проехав на «попутке» 8-10 км по Задонскому шоссе, я поблагодарил водителя и пошел в обратную сторону от Воронежа. Миновал деревню Галкино и через пару километров свернул на проселочную дорогу по указателю на Солнце-Дубраво. Метров через 700 показалось село и школа – одноэтажная, из красного кирпича. Такие земские школы строились в дореволюционной России. В школе меня поджидали бывший директор школы и техническая служащая, попросту – техничка. Директор школы уже переехал на новое место жительства и только ждал, кому бы сдать школу. Техничку послали за председателем сельского совета, и он вскоре прибыл на своей не очень резвой лошадке.

Школа состояла из пяти комнат, имела крошечную учительскую и жилье для директора школы три на пять метров. Во дворе стоял сарай под соломенной крышей для топлива. Школьный двор полностью огорожен не был, поэтому на нем паслись телята. Рядом со школой когда-то была церковь, но от нее в результате борьбы с религией остались только развалины и кладбище. Метрах в сорока от школы, на пустыре, стоял ветряк, который, как крыльями, стучал своими железными лопастями – качал воду.

Сдавать и принимать в школе фактически было нечего. Печать, штамп, малокалиберная винтовка, бачок для питья, ряд учебных пособий по физике и химии, несколько потрепанных карт по истории и географии, напольные счеты, восемь керосиновых ламп. Электричества в селе не было. Передача имущества и написание акта заняли минут тридцать, после чего мой предшественник поспешил удалиться. С председателем совета, на мой взгляд, достаточно пожилым, лет пятидесяти, мужчиной с

приветливой улыбкой, мы прошлись по школе. К новому учебному году она была не готова.

– Не было средств, плохо поступал подоходный налог, – пояснил председатель. – Но сейчас могу немного денег дать.

Договорились, что я поеду в Воронеж за женой и вещами и привезу краску, а он в ближайшем совхозе «Комсомолец» найдет маляра. На том и распрощались. Техничка Вера Федоровна уже успела сообщить некоторым селянам о новом директоре. Прибежала учительница Анна Андреевна с одеялом и подушкой – думала, что я буду ночевать в школе. Но я не стал оставаться, а решил ехать в Воронеж.

Уже вечерело. Я вышел на Задонское шоссе и стал голосовать проходящим машинам, в основном, грузовикам. Легковые машины тогда еще были редкостью. Но на мое «голосование» никто не откликнулся. Тогда решил идти пешком, надеясь, что по дороге, может, кто подберет. До Воронежа было 30 км. Мысленно делился сам с собой впечатлениями о школе. Школа малокомплектная – 60 учащихся, вместе с нами – 7 учителей, классы 1-2, 3-4, 5, 6 и 7. В моем лице: и директор школы, и завуч, и завхоз, и бухгалтер. Когда председатель совета спросил, сколько мне лет, я, стесняясь, ответил, что недавно исполнилось двадцать три года. Справлюсь ли?

Так, размышляя, я прошел километров десять, пока меня не подобрал очередной грузовик. Шофер довез меня до трамвайной остановки на окраине Воронежа, я сел на трамвай «единичку» и вскоре был у своего дома. По дороге ко мне привязался котенок, который бежал следом и жалобно мяукал. Пришлось взять с собой. Через день он уже будет первым вступать в наше новое жилище в Солнце-Дубраво.

Дома я рассказал о своем первом дне работы, все были довольны, и мы с Олей стали собираться в дорогу. На следующий день я зашел в хозяйственный магазин и купил 5 банок краски по 5 кг каждая. Отец заказал грузовое такси, и через день, погрузив свое имущество – стол, кровать, велосипед, пачку книг (учебников и исторических, сочинения известных педагогов А.С. Макаренко и

В.А. Сухомлинского), мы отправились к новому месту жительства. Так началась самостоятельная жизнь.

С помощью двух учителей начальных классов (остальные жили далеко) я собрал учеников 5-7 классов, проживающих в Солнце-Дубраво (большая часть проживала в совхозе «Комсомолец» в 4 км), и мы стали выносить парты во двор и красить крышки в светло-зеленый цвет, вместо черного. К тому времени подъехал на велосипеде со своим инструментом маляр Печерский и приступил к работе. До этого я с ним в присутствии председателя сельсовета заключил договор, согласно которому за побелку и покраску школьных помещений мы должны заплатить ему 800 рублей. Это была месячная зарплата директора школы.

Прослышав про нашу работу, стали подъезжать на велосипедах ребята из других мест. Так до начала учебного года мы познакомились с половиной ученического состава. Организовав трудовой процесс, я пошел знакомиться с председателем колхоза им. Мичурина, на землях которого находилась наша школа. Здание правления колхоза находилось в ста метрах от школы. Познакомились, договорились о взаимной помощи. Председатель посоветовал мне посещать заседания правления колхоза, которые проходили по понедельникам в семь утра.

Колхоз охватывал ряд населенных пунктов. Один из них – деревня Гудовка в шести километрах, у самого Дона. Там была крупная молочно-товарная ферма. Я обошел всё село Солнце-Дубраво. Когда-то довольно большое, теперь оно насчитывало не более 50 дворов, разбросанных в два ряда. Крыши домов, в основном, покрыты соломой, в огородах – практически одна картошка, цветов я не увидел. В селе был клуб, магазин, фельдшерский пункт, проведено радио. Заведующая магазином Ксения Степановна – уважаемый в селе человек. На прилавке – консервы, водка, вермут, селедка в бочке. Хлеб завозили редко. В основном, за ним ходили в совхоз «Комсомолец».

Побывал на заседании правления колхоза (бригадиры, заведующие фермами, бухгалтер). Председатель колхоза

представил меня собравшимся. Рассматривали вопрос об уборке сахарной свеклы и картофеля.

– Ваша помощь тут тоже понадобится, – кивнул председатель в мою сторону.

Через неделю после начала малярных работ школа посветлела. Был составлен соответствующий акт, и маляр Печерский отправился в сельсовет за деньгами. Получив деньги, он купил в магазине бутылку водки, кило кильки и кило пряников (которые местные почему-то называли «жамками») для детей. Зашел к нам в комнату и предложил выпить за окончание работ. Пришлось для приличия налить и себе рюмку. Так, за разговором, маляр и выпил всю бутылку, а остатки кильки и пряники засунул в авоську. Взявшись за руль велосипеда, он отправился домой. Скорее велосипед вел его, а не он – велосипед. Такая традиция повторялась у нас все четыре года, пока я работал в этой школе.

К этому времени подошли учителя: Валентина Егоровна – по русскому языку и литературе, Ольга Михайловна – по математике и физике, Митрофан Иванович – по биологии, химии, физкультуре, трудовому обучению и рисованию, Анна Андреевна и Мария Алексеевна – учителя начальных классов. Истории было всего шесть часов в неделю, их взял я, а моей супруге достались география, немецкий язык, домоводство и пение.

Состоялось первое заседание педагогического совета. Школу приехал принимать инспектор из районного отдела образования. Прошел по классам, похвалил. Мы угостили его какао, чему он очень удивился. В магазин как раз завезли какао «Золотой ярлык», о назначении которого жители села не имели представления, поэтому спросом оно не пользовалось, и зав. магазином давала его всем в нагрузку.

Из сельсовета принесли телефонограмму: обеспечить явку педагогического коллектива на районное совещание учителей, посвященное началу нового учебного года. Телефоны в селе были только в правлении колхоза и в сельсовете. Аппарат висел на стене,

надо было покрутить ручку и назвать ответившей телефонистке номер абонента.

30 августа к 11 часам мы прибыли в районный клуб «Сахарник», где собрались учителя трёх средних школ, десяти семилетних и нескольких начальных. Отчет о работе за год сделал заведующий районным отделом образования Салата. Были и выступления с мест. Представили новых директоров школ, в том числе и меня. В заключение выступил первый секретарь районного комитета Коммунистической партии (по тем временам, главный в районе человек). Некоторым директорам школ и учителям вручили почетные грамоты. Состоялся концерт художественной самодеятельности, выступали, в основном, учителя районной средней школы и сотрудники сахарного завода.

Сахарный завод был одним из старейших не только в области, но и в России. До Октябрьской революции он назывался «Паровая фабрика конфет и шоколада», но при Советской власти от «конфет» остались только воспоминания, да красивые обертки на бабушкиных сундуках.

1 сентября мы провели общешкольную торжественную линейку. Все пятьдесят семь учеников выстроились на площади перед школой в одну линейку. Казалось, много. Пятеро первоклашек пришли с родителями. Ребята были одеты бедно, но опрятно. Почти все девочки – в белых фартуках, на пионерах – красные галстуки.

Я поздравил коллектив с началом учебного года, поблагодарил поименно учащихся, которые приняли активное участие в подготовке школы. Семиклассница и ученик 1 класса, взявшись за руки, прошли со звоном вдоль строя школьников, родители которых, стоя в сторонке, перешептывались по поводу меня – мол, городской, и совсем молодой ещё директор. Их сомнения чуть позже озвучил один шустрый пятиклассник Чернышов:

– Вот прежний директор – это был директор. И корова у него

была, и поросенок, и куры. А у этих, кроме кошки, да птичек в клетке, ничего и нет.

Я действительно привез с собой из города чижики и пару голубей. Голуби были моим страстным увлечением с подросткового возраста. Во дворе нашего дома в Воронеже были сараи с погребом. Один из них принадлежал нам. Над дверью сарая я пробил отверстие, сделал косяк и внутри повесил ящик с полками. Жилье для голубей было готово. Держал я не больше трех пар, но довольно редкой породы – «полтавских», которые мало летали, кругами, а набрав высоту, порхали на одном месте.

Вспоминается такой случай. В 1948 году, незадолго до 70-летия И.В. Сталина, во всех организациях, по законам жанра того времени, проходили торжественные собрания, митинги, готовились подарки вождю. Я узнал, что в педагогическом институте, недалеко от которого мы жили на улице Ленина, будет проходить торжественная лекция на филологическом факультете, после которой студенты выпустят 30 голубей. На лапках у голубей были привязаны ленточки с адресом: Москва, Кремль, Сталину. Я и два моих товарища залезли на крышу пединститута и стали наблюдать за ходом мероприятия. Когда заиграл оркестр, все захлопали и выпустили голубей, которые должны были передать привет вождю.

Дело шло к вечеру, небо хмурилось, и голуби не захотели лететь в сторону Москвы, а сели на крышу. Ловить их нам было довольно легко. На следующий день с одним из голубей я отправился на Птичий рынок. В руках у меня был белый голубь с курносом носом и мохнатыми лапами. Меня окликнул мужчина в шляпе, рядом с ним была кошелка с голубями. Это был директор пединститута, доцент Алексей Михайлович Сергеев. Он был заядлым голубятником. Я его знал, а он меня, конечно, нет. Взял в руки моего голубя, стали торговаться. Наконец, сошлись. Он дал мне «полтавского» голубя и один рубль в придачу. На рубль в те годы можно было купить десяток яиц.

Что-то увлекся я голубями, перейдем к прозе жизни. Итак, учебный процесс в моей школе был начат. Каждый занимался своим делом в соответствии с расписанием. У всех была ставка – 18 часов. Правда, у математика Ольги Михайловны – 24 часа. Она считалась богачкой, получала 800 рублей. На педагогическом совете я предупредил, что все учителя должны иметь поурочные планы и конспекты уроков. Без них допускать к уроку не буду. В университете большое внимание уделялось профессиональной подготовке: на 3 и 4 курсах мы проходили солидную педагогическую практику в школах г. Воронежа, и это мне очень пригодились.

В университете я был образцово-показательным студентом – и в учебе, и в общественной жизни, и в спорте. Учился только на «отлично», чего не скажешь о моей учебе в школе. Помню, как в 9 классе должна была быть контрольная по математике. Я решил заменить её походом в кинотеатр «Пролетарий» на фильм «Не в свои сани не садись» по А.Н. Островскому. Тогда были распространены экранизации пьес, обычно в 2-х сериях. Была зима, я в пальто сидел у батареи. На протяжении четырех часов на экране две бабки вели скучные разговоры. Было очень душно, я еле досидел. Подумал, что уж лучше бы пошел в школу. Зато любимым предметом была история. Я читал много исторических книг, всегда дополнял из них свои ответы. По истории у меня была безоговорочная «пятерка». Преподавал историю завуч школы Петр Федорович Фенота, который всегда меня хвалил, в отличие от других учителей. Видимо, любовь к истории и учителю определила мой выбор – идти на исторический факультет, хотя я никогда не связывал свой выбор с профессией учителя.

Моя жена Оля, наоборот, в школе была круглой отличницей. Вот я ей и поручил вести географию и немецкий!

С первых дней стал проявлять свою активность учитель Митрофан Иванович Анохин, 35 лет, с образованием биофака учительского института. Проживал он в с. Березовское в 9 км от

школы и каждый день проделывал путь туда и обратно в любую погоду. Он стал облагораживать школьный двор, огородил его, договорился с лесником и посадил вдоль забора сосенки. Привел в порядок пришкольный участок и помог строить географическую площадку. Но через некоторое время вежливый и исполнительный Митрофан Иванович стал пропускать учебные занятия, причем сразу по 4-5 дней подряд. И свои пропуски объяснял самыми различными причинами. Оказалось, что он алкоголик, хотя в школе я его никогда пьяным не видел. Уроки труда и физкультуры я заменял сам, а вот биологию и химию провести вместо него уже никто не мог. В районный отдел образования я об этом не сообщал и продолжал вести с Митрофаном Ивановичем профилактические беседы.

В конце концов, дошло до того, что он, находясь в Воронеже, зашел к моим родителям и попросил денег взаймы на похороны своей матери (ну как тут отказать!), хотя на самом деле его мать была жива и здорова. Через два с половиной года я все же попросил Митрофана Ивановича написать заявление об уходе.

Алкоголизм некоторые считают страшной болезнью, подобной раку, другие – распущенностью и слабоволием, социальной безответственностью. Врачи пишут тысячи диссертаций, но мало кто берется за эту проблему, а если и берется, то дальше теоретических рассуждений дело не идет.

Через двадцать лет, в 1976 году, когда я уже работал проректором по учебной работе Белгородского государственного педагогического института, к нам домой неожиданно пришел Митрофан Иванович. Я предложил ему выпить за нашу встречу, но он категорически отказался. Сказал, что более десяти лет вообще не пьет. Поэтому посидели за чашкой чая, вспомнили молодые годы. Приехал Митрофан Иванович, словно прощаться. Через несколько месяцев его не стало, а ведь было ему не больше 55 лет.

Подготовка к учебному году, как оказалось, не заканчивается ремонтом школы. Одна из важных проблем – заготовка топлива для

школьных печей. В селе, как и в школе, топили, в основном, торфом. Районо составлял график, и в школы по этому графику завозили торф. В районе было торфяное предприятие и приписанные к нему грузовые машины. К концу сентября торф был у нас уже во дворе.

За дровами на растопку мы сами ездили в лесничество. Там по разнарядке отпускали сухостой. С приходом отопительного сезона работы прибавилось. Техничка стала приходиться в шесть утра – надо было наколоть торфа и дров, растопить три печи. Колкой торфа и дров для обогрева своей комнаты я занимался сам.

Как-то на одном из заседаний правления колхоза председатель Василий Яковлевич попросил меня, чтобы школьники помогли убирать картофель, шел конец сентября. Я предложил ему самому обратиться к ребятам на линейке, у нас по пятницам стало традицией подводить так итоги недели. Призыв председателя колхоза был принят школьниками «на ура». Договорились первые три дня недели посвятить картошке. На работу вышли строем с пионерским знаменем и барабаном. Сорок учеников 5-7 классов, 5 учителей – на колхозников это произвело впечатление. Выпаханный картофель собирали ведрами в большие кучи. В перерыве нам подвезли хлеб и молоко. Трудились 6 часов. Подъехал председатель – похвалил.

Я читал и конспектировал многие произведения выдающихся педагогов А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинского, поэтому в организации общественно-полезного труда и организации учебного процесса следовал их рекомендациям. Дети на уборке картофеля работали вместе с учителями. Затем подводили итоги труда, какое из звеньев собрало больше ведер. Лучшему звену вручался вымпел, и борьба за право получить вымпел велась нешуточная.

В основу организации трудовой деятельности я положил тезис А.С. Макаренко о перспективе. Перспектива – это радость завтрашнего дня, к которой устремлены все усилия и помыслы человека. Перспективы бывают ближние, средние, далекие, а также

личные, групповые, коллективные. Перспективы должны присутствовать в жизни каждого человека, иначе она будет скучной и безрадостной.

Не успели отдышаться от трехдневной работы в поле, а из районо пришла телефонограмма: в целях оказания помощи в уборке сельскохозяйственных культур занятия в 5-7 классах отменить с 1 по 5 октября. Пошел к председателю, показал телефонограмму.

– А я знаю, – говорит он. – Это мы просили секретаря райкома партии.

– Одним приказом здесь не поможешь, – отвечаю. – Родители могут воспротивиться, да и дети не все придут. Нужна перспектива! Вы Макаренко читали?

– Не приходилось...

Я рассказал председателю о сущности перспективы.

– Во-первых, – говорю, – нужно пообещать детям, что весной дадите машину свозить ребят в Воронеж, в цирк. Но это коллективная отдаленная перспектива для всех. А во-вторых, необходима личная ближняя перспектива для каждого, например, оплата труда. Вот тогда предстоящая работа будет окрашена радостью завтрашнего дня, и все активно будут работать, да и родители не будут возражать.

– А ты молодой, да хитрый, – прищурился председатель.

– Да нет, просто надо знать психологию личности, есть такая наука. Советую объявить о празднике урожая, приурочив инициативу ко дню Октябрьской революции (был такой всенародный праздник, отмечался 7 ноября). На празднике подвести итоги, наградить передовиков почетными грамотами и премиями, выдать зарплату и произвести расчет за трудовые дни (заработную плату тогда в колхозе получали не все – только руководство, заведующие фермами, бригадиры и доярки, хотя вовремя ее никогда не платили). Вот вам и будет перспектива ожидания лучшего завтрашнего дня!

Меня как-то спросил заведующий молочно-товарной фермой, сколько мой отец получает. Он, напомним, был деканом факультета в педагогическом институте и получал огромную по тем временам зарплату – четыре тысячи рублей.

– Да куда же он такие деньжищи деваает? – изумился заведующий фермой, зарплата которого была около 500 рублей в месяц. Труд в высшем образовательном учреждении тогда на самом деле высоко ценился государством – не только на словах, но и в реальном денежном выражении. Правда, и вузов в стране было значительно меньше.

После нашего разговора председатель восторженно воскликнул:

– А ты стратег! Быть тебе у нас секретарем партийной организации!

И действительно, уже через месяц на отчетном собрании меня избрали секретарем партийной организации колхоза им. Мичурина. На учете в организации состояло 17 членов партии и кандидатов. В партию тогда принимали не сразу, а после прохождения годичного кандидатского стажа.

Перспектива (и школьная, и колхозная) сработала. Школьники работали споро, убирали сахарную свеклу. Колхозники, усвоив свою перспективу, так же проявляли повышенную активность на своих участках. На празднике урожая отличившиеся получили премии. Получили заработанные деньги и школьники. Позже была реализована и отдаленная перспектива – поездка в Воронежский цирк в июне 1957 года, но до этого у ребят было еще много трудовых дней.

Как директор школы и одновременно заведующий учебной частью (завуч), я посещал уроки, делал их анализ, просматривал конспекты уроков и поурочные планы педагогов. С высшим образованием были только мы с женой и учитель русского языка Валентина Егоровна Винокурова, которой нравилось, чтобы ее называли Валентиной Георгиевной. Остальные учителя окончили учительский институт или педагогическое училище.

Как-то прохожу по коридору, слышу шум в одном из классов. Приоткрыл дверь – учитель математики Ольга Михайловна, не обращая внимания на балаган, пишет на доске мелом уравнение, а потом оборачивается к классу и говорит:

– Орите, орите, мне все равно зарплата идет!

Пришлось с ней побеседовать после уроков о миссии школьного учителя.

Было у нас и методическое объединение для учителей начальных классов, в которое входили двое наших педагогов, двое из Буравлянки и четверо из колхоза «Комсомолец». Посещали друг у друга уроки, выступали с докладами, знакомились с новинками методического журнала «Начальная школа». Школа выписывала «Учительскую газету», «Правду» и «Пионерскую правду». Кроме того, каждый учитель был обязан выписывать «Учительскую газету», областную газету «Коммуна» и районную газету. Поэтому наша семья, состоявшая тогда из двух учителей, выписывала две «Учительские газеты», а я, как член партии, выписывал еще и «Правду», хотя ее и так получала школа, т.е. фактически я. Но так тогда было положено. Выписывали и методические журналы, в соответствии с теми предметами, которые преподавали. За подписку я отчитывался в районо квитанциями.

Как-то, уже на третьем году работы, я решил направить свою статью в журнал «Преподавание истории в школе», в которой, исходя из своего небольшого опыта работы руководителем сельской школы, доказывал важность не только изложения на уроке нового программного материала, но и основательного его закрепления и даже выставления отметок учащимся за ответы по новому материалу. Месяца через полтора получил обнадеживающий ответ, что статья одобрена и принята к печати, но опубликованной я ее так почему-то и не увидел.

Жили мы тогда довольно голодно, несмотря на все изощрения супруги в приготовлении пищи. За хлебобулочными

изделиями я еженедельно ездил в Воронеж. Там же покупал немного колбасы и сыра, иногда 1 кг мяса. Все это упаковывалось в рюкзак, с которым я на попутной машине добирался до Солнце-Дубраво. Первые несколько дней после этого в доме был праздник!

Впрочем, в дни моих вынужденных отъездов жене Оле было страшновато одной оставаться на ночь в школе. Однажды ей показалось, что по школе кто-то ходит. Она схватила самое ценное, что у нас тогда было – мой билет члена партии, выскочила в окно и побежала к дому председателя колхоза. Председатель Василий Яковлевич и несколько мужиков с ружьями залегли вокруг школы, но никто не появился. Тогда зашли в школу – все тихо.

Однако после этого случая Оля наотрез отказалась оставаться одна ночью в школе, и мы решили завести собаку. Мой приятель привез из Воронежа взрослого доберман-пинчера, хозяин которого уехал в длительную командировку и попросил отдать пса в хорошие руки. Доберман Джек мог жить только в доме, т.к. на улице замерзал. Был он очень умный и дрессированный. Если кошка занимала его коврик, ходил рядом, скулил, но ее не трогал. А если утром была пора вставать, а мы еще спали, Джек стаскивал с нас одеяло.

Но однажды, в один из редких дней, когда у нас в доме появилось мясо, Оля стала резать его на столе, а я сидел рядом. Вдруг Джек вскочил, его глаза налились кровью, он зарычал и бросился на Олю. Я успел подставить руку, и он схватил меня за кисть. Прокусить руку помешали часы, на которых так и осталась трещина. Я крикнул на Джека, он заскулил и понуро отправился к двери. Однако, после этого мы решили с ним расстаться. Видимо, собаку все же надо брать щенком. Я отдал Джека заведующему фермой в с. Гудовка.

А вскоре знакомый подарил нам месячного щенка немецкой овчарки – черного, с желтыми подпалинами. Назвали мы его Барсом. Он стал для нас настоящим другом, фактически членом

семьи и прожил у нас 8 лет. В возрасте трех месяцев он еще не лаял. Чтобы ускорить этот процесс, я стал ему показывать, как это надо делать. Встал перед ним на четвереньки и стал имитировать лай собаки. Барс с удивлением на меня смотрел и, свесив одно ухо, махал хвостом. Но вдруг недалеко от нас сел голубь. Барс бросился за ним и звонко залаял. Нашей радости не было предела!

... Воду мы носили от ветряка – или я двумя ведрами, или Оля на коромысле. С приходом поздней осени, а затем и зимы в нашей комнате, да и во всех классах, стало холодно. Пока горел торф, было еще ничего, но он прогорал очень быстро, и сразу становилось неуютно. По вечерам светлым лучом в нашем захудалом царстве было радио. Я до сих пор радио люблю больше, чем телевизор. В погожие вечерние дни мы с Олей выходили на улицу. В звенящей тишине куда-то за горизонт уходило сияние, где-то далеко урчал трактор и слышались девичьи песни, а вокруг ни души.

Как-то я взял в сельском совете доверенность на тысячу рублей и поехал в Воронеж, в магазин учебных пособий. Набрал учебников, сколько мог унести и прихватил гармошку. Гармошке Оля обрадовалась и уже на следующий день ученики под нее распевали песни. Две семиклассницы (их я хорошо помню и сейчас) – Рая Гайдаренко и Рая Туркова – так замечательно пели на два голоса, будто солистки Воронежского народного хора. Через несколько лет Оля случайно встретила одну из них, Раю Гайдаренко, и та рассказала, что ее приглашали в профессиональный народный коллектив, но она отказалась по семейным обстоятельствам.

Оля организовала школьный хор, который стал выступать во многих близлежащих селах. Вскоре к хору присоединились и молодые колхозницы. Разучивали и довольно сложные вещи, например, «Бухенвальдский набат». С этой песней успешно выступили на смотре художественной самодеятельности. Участие в

хоре духовно обогащало ребят, развивало их внутреннюю культуру.

Каждый месяц я ездил в район за получением заработной платы. Но чтобы ее получить, надо было составить платежную ведомость. Меня этому нигде не учили. Раздобыл справочник по начислению заработной платы, просмотрел прежние ведомости и приступил к начислению согласно тарифной сетке. Главный бухгалтер районо Надежда Семеновна была строгой.

Видимо, все бухгалтеры такие, – подумал я. Сердито перечеркивала, исправляла мои начисления, приходилось переписывать ведомость не один раз. Но и эту грамоту я вскоре освоил. По выписанному в бухгалтерии чеку я шел в банк и получал заработную плату. Заходил в столовую, в магазин, в котором было практически все то же самое, что и у нас в селе (то есть, ничего), садился на велосипед и отправлялся в свою школу за 12 км.

Раз в месяц проводил совещания заведующий районным отделом образования. На них обычно присутствовали представители многих служб района и выступали со своими указаниями и предложениями. Длились совещания по 4-5 часов. Я их так возненавидел, что когда сам возглавил районный отдел образования, да и позже, работая проректором Белгородского педагогического института, старался совещания минимизировать или укладываться в короткие сроки.

Повседневную жизнь школы я считал необходимым разнообразить различными мероприятиями: олимпиадами, викторинами, конкурсами. Одно дело – требовать, чтобы в классах было чисто, а другое – организовать интересное соревнование. Нарисовали на плакате самолет, автомобиль, лошадь и черепаху по вертикали. Обозначили клетки, в которых указали номера классов в соответствии с достижениями. Борьба за чистоту классов развернулась серьезная. Мусор убирали основательно – не только

веником, тряпкой, но и руками. Некоторые в соревновательном порыве даже подбрасывали в классы соперников мусор, чтобы добиться лучшего результата.

Комиссия, которая состояла из учащихся и педагогов, подводила итоги каждый день, и на плакате появлялся результат: какой класс соответствует самолету, какой – автомобилю, а какой – черепахе.

Однако упорная борьба за чистоту продолжалась месяца три. Потом все это надоело и стало безразлично, какой класс летит на самолете, а какой ползет на черепахе. Но игра уже сделала свое дело. Дети привыкли содержать классы в чистоте и порядке.

Большое внимание уделялось всеобщему образованию. Перед районо мы ежеквартально отчитывались о текучести контингента – кто выбыл, кто прибыл, по какой причине, кто не посещает школу. Если вдруг такой прогульщик окажется – было настоящее чрезвычайное происшествие! Приходилось устно и письменно отчитываться по каждому такому факту.

Определенное количество средств отпускали на всеобуч, т.е. предлагалось оказывать материальную помощь нуждающимся ученикам. Этой работой занимался родительский комитет, который хорошо знал, кто и как живет. Деньгами помощь не оказывали, так как деньги могли потратить на другие нужды или просто пропить. Поэтому покупали вещи – кому телогрейку, кому обувь и выдавали родителям. Помню, один ученик заявил классному руководителю, что в телогрейке ходить не желает, а будет ходить в школу, если ему купят зимнее пальто с шалевым воротником (тогда они были в моде).

Вместе с сельсоветом выявили восемь неграмотных женщин – даже вместо подписи в ведомостях они ставили «крестик». За ними закрепили учителей, которые должны были с ними заниматься. Это называлось борьбой с неграмотностью. У сельских учителей, кроме проведения уроков, было много других забот. За каждым из них был закреплен десяток дворов, из которых выбирали наиболее

приличный дом и прибивали на нем табличку «Хата агитатора». Каждую неделю учителя должны были в этой избе собирать закрепленных односельчан и проводить с ними беседы по внутренней и внешней политике, а также по различным бытовым и хозяйственным вопросам.

В селе была изба-читальня, которую позже назвали клубом. По субботам приезжала кинобудка и демонстрировался фильм. Перед показом фильма кем-то из учителей должна была быть прочитана лекция. Вопросов обычно не было, и слушатели бурными аплодисментами приветствовали окончание лекции, так как были настроены только смотреть кино.

Я с членами партии и кандидатами в нее два раза в месяц вел кружок «Основы марксизма-ленинизма». Поэтому отдыхать было некогда, только поздно вечером оставалась возможность почитать какой-нибудь методический журнал при свете керосиновой лампы.

Однажды из военного комиссариата мне пришла повестка для прохождения медицинской комиссии. Прошел ее в Рамони, в районной больнице. Вывод – годен для службы в воздушно-десантных войсках. Вскоре меня вызвали на призывную комиссию. Лейтенант доложил комиссии сведения обо мне.

– Ну что, пойдём служить, – улыбнулся военком.

– Никуда он не пойдёт, он нам здесь нужен! – отрезал председатель комиссии, второй секретарь районного комитета партии Перловский.

На этом моя военная служба закончилась. Я получил военный билет и вернулся домой. Перед этим зашел в местную киносеть и посетовал, что к нам в село присылают только старые фильмы – «Свинарка и пастух», «Кубанские казаки». Колхозники смотрят эти фильмы и усмеваются, мол, показали бы настоящую нашу жизнь. Директор киносети пообещал расширить репертуар и подарил мне списанный двигатель. Он заправлялся бензином и мог давать электричество (в общем, что-то вроде современного генератора). В выходные дни я его отремонтировал, подвел электропроводку, и

наступил торжественный момент. Я запустил двигатель, и загорелись лампочки в школьном коридоре, в нашей комнате и перед входом в школу.

Приближался новый, 1958 год. Все стали активно готовиться к празднику. Для украшения елки дети сами делали игрушки, часть я купил в Воронеже. Но главное, была приобретена гирлянда с электрическими лампочками. Сельсовет выделил деньги на подарки. Подбросил некоторую сумму и колхоз. Мы сформировали подарочные наборы с конфетами, пряниками и вафлями, которые многие дети увидели впервые.

Митрофана Ивановича нарядили Дедом Морозом, Снегурочкой – семиклассницу Раю Гайдаренко. Лесник подарил школе пушистую сосну. На праздник пришло все село, молодые мамы даже с грудными детьми, ведь всем детям давали подарки. И когда дети вместе с Дедом Морозом трижды прокричали: «Елочка, зажгись!», я включил гирлянду. Все ахнули! Такой елки в селе еще никогда не было, как не было и подарков.

Двигатель поработал всего несколько недель, а потом, что только я с ним ни делал, не заводился. Так и закончились первые опыты по проведению в селе электричества. А ведь было все это не так уж и давно.

Подводя итоги 1957 г., должен сказать, что уже тогда я определил (может быть, по-своему, наивно – с учетом возраста) стратегические направления, которые являются основополагающими в учебно-воспитательной и общественной работе, нашел себя в разнообразии тех дел, которые для меня являлись новыми, почувствовал поддержку тех людей, с которыми соприкасался в школе, селе, районе.

Весной на школьном дворе мы сделали большую клумбу и высадили цветы – астры, львиный зев, петунии. С участием биолога Митрофана Ивановича сформировали образцовый пришкольный земельный участок с четырехпольным севооборотом, включая различные сорта помидоров, огурцов, капусты, экзотических культур.

Мы с супругой тоже постарались. За школьным участком посадили картофель, помидоры, огурцы, различную зелень. Во время отпуска я съездил в Воронеж и привез три дубовых бочки. В них осенью мы засолили свой урожай.

Вскоре клумба расцвела, и проходившие мимо колхозники с восхищением и удивлением разглядывали ее, ведь никто из них на своих подворьях цветы не выращивал.

Как-то в погожий осенний день к нам нагрянула бригада районо на мотоцикле с коляской – за рулем сам заведующий, Гвоздиков Яков Ильич, а с ним два инспектора. Обошли пришкольный участок, географическую площадку, спортплощадку – остались довольны. Затем посмотрели школьную документацию – классные журналы, протоколы заседаний педагогических советов, методических совещаний. Посетили уроки истории, русского языка, географии. При разборе уроков присутствовал и я. Особенно досталось учительнице русского языка В.Г. Винокуровой. Хотя замечания были и несущественными, но произносились с большим апломбом.

– Валентина Ивановна, – обратился я к одной из проверяющих инспектрис. – У нас еще урок в 5 классе. Покажите, пожалуйста, как методически правильно проводить урок, и мы у Вас поучимся!

– Ну что Вы! – смутилась она. – Я уже давно не работала в школе.

– Попробуй, попробуй, Валентина Ивановна! – засмеялся Гвоздиков. – Может быть, что-то получится!

На этом анализ уроков сразу и закончился. Проверяющие попили чаю и удалились, тепло попрощавшись. А мы продолжали трудиться. Большое внимание районный комитет партии уделял наглядной агитации. За это спрашивали с меня, как с секретаря партийной организации колхоза. В отсутствие Митрофана Ивановича, который писал и рисовал очень хорошо, этим приходилось заниматься мне.

А чертить я не любил, еще учась в школе. Учителем черчения

у нас была женщина лет 35, которая модно одевалась и красилась. На ее уроках ребята свистели, ездили по классу на партах, стреляли жеваной бумагой из трубочек (я учился в мужской школе). Учительница даже не пыталась остановить этот хаос, а только плотнее закрывала дверь, чтобы никто не услышал. К моему удивлению, мне она никогда не ставила двоек, видимо, потому, что я мало вступал в такой ход урока.

И вот теперь чертежным пером, красными чернилами на обратной стороне обоев мне приходилось писать призывные плакаты: «Получим по 3 тысячи литров молока от каждой фуражной коровы в год!» и прибивать под крышей коровников. А ребята, чаще всего на уроках труда, ходили чистить телятник, что называлось шефской работой.

Осенью 1958 года проходило совещание партийно-хозяйственного актива по итогам сельскохозяйственного года. На актив поехали председатель колхоза, передовая доярка и я. К тому времени колхоз приобрел старенький автомобиль «Москвич», поэтому мы ехали на автомобиле. После доклада первого секретаря РК КПСС Подгузова И.Ф. (в новой иерархии – это глава районной администрации), выступили и другие участники совещания, в том числе, и наш председатель. Выступал он не случайно, т.к. по производству молочной продукции наш колхоз занял первое место в районе. Затем состоялось награждение победителей. Председатель колхоза и я вышли на сцену, и нам вручили переходящее Красное знамя. После процедуры награждения всех участников ожидал торжественный ужин, включавший стакан «вермута» каждому.

Обратно ехали в приподнятом настроении. Проезжая мимо фермы, председатель колхоза остановил машину, взял в руки знамя, и мы с ним прошагали мимо стойла коров.

– Спасибо вам, коровушки, что мы завоевали знамя! – обратился председатель к коровам. Они равнодушно смотрели на происходящее, пожевывая сено.

Через некоторое время по стране пронесся клич: каждой сельской школе обустроить кроликоферму! Дошел он и до нашего района. Всем школам было предписано приобретать кроликов, выращивать их и мясо сдавать в заготовительную контору. За средства сельского совета мы приобрели двух взрослых кроликов породы «шиншилла» (современные модницы хорошо знают этот мех), выделили им место в сарае, огородили сеткой и стали ждать приплода. Мной было сформировано звено из школьников, которые ухаживали за кроликами. Кролики размножались довольно быстро, но также быстро по неизвестным причинам и погибали, а надо было отчитываться перед начальством за достигнутый результат.

Вскоре первый секретарь райкома КПСС вызвал всех директоров школ и грозно стукнул кулаком по столу: «Когда же начнутся поставки мяса?».

На следующий день я отправил Митрофана Ивановича в райцентр, вручив ему две корзины с кроликами. На этом наши поставки мяса и закончились, а о нашумевшей инициативе забыли. Сколько подобных инициатив мне еще предстояло пережить на своем пути!

В сельской школе я начинал работать во время правления Никиты Сергеевича Хрущева, который любил различные нововведения. На здании правления колхоза был прикреплен его призывный лозунг «Догоним и перегоним Америку!».

Как-то позвал меня председатель колхоза и показал телеграмму из райцентра об организации сдачи личных коров на районную ферму за определенную цену и приобретении молока по себестоимости в колхозе. Решили провести колхозное собрание, на котором предложить колхозникам решить этот вопрос. К нашему удивлению, данное предложение не вызвало больших споров. Многим было сложно заготавливать на зиму корм, а потом за бесценок сдавать молоко. Те же, кто решил оставить скот у себя, нашли выход – пасли коров на неудобьях, в оврагах.

Большой спор в правлении колхоза вызвало другое строгое

предписание – держать на подворье не более 10 кур. Возник вопрос: куда относить петуха – к курам или сверх десятка? Наконец, решили, что петуха нельзя относить к курам.

В конце 1958 года мы ожидали рождения ребенка, а в той комнатке с младенцем проживать было бы просто невозможно. С разрешения районо пришлось пожертвовать одним классом. Печник поставил печку, вывел ее в общий дымоход. В Воронеже я купил диван, стол, железную ванну. Супруга поехала рожать к своей маме, Марии Федоровне, в Давыдовку.

Параллельно продолжалась обычная школьная жизнь, которая сочеталась с уборкой урожая. Это были годы, когда шло повальное насаждение в колхозах выращивания кукурузы. Но она не везде хорошо росла, да и убирать початки было нечем. Уже ударил небольшой морозец, землю припушило снегом, а нас опять просят помочь – убирать початки кукурузы, которые висят на стеблях. И опять в руки пионерское знамя, барабаны и строем идем убирать кукурузу. А за это – по стакану молока ученикам на перемене ежедневно круглый год.

Бывало и так. Я занят, и физкультуру проводить некому, так как Митрофан Иванович «заболел». Дети бегут и просят: «Евгений Вячеславович, дайте нам Барса!». Наш пес Барс к тому времени подрос, но к школьникам относился дружелюбно, так как они все время были у него на глазах (он жил в будке у сарая). Я спускал Барса с цепи, кидал мяч, и ватага ребят играла с псом в футбол, отнимая мяч у него и друг у друга.

Наконец, я получил телеграмму, что у меня родился сын, и назвали его Женя. Это произошло 13 ноября 1958 года. На другой день утром я был уже в Давыдовке и вместе с тещей Марией Федоровной заглядывал в окна родильного дома. На мою фуражку сыпался обильный снег.

Через три недели мы всей семьей были в Солнце-Дубраво. А уже через месяц супруге надо было выходить на работу. Тогда полагался послеродовой отпуск всего 56 дней. Я составил

расписание так, чтобы мои уроки не совпадали с уроками жены, и это давало нам возможность поочередно нянчить ребенка.

К нашей радости Митрофан Иванович привез нам из Воронежа плетеную кроватку-качалку. Теперь можно было оптимизировать процесс засыпания сына. Когда он научился говорить, требовал: «Качай быстрее!» и возмущался, если медленно качали.

Все неурядицы сельской жизни мы переносили довольно легко – молодые, здоровые, но с появлением ребенка они обострились. Бывшую классную комнату прогреть было сложно, и как мы ни топили печку, к утру вода в ведре становилась ледяной. Температура в комнате была 12 градусов, а в кроватке – ребенок, которого надо мыть, пеленать, да еще при свете керосиновой лампы! При этом никакой одежды для детей такого возраста тогда не было в продаже.

Во многом выручала швейная машинка. Ее еще летом завезли в сельский магазин, и стоила она очень дорого – 830 рублей (моя месячная зарплата). Кроме того, надо было еще сдать 300 яиц. Кур у нас не было, но зато сельчане сдавали яйца в магазин по достаточно низкой цене. Пришлось купить там яйца, чтобы получить швейную машинку. Это была первая и последняя ценная вещь, купленная нами в Солнце-Дубраво.

Так что не могу все время говорить о мажорных нотах в нашей жизни. По весне и осенью в селе была непролазная грязь, поэтому все четыре года жизни в Солнце-Дубраво я проходил в брюках-галифе, купленных в военторге, и сапогах. На голове – серая шапка-ушанка. Поэтому незнакомые люди принимали меня за демобилизованного из армии.

Кстати, в райцентре меня как-то встретил работник военкомата и радостно сообщил, что мне присвоено офицерское звание «лейтенант запаса».

– Всех представляли на младшего лейтенанта, а Вам посчитали возможным присвоить звание «лейтенант», –

торжественно сказал он. Так я заменил военный билет рядового на документы офицера запаса. Но служба моя продолжалась в школе.

Однажды в школу приехал на лошади инструктор райкома партии, вежливый молодой человек. По поручению руководства он предложил мне работу председателя рабочего комитета вновь организованного овощеводческого совхоза «Донской».

Я возразил ему, что эта работа не для меня, лучше буду заниматься воспитанием детей.

– Но ведь у Вас хорошо получается работа секретаря партийной организации колхоза!

– Эту работу я выполняю на общественных началах.

– Ну ладно, постараюсь, чтобы Вас не трогали, – сказал инструктор.

Больше с такими предложениями ко мне не обращались.

К началу нового, 1959-1960 учебного года в школу прислали нового учителя вместо Митрофана Ивановича. Это был Павел Федорович Глазьев, учитель физкультуры и труда. Вместе с ним приехала его жена Ефросинья Ивановна, учитель химии и биологии. До этого они работали в Ступинской средней школе Березовского района, но оттуда им пришлось уволиться, вроде Павел Федорович – неуживчивый человек.

Мне было странно слышать такие вещи, хотя я и знал, что инспекторы районо довольно часто выезжают в школы для проверки жалоб, а не по основной работе. Поселил я приезжих в нашу бывшую комнату – тесновато (они были с сыном пяти лет, Славиком), но больше ничего я им предложить не мог.

Жить нам в школе стало веселее, да и теперь могли съездить в Воронеж к моим родителям всей семьей – хотя бы искупаться в ванной. Осенью Павел Федорович наносил своим рюкзаком яблок из села, где жила его мать, и мы на зиму замочили их целую бочку. В нашем селе плодовых деревьев ни у кого не было. Говорили, что когда ввели налог на каждое плодородное дерево, крестьяне их просто спилили.

Павел Федорович оборудовал мастерскую для занятий по трудовому обучению. Он учил ребят ходить на лыжах, стрелять из малокалиберной винтовки. Включили его в состав художественной самодеятельности – он хорошо играл на гармошке.

Особенно запомнилось выступление нашей самодеятельности в деревне Буравлянка. На концерт пришли жители многих окрестных сел. Перед этим прошел сильный дождь и «артистам» пришлось добираться в Буравлянку на телеге, которую тянул трактор. Но концерт удался на славу, и о нем потом долго говорили.

Никакой неуживчивости Павла Федоровича я так и не заметил, хотя его работой неоднократно интересовались из районо. Я пришел к выводу, что вся эта «неуживчивость» и писанина друг на друга исходят от безделья. Когда человек занят делом, ему некогда думать о чем-то другом. Он просто мечтает об отдыхе после трудового дня.

На одной из традиционных районных конференций по итогам учебного года мне была вручена Почетная грамота Министерства просвещения РСФСР, которая осталась для меня самой дорогой наградой, и я храню ее до сих пор.

Глава 3. СТУПИНО

Приближался новый 1960-61 учебный год. Неожиданно меня вызвали к заведующему Воронежским областным отделом образования Александру Петровичу Костину. Он встал, поздоровался со мной за руку и сказал, что Березовский районный комитет партии по представлению районо рекомендует меня директором Ступинской средней школы. В Березовском районе тогда было всего три средние школы: Рамонская, Ново-Животиновская и Ступинская.

– Директор Ступинской школы никак не может справиться с коллективом, – сказал Костин. – Все пишут и пишут. Мы устали ездить проверять. Я думаю, ты молодой, энергичный, у тебя получится.

Пришлось согласиться, тем более, что мою школу переводили на центральную усадьбу совхоза «Комсомолец», а в Солнце-Дубраво оставались только начальные классы.

В тот же день был издан приказ о переводе меня директором Ступинской средней школы с 15 августа 1960 года. Я помчался в районо, показал приказ, они его продублировали, поздравили меня с назначением и сказали, чтобы я ждал нового директора для приема школы. О таком повороте в нашей жизни я сообщил жене, оседлал велосипед с моторчиком и поехал смотреть Ступинскую школу, которая находилась недалеко от Рамони, через реку, в восьми километрах, но я там никогда не был.

Директор школы Василий Петрович Крюков встретил меня с распростертыми объятиями: «Наконец-то я уеду в свою Пчельниковскую семилетку! Здесь какая-то клоака!».

Я начал знакомиться со школой. На 260 учащихся –

35 учителей. Все 10 классов укомплектованы. Село Ступино растянулось на несколько километров. Центральная усадьба далеко, школа – как автономия. Десяток квартир учителей рядом со школой. Интернат в бывшем помещичьем доме, там же живет зам. директора по учебной работе Потанина с мужем и свекровью – старой дворянкой. Имеется автомобиль, так называемая «полупорка» военного образца, лошадь. Во дворе усадьбы – тракторный двигатель, который освещает школу и ближайшую округу с 18 до 23 часов. Учителя, в основном, местные. Несколько молодых выпускников педагогического института.

Договорились с моим предшественником В.П. Крюковым, что через день он придет в Солнце-Дубраво полупорку, и мы переедем. Квартиру к этому времени Василий Петрович уже освободил. Это был низкий домик с большой кухней, залом и спальней. Беда была в том, что все стены в доме оказались сырыми. И хотя прежний хозяин обшил стены снизу досками, сути дела это не меняло.

В Солнце-Дубраво я попросился с учителями и пошел к председателю колхоза. Он был заметно огорчен таким поворотом событий. Я объяснил, что в Солнце-Дубраво все равно не смог бы остаться, так как школу переводят в другое место.

– А как же общественная работа? Кто ее будет проводить? – Василий Яковлевич с досадой махнул рукой.

– Но ведь начальная-то школа остается, – успокаивал я.

– Это не то. Замрет жизнь села.

Председатель колхоза, имеющий среднее агрономическое образование, понимал важную социальную роль сельской школы, чего не смогли понять министерские чиновники с учеными степенями и званиями. В настоящее время закрываются малокомплектные школы на селе, а ребят возят на автобусах в опорную школу. Тратят огромные средства на эксплуатацию и содержание школьных автобусов. А на практике – то автобус

сломался, то дорогу замело, то бензина нет. И сидят ребята дома. Но даже при идеальных условиях – это не выход. Там, где нет школы – село умирает.

Уже в наши дни я по этому вопросу много раз выступал на конференциях и совещаниях различного уровня, в средствах массовой информации, но, увы, процесс разрушения образовательной системы на селе продолжается...

Сдал я свою школу, которая стала мне родной, новому директору. Человек он был для района новый, демобилизованный из армии офицер. Вскоре со своей семьей, собакой и кошкой я был на новом месте. Начиналась новая жизнь, жизнь директора Ступинской средней школы.

На следующий день после приезда в Ступино я вновь встретился со своим предшественником. С участием председателя сельского Совета и бухгалтера составили акт приема-передачи, и я приступил к исполнению своих обязанностей директора средней школы. Прежний директор пожелал мне удачи, облегченно вздохнул, сел на велосипед и отправился в свою долгожданную Пчельниковскую школу. Он был приятный мужчина, лет на десять старше меня, мы с ним неоднократно встречались на совещаниях в районо. Я его просил, чтобы он не давал мне характеристику учителям, иначе у меня к ним будет заранее сформировано определенное отношение. Поживем-увидим, кто чего стоит.

Я зашел в учительскую, через которую можно было войти в мой кабинет. Там оживленно общались человек двадцать учителей, вышедших из отпуска, в том числе, заместитель директора по учебной работе Потанина. Было не трудно понять, что они обсуждали перемены в школе и нового директора. Потанина, рыжеволосая пухлая женщина лет тридцати пяти, через очки с толстыми линзами выжидательно посмотрела на меня.

Я представился и сказал:

– Будем считать, что у нас сегодня малый педагогический совет. Хотелось бы, чтобы каждый нашел свое место в подготовке

школы к началу нового учебного года. До сих пор я не увидел расписания учебных занятий! Нет порядка и в учебных кабинетах! Предлагаю завтра устроить субботник по благоустройству территории. Можно привлечь и учащихся, но только вместе с вами. Учитель труда определит каждому участок работы.

На следующий день работа бурно закипела. Одни красили решетку забора вокруг школы, другие белили деревья и подсобные помещения, третьи вместе с учащимися убирали школьный двор и прилегающую территорию.

Подъехал на машине председатель райисполкома Морщак Иван Федорович. Походил, посмотрел.

– Писать жалобы не будут? – обратился ко мне.

– Труд украшает человека, – парировал я.

Он засмеялся, пожелал удачи и уехал. Так началась моя работа в новом коллективе.

На торжественную линейку 1 сентября 1960 года выстроилась вся школа – 260 учащихся и учителя. В сторонке стояли родители первоклассников. По сравнению с Солнце-Дубравской школой, зрелище было внушительное. Приехал на мотоцикле заведующий районо Гвоздиков Яков Ильич, который в свое время был директором этой школы.

Все традиционно – речи, цветы, первый звонок. Десятиклассник пронес на плече первоклассницу с белыми бантами. В актовом зале собрались учителя, с которыми побеседовал Яков Ильич. Потом поговорили с ним один на один. Он дал мне ряд советов и уехал. Начались школьные будни.

Много раз перечитывал я книгу выдающегося украинского педагога Василия Александровича Сухомлинского «Павлышская средняя школа», в которой было много методических советов по организации учебно-воспитательного процесса, и которые часто помогали мне в работе. Если бы это было в Солнце-Дубравской семилетней школе, где вместе со мной трудилось всего семь учителей, я бы их просто замучил своими методиками. Здесь же был коллектив в пять раз больше.

Начал знакомство с младших классов и постепенно добрался до старших. При этом посещал не один урок у учителя, а несколько подряд, чтобы было целостное представление. Включил в эту работу завуча школы и методический совет. Объявил, что по итогам первой четверти будет проводиться педагогический совет «О состоянии качества обучения». Основной докладчик – я, содокладчик – завуч. Писать кляузы стало некогда, да и не на кого. Еще раньше в школе сформировались два противоборствующих «лагеря» – одни поддерживали прежнего директора, а другие – завуча. Теперь они просто испарились. Каждый старался подготовиться к уроку.

Свекровь Потаниной, которая от скуки была инициатором всех «разборок», оказалась не у дел. Я часто заходил в интернат, где проживали и ученики, и Потанина. Она очень любезно меня встречала и угощала пирожками не только меня, но и ребят.

Телевизоры тогда только появились. В Ступино был один телевизор – в школе, да и то с увеличительной линзой на экране. Телевизор стоял в актовом зале, в фанерной коробке с дверцей, под замком. Ответственным за телевизор был учитель физики Иван Михайлович Присекин. Ближе к вечеру в актовом зале собирались ученики и учителя, Иван Михайлович, как чародей, открывал замок на ящике и включал телевизор.

Кинопередвижка приезжала, но только на центральную усадьбу, за 3 км от школы. Туда из наших редко кто ходил. Как-то пригласили меня в клуб прочитать лекцию о международном положении. Я пришел, просидел около часа с управляющим хозяйством (он был секретарем партийной организации), но из слушателей так никто и не появился, потому что в этот день кино не показывали. Я отправился в потемках, осенью, в грязь обратно. Больше я в этом клубе не появлялся.

На уборку сельхозкультур нас не звали. Видимо, это объяснялось тем, что в Ступино был совхоз, и в нашей работе не нуждались. Достаточно тесные связи сложились у меня с председателем сельского Совета, бойким мужчиной средних лет,

который заезжал за мной на бричке. В Ступино были распространены религиозные секты, запрещенные государством, и он всегда брал меня в поддержку на разгон их мероприятий, которые проводились в различных избах.

В бытовом плане наше положение улучшилось. Во-первых, жилье было достаточно просторное, хотя и сырое. Во-вторых, в вечернее время светили электрические лампочки, в-третьих, колодец находился рядом с домом. Туалет, как в школе, так и дома, был во дворе. Но до Воронежа добираться стало сложнее. Надо было на машине или лошади доехать до Рамони, а уже оттуда – автобусом.

С устройством сына в наше отсутствие мы решили так. Напротив нас жили две сестры-пенсионерки, одна из них – бывшая учительница. Они всегда рады были оставаться с сыном. Сыну было уже два года, он всюду говорил и бегал. Оля сшила ему из моих заношенных брюк-галифе зимнее пальто, оторочив его меховым воротником. В пальто были боковые карманы, и Женя степенно ходил, засунув в них руки. В одну из таких прогулок на его пути оказалась замерзшая лужа. Я хотел взять сына за руку, но он от моей помощи отказался – я сам! И тут же упал лбом на лед – руки-то были в карманах. На лбу у него сразу выросла громадная шишка (шрам остался до сих пор, хотя прошло больше пятидесяти лет!). Подбежавший учитель физкультуры Алексей Егорович Зенин вмиг запряг лошадь, и мы помчались в районную больницу. Врач осмотрел травму, просветил на рентген-аппарате, обработал рану и сделал вывод: ничего страшного, будьте здоровы! Медицина наша и тогда не отличалась навязчивостью.

Осенью 1960 года, примерно в октябре, я приехал в Воронеж на школьном грузовике покупать учебники и методические пособия. Зашел к родителям, рассказал о нашем житье-бытье. При разговоре присутствовал мой дед по материнской линии – Ефим Михайлович Полторацкий, который жил с ними.

Ефим Михайлович – личность легендарная. Раньше он с

пятью дочерьми и супругой – моей бабкой – проживал в с. Жуковка Полтавской области, был достаточно зажиточным человеком, так как после Октябрьской революции скупил за бесценок земли у бежавших помещиков. В общем, по современным понятиям, сделал бизнес. Организовал конную почту «Полтава-Киев», которая даже в годы гражданской войны работала регулярно. У него был дом под железной крышей, каменный сарай, 14 коров и 28 коней. Украшением дома был рояль.

В 1930 г. деда осудили вместе с другими односельчанами за принадлежность к Украинскому филиалу Трудовой крестьянской партии, которая была признана преступной организацией. Приговорили его вначале к высшей мере социальной защиты – расстрелу, который заменили 30 годами лагерей. Дом и все хозяйство отобрали, семью выслали в Архангельскую область. Там же, в Архангельске родился и я.

В доме Ефима Михайловича в с. Жуковка до начала 60-х гг. находился районный отдел милиции. Реабилитировали деда только в 1989 году, естественно, уже посмертно. Моему сыну уже в 90-х гг. удалось побывать в архиве Полтавской Службы безопасности Украины и ознакомиться с уголовным делом Ефима Михайловича. Вины своей он не признал, показаний ни на кого не давал, что по тем временам было редкостью. В краеведческом музее в селе Жуковка есть специальный стенд, посвященный Ефиму Михайловичу. Стоит там до сих пор его рояль и даже сохранившееся по сей день кожаное кресло. Но это отдельная история.

Так вот. Я в шутку пригласил Ефима Михайловича в гости, а он неожиданно согласился. По старой лагерной привычке взял с собой свою подушку. В Ступино он гостил несколько дней, познакомился с нашим хозяйством, не преминул дать ряд советов, попил парного молока от соседской коровы. Видно было, что тосковал по селу. Однако в свою родную Жуковку он так и не смог

вернуться и даже никогда не ездил туда после освобождения. Дед прожил еще почти десять лет и умер в Воронеже на 93 году жизни.

...В октябре мы решили озеленить улицу. Вокруг места живописные – река, заповедный лес, в котором по весне трубили лоси. Лес подступал прямо к школьным огородам. Позади села – молодой сосновый бор, в котором много грибов. А вот в самом селе зелени не густо. Мы привезли из питомника сотню березок и посадили вдоль сельской улицы. К нашему сожалению, березки вскоре сломали. Предположили, что это сделали сектанты в отместку за то, что не даем им проводить их сборища.

В целом с жителями села я нашел общий язык и пользовался авторитетом. В моем распоряжении был двигатель, который давал электричество, грузовая машина «полуторка», да еще и лошадь, которой селяне пользовались при посадке картофеля.

И соседи были доброжелательные. Тарелками носили нам соленые грузди, которые они заготавливали в бочках. Оля грибы не любила, а я с удовольствием ел эти деликатесы с горячей картошкой.

Для сплочения коллектива я решил устраивать культурные выезды в Воронеж. Обтягивали брезентом верх кузова, в него ставили скамейки и вперед! Запомнился один из таких выездов в Воронежский драматический театр им. А.В. Кольцова. Сколько было подготовки к этой поездке и сколько впечатлений после спектакля!

Приближался новый год, а на счете еще оставались кое-какие деньги на хозяйственные расходы. Поехал я на «полуторке» в Рамонь и выпросил в райпотребсоюзе 200 листов шифера. Заехал к ним на склад, попросил легкие санки для лошади. С этим богатством я возвратился в Ступино. Уже на следующий день сбрасывали солому с крыши дома пенсионеров Смирновых (строение было школьное) и укладывали шифер. Затем очередь дошла до соломенных крыш учебных мастерских и подсобных помещений. Теперь вся школьная усадьба была облагорожена.

Полезным делом считал я и приобретение для школьного интерната поросенка. Неоднократно наблюдал, как повариха интерната выходила домой с полным ведром пищеотходов, чтобы кормить своих поросят и кур. Почему бы и школе не купить поросенка?

Задумано – сделано. Я послал в совхоз учителя труда, и он привез поросенка, которому мы отгородили место для проживания в конюшне. Пищевые отходы потекли теперь не к поварихе, а к нашему поросенку. Если бы я знал, какую свинью подложит эта хрюшка будущему директору – моему преемнику, я бы с этим делом не затевался.

В школе была заложена хорошая традиция – проводить акцию «За честь школы». Это была своеобразная перспектива, к реализации которой начинали готовиться уже с сентября. Сам же праздник проводился в конце мая. Каждый класс собирал материал, в котором он мог показать себя. Здесь и поделки, и рисунки, и плакаты. В актовом зале отводили для каждого класса место. Ребята загорелись этой игрой и тщательно готовились к празднику, а вместе с ними и каждый классный руководитель. Но пик этого праздника я в качестве директора школы уже не увидел.

Глава 4. ЗАВЕДУЮЩИЙ РАЙОНО

В середине марта 1961 года в школу неожиданно приехал на распространенном тогда в руководящих инстанциях автомобиле «ГАЗ» инструктор райисполкома. Он сказал, что меня срочно приглашает председатель райисполкома Иван Федорович Морщак. Мы приехали в Рамонь, к клубу сахарного завода, где проходила сессия районного Совета депутатов. Нас встретил улыбающийся заведующий районо Я.И. Гвоздиков. Мы тепло поздоровались, и он повел меня в кабинет, находящийся рядом со сценой (так называемую комнату президиума). Там и расположился И.Ф. Морщак.

– Якова Ильича мы только что избрали моим заместителем, – обратился он ко мне, – поэтому предлагается тебя выдвинуть на вакантное место заведующего районо.

– Да нет. Я еще молод для этой должности – мне только 27 лет. Люблю работу в школе, творческую, а работа чиновника не для меня.

– Биографию твою мы знаем. Будешь делать работу чиновника творческой, – прервал меня председатель, – сейчас пойдем на сцену, сядешь в президиуме во втором ряду.

Мы отправились на сцену.

– Продолжим нашу работу, – обращаясь к участникам заседания, сказал Морщак. – На должность заведующего Березовским районным отделом народного образования предлагается избрать Тонкова Евгения Вячеславовича, 1933 года рождения, члена партии, директора Ступинской средней школы. Кто за, кто против, кто воздержался? Избран единогласно. Поздравляем!

Председатель пожал мне руку, и я вышел. Меня догнал Я.И. Гвоздилов. Он сказал, что через час будет готово решение сессии, а пока можно пойти посмотреть мою будущую квартиру. Это была квартира бывшего директора Рамонской средней школы, который был переведен на работу директором Горожанской школы-интерната. Прежнего хозяина квартиры, Морцагина Виктора Филипповича, я хорошо знал, он был нашим дальним родственником, и мы иногда останавливались у него, приезжая в Рамонь на районные педагогические конференции.

Квартира состояла из кухни, гостиной и спальни. В кухне и спальне были печки. Во дворе – туалет и сарай с погребом. Квартира находилась фактически в саду школы, которая располагалась в доме, до Октябрьской революции принадлежавшем принцессе Ольденбургской.

Дождавшись, пока было готово решение сессии о моем избрании, я сел в автобус и отправился в Воронеж. Вошел в кабинет заведующего областным отделом образования Костина Александра Петровича.

– Что-то ты к нам зачастил, – засмеялся он.

– Да вот, с новой должностью...

– Знаю, знаю, – прервал он меня, – теперь будем чаще встречаться.

Буквально через десять минут был готов приказ о моем назначении, и я вернулся в Рамонь. В районо меня уже ожидал Гвоздилов. Поговорили о будущей работе, он передал мне несколько папок с бумагами, которые лежали в сейфе, печать, штампы и ключ от сейфа.

– Из школы приехала за тобой машина, – сказал он. – Поезжай домой. Дела временно передай Потаниной.

Поговорили о кандидатуре директора и пришли к выводу, что больше всех подходит Мамонов Иван Тихонович, правда, он был беспартийный. Его потом и назначили. А года через полтора

освободили. Написали на него жалобу, что неправильно поделил мясо свиньи (того поросенка, что завели еще при мне). Да еще припомнили, что армия, в которой служил Мамонов в годы войны, попала в окружение под Харьковом, а он оказался в плену и батрачил у немецкого бюргера.

Вернувшись домой, я бодро сказал жене:

– Ну, мать, собирай вещи! Завтра поедем в Рамонь. Меня назначили заведующим районо!

– Сидел бы ты на месте. Только обжились. Не надо было соглашаться!

Меня эта должность тоже не прельщала, причем зарплата была ниже, чем у директора средней школы, всего 860 рублей, и я вынужден был после работы вести уроки истории еще и в вечерней школе.

На следующий день, утром передал дела Потаниной, не знаю, к ее радости или печали, скорее, к радости. Попрощался с учителями. Подошел Павел Федорович Глазьев, который со своей семьей переехал вслед за мной из Солнце-Дубраво.

– Это вам на память от нашей семьи, – протянул он большой альбом для фотографий в бархатном переплете. Этот альбом и сейчас хранится у нас. На нем стоит дата моего отъезда из Ступино – 18 марта 1961 года.

И опять «полуторка» с нашим скарбом и будкой с собакой отправилась на новое место жительства. Ехали окружными путями, лесом, потому что дорогу сильно развезло – наступила весна. Лесная дорога тоже была разбитой, но фронтовая машина выдержала трудный путь с честью.

Когда мы в Рамони разгрузались, подошел пожилой человек. Оказалось, наш новый сосед – учитель биологии Буйленко Николай Васильевич, ветеран Великой Отечественной войны, бывший майор. Дочь его училась в Воронеже, а сын был младшим лейтенантом милиции. Сын ходил в синем кителе с блестящими медными пуговицами, весь в ремнях-портупях, с кожаным

планшетом и пистолетом в кобуре. Наш сын всегда зачарованно смотрел на него. Когда у него спрашивали – кем ты хочешь стать, когда вырастешь, неизменно отвечал:

– Милиционером на ситровом заводе (в смысле, где выпускают напиток «ситро», он его очень любил).

Все дружно смеялись от такой его ранней профессиональной направленности, но в итоге, почти так и получилось – сын стал полковником милиции.

С семьей Буйленко мы подружились. У них была моторная лодка, и иногда мы на ней поднимались вверх по течению реки. Места там были очень красивые.

– Вы живете как в Швейцарии, – восхищались приезжие. И хотя никто в Швейцарии не бывал, но она почему-то рассматривалась всеми в качестве эталона прекрасного.

В гости к Николаю Васильевичу мы приезжали и потом, уже проживая в Белгороде.

Сына мы определили в детский сад, который находился недалеко от липовой аллеи, высаженной еще при принцессе Ольденбургской. Оля стала вести уроки истории в Рамонской средней школе. Директор школы – Корыстин Василий Васильевич, худой, желчный, всегда чем-то недовольный. Впоследствии, когда я в качестве заведующего районо проводил совещания, часто опаздывал, держал себя высокомерно. Причиной такого поведения оказался тот факт, что с заведующим облоно Костиным они были женаты на родных сестрах.

Как-то он поставил в повестку дня педагогического совета вопрос «О крашении губ». С докладом выступил сам и заявил, что некоторые «дамочки» позволяют себе ходить на уроки с накрашенными губами, чем отвлекают учащихся от занятий, внимание на уроках рассеивается.

Ему возразил завуч школы Ильинский:

– Работа у наших учителей трудная, пусть хоть чуть-чуть почувствуют себя женщинами! Красьте губы, товарищи женщины! – призвал он. Раздались аплодисменты.

20 марта 1961 года – первый день моей работы в должности заведующего районо. Весь штат отдела составляли три инспектора и бухгалтер. Все лет на десять были старше меня.

– Мы с вами где-то встречались, – пошутил я. Все дружно заулыбались.

Я попросил инспектора Дмитрия Васильевича обзвонить директоров школ – решил 24 марта провести совещание по итогам третьей четверти. Школьники в то время были на весенних каникулах.

Позвонил заведующий общим отделом райисполкома:

– Забирай свой мотоцикл! Он стоит у нас в гараже.

На мотоцикле я раньше никогда не ездил, только на велосипеде с моторчиком. Дмитрий Васильевич посоветовал пригласить учителя труда из Рамонской школы, который хорошо разбирался в технике. Так я и сделал. Для моего обучения мотоциклетному делу потребовалось два вечера после работы, и вскоре я уже разъезжал по всему району на мотоцикле. Никаких прав на вождение у меня не было.

24 марта перед совещанием ко мне зашел директор школы пос. Бор, инвалид войны, без ноги, на костылях:

– Примите наши поздравления от всего коллектива директоров. Скажу без всякого подхалимажа, что когда обсуждался вопрос о кандидатуре, все мы пришли к выводу, что Вы самый подходящий человек. Считайте, что мы тоже выбрали Вас!

– Спасибо за доверие, – ответил я, – но и вы старайтесь меня не подводить.

Первое совещание я провел в оптимальном режиме. Не стал каждого поднимать с отчетом, как было раньше, а попросил все отчеты сдать инспектору Дмитрию Васильевичу.

– Если у кого есть сложные проблемы, которые сами не можете решить, давайте обсудим вместе, – сказал я директорам, – предлагаю в последующем совещания проводить не в районо, а сделать их выездными, в каждой школе по графику. И себя покажем, и других посмотрим. Побываем на уроках, познакомимся

с материальной базой. Надо избавляться от термина «инспекторская проверка»!

С моим предложением все согласились.

– Тогда первой по графику будет Ново-Животиновская средняя школа, – кивнул я в сторону директора этой школы. Выезд от районо в 10 часов. Начало работы в 11 часов. Кому ближе – добирайтесь сами!

Такая практика мной реализовывалась на протяжении всей работы заведующим районо и дала положительные результаты. Половина поступавших в районо бумаг «просим представить», «просим обеспечить» летела сразу в корзину. Организаций в районе много, и все чего-то требовали.

Однажды зашел ко мне секретарь районного комитета комсомола:

– Вы получили от нас письмо о проведении соревнования между школами по сбору металлолома?

– Да, вроде, нет, – посмотрел я на столе. – Ага, стой! – полез в мусорную корзину и вытащил конверт с обратным адресом райкома комсомола.

От удивления секретарь опешил.

– Ты что, не мог ко мне зайти и просто сказать, живем ведь через стенку? – спросил я.

Райком комсомола размещался в другой половине здания. Я рассказал ему, как у нас, в Солнце-Дубравской школе, соревновались классы по сбору металлолома. Во дворе школы отвели каждому классу место для складирования металла. Борьба была острой. Был даже назначен дежурный, который следил, чтобы не перебрасывали металл из одной кучи в другую.

Соревнование подходило к концу, когда ко мне зашел тракторист и попросил посмотреть, нет ли среди металлолома запасных частей от его трактора.

– Только привез новые запасные части в ящике, сходил на обед, а ящик пустой, – горестно взмахнул рукой он.

Мы как раз ждали машину, которая должна была отвезти

металлолом в Рамонь. К радости тракториста, в одной из куч металлолома он обнаружил свои запчасти – их не успели увезти! Это была куча передового 6 класса.

Я зашел в класс:

– Кто взял запасные части от трактора?

Встали пять передовиков:

– Мы думали, что они никому не нужны. Хотели же, как лучше.

– А получилось, как всегда, – добавил бы я сегодня. Но тогда мы еще не знали этой знаменитой фразы. Поэтому я просто сказал:

– После уроков запчасти вернуть на место!

Было принято решение: в качестве наказания 6 классу отдать последнее место в соревновании.

– Поэтому, – завершая свой рассказ, сказал я, обращаясь к секретарю райкома комсомола, – в вашем письме надо указать, какой металл можно брать, а какой нет, а то они и целый трактор притянут! А мы, между прочим, опередили комсомол. Соревнование по сбору металлолома уже провели и сводный отчет составили. Можете ознакомиться!

На этом и расстались. А комсомольский секретарь еще долго вспоминал и всем рассказывал, как я его письмо искал в мусорной корзине.

Отпуск мне не дали, и все лето я был на работе. Ближе к осени к нам приехали моя теща Мария Федоровна и младшая сестра жены Валя, которая окончила педагогическое училище в г. Россошь Воронежской области. В Рамонской средней школе она стала вести математику в 5 классах. Валя и моя жена Оля были активными участницами школьной художественной самодеятельности и в праздничные дни в клубе «Сахарник» с большим успехом на два голоса исполняли песни – репертуар у них был довольно широкий. Время неумолимо – сегодня Валентина Николаевна живет в Подмосковье, и сама уже давным-давно бабушка.

В поселке Бор, недалеко от Рамони, находилась мужская колония строгого режима. Осужденные работали на заготовке

торфа. Я являлся членом наблюдательной комиссии колонии по условно-досрочному освобождению, поэтому приходилось там бывать. Осужденные часто жаловались на плохое питание, говорили, что мало дают мяса. Меня это даже раздражало – мясо мы тогда и сами редко имели в своем скудном рационе. Оля однажды читала лекцию осужденным. В зале молча сидели слушатели – отряд бритоголовых угрюмых мужчин в серых робах, а у стола, с автоматом наперевес, стоял охранник.

Каждый понедельник проходило заседание исполкома. Зимой оно начиналось в 8 утра, а в весенне-летний период – в 7 часов.

Председатель исполкома рекомендовал мне бывать не только в школах района, но и встречаться с председателями сельских Советов и руководителями хозяйств, интересоваться не только школьными делами, но и связью школ с сельскохозяйственным производством.

Я сказал председателю, что разговор с руководителями хозяйств плохо получается – они чувствуют себя местными князьками, а в некоторых колхозах приходится с боем добиваться, чтобы школьникам давали молоко.

– А ты подготовь доклад по этому вопросу. Мы соберем председателей колхозов и директоров школ, – дал мне поручение И.Ф. Морщак.

Такое совещание состоялось, и я выступил на нем с докладом «Об этике отношений». В нем я не только изложил суть вопроса, но и на конкретных примерах показал отношение некоторых руководителей хозяйств к школам. Привел и положительные примеры, отметив, в частности, колхоз им. Мичурина, на территории которого располагалась Солнце-Дубравская школа, где я раньше работал.

На совещании присутствовал и первый секретарь райкома КПСС Подгузов Иван Федорович, в то время – главный руководитель в районе. Он обвел зал глазами и с металлом в голосе произнес:

– Уважаемые господа-товарищи, не забывайте, что вы не

помещики, а слуги, избранные народом. Если узнаю о вашем хамском отношении к людям, вмиг станете рядовыми! – Он еще раз тяжелым взглядом посмотрел в зал. Председатели втиснулись в кресла, низко опустив головы. Первый секретарь пользовался большим авторитетом не только в районе, но и в области. Его побаивались и ответственные работники Воронежского областного комитета партии. Позже, когда он был первым секретарем Анненского райкома КПСС, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда – высшая, по тем временам, награда.

Как и сейчас, раньше было модно заключать договоры о сотрудничестве между предприятиями, районами, областями. В райкоме партии мне рекомендовали подготовить такой договор с органами образования Новоусманского района Воронежской области, нашим близким соседом. Договор я подготовил и отнес секретарю райкома партии по идеологии Рогожниковой. Это была высокая, довольно красивая женщина лет сорока, с гладкой прической. Всегда была невозмутимой и спокойной.

Она прочла договор, одобрила и тут же созвонилась с Новоусманским райкомом партии. Наметили день встречи в Новой Усмани. После подписания договора остановились обе делегации у реки Воронеж. С нашей стороны были секретарь райкома Рогожникова, заместитель председателя райисполкома Гвоздиков и я, а со стороны соседей – второй секретарь райкома партии Вавакин, заместитель председателя райисполкома Мозговой и заведующий районо Курилов. Расстелили плащ-палатку и подняли тост за договор.

Я поставил стакан с водкой на землю и сказал:

– Я пить не буду! Сами пропагандируем борьбу с пьянством и в то же время находим случай, чтобы выпить!

У моего коллеги Курилова стакан повис в воздухе, и очки почему-то полезли вниз, к носу. У Вавакина рот застыл в улыбке. Гвоздиков ехидно посмотрел на меня.

– Каждый договор скрепляется чем? Печатью, а не водкой! – добавил я.

Рогожникова так хохотала над моей выходкой, что стала икать, а потом пошла купаться.

Гвоздиков потом еще долго «подкалывал» меня:

– Может, еще с кем поедем подписать договор?

Приближался 1962 год. В сельских магазинах, да и в райцентре, было, как говорится, хоть шаром покати. На прилавках пусто. Люди недовольно возмущались – Америку, видно, уже догнали, скоро будем перегонять... Это было время, когда Н.С. Хрущев выдвинул лозунг: догнать и перегнать Америку! Но задача оказалась не по зубам...

Зашел к председателю райпотребсоюза:

– Дайте хоть что-нибудь учителям к празднику!

– Ладно, – смилостивился он. – По 1 кг вермишели и по 1 кг халвы.

Пошел домой. Уже темнело. Дома никого не было, только Барс подал голос. Зашел в детский сад. Воспитательница была одна с моим сыном. Я извинился, что заставили ее ждать, и мы с четырехлетним Женей пошли домой. Примерно через час прибежала радостная жена:

– В очереди стояла! Вермишель и халву дали к Новому году!

Глава 5. АСПИРАНТУРА

К весне стали поговаривать, что наш Березовский район планируют объединить с Семилукским. У нас в стране давно вошло в привычку вольно обращаться с административно-территориальным устройством – все время что-то объединяют, разъединяют, создают новые районы, а то и субъекты федерации. При встрече с Я.И. Гвоздиковым, я спросил его о предстоящем объединении. Он ответил, что скоро это будет, но попросил пока этот вопрос не афишировать.

Центр, скорее всего, будет в Семилуках, – подумал я. Это промышленный город, недалеко от Воронежа. Надо было что-то думать по поводу работы. Решил осуществить свою давнюю мечту и поступить в очную аспирантуру. Посоветовался с супругой и отцом. Они мой выбор одобрили. Пошел к председателю исполкома за характеристикой.

– Если бы не предстоящее объединение районов, я бы тебя не отпустил, – сказал он. – Но с учетом предстоящих перемен, скажи заведующему общим отделом, пусть подготовит характеристику.

Через две недели, собрав необходимые документы, я отправился в Воронежский педагогический институт. Решил поступать в аспирантуру по кафедре педагогики, чтобы на научной основе проанализировать накопившийся у меня практический опыт. Зашел к заведующему кафедрой педагогики и психологии доктору педагогических наук, профессору Николаю Ивановичу Алпатову. Он был хорошо знаком с моим отцом, но, несмотря на это, встретил меня довольно холодно и неприветливо. Алпатов отличался сложным характером, но, видимо, имел на это право. Он был видным отечественным педагогом. После окончания в 1928 году

Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена долго работал на Урале и даже несколько лет (1952 – 1956 гг.) был ректором Челябинского педагогического института.

Н.И. Алпатов со мной сухо побеседовал о моей педагогической деятельности, но разрешил подавать документы, видимо, моя биография его впечатлила.

В сентябре я успешно сдал экзамены и был зачислен в очную аспирантуру. Поехал в Рамонь. Зашел к председателю райисполкома И.Ф. Морщаку, показал ему письмо-вызов из института, что я зачислен и с 1 октября 1962 г. должен приступить к занятиям. Он меня поздравил и предложил зайти доложить ситуацию к первому секретарю райкома партии И.Ф. Подгузову.

В кабинете у Подгузова был и второй секретарь – Перловский. Я сказал, что поступил в аспирантуру. Они меня поздравили. Я почувствовал, что они не совсем понимают суть вопроса.

– В очную аспирантуру, – добавил я.

– Да как же так! Мы думали, ты заочно поступаешь! А кто работать-то будет? – набросились на меня оба.

– А что бы я делал после объединения районов? – защищался я.

– Без работы бы не остался, – сказал Подгузов. – Но если уж так, иди, грызи науку!

Во время обучения в аспирантуре я жил в Воронеже у родителей, а Оля с сыном остались в Рамони, так как супруга работала учителем истории в средней школе. В аспирантуре тогда была строгая дисциплина. Надо было каждый день ходить на учебу, и в Рамонь я ездил только на выходные. Работать и даже вести семинарские занятия запрещалось. Два раза в неделю были обязательные занятия по немецкому языку для подготовки к кандидатскому экзамену (в группах по 5 человек), надо было посещать и конспектировать лекции профессора Н.И. Алпатова, который стал моим научным руководителем, выполнять многочисленные кафедральные поручения. Штудировал труды

классиков педагогической мысли, знакомился с новинками методической литературы.

Педагогический институт шефствовал над пригородным поездом Воронеж – Графская. Один раз в две недели я выполнял довольно обременительное партийное задание. Садился в этот поезд и обращался к пассажирам с просьбой прослушать мою короткую лекцию о международном положении или внутренней политике партии. После моего выступления группа студентов исполняла под гармонь две-три песни. Затем переходили в следующий вагон и так до конечной станции, где бригадир поезда ставил печать в документ, подтверждающий подлинность наших концертов. Такое было время.

За год я сдал экзамены кандидатского минимума и подготовил проспект будущей диссертации. Посоветовавшись с научным руководителем, я избрал близкую мне тему о перспективе, так как по этой проблеме у меня уже было собрано много опытно-экспериментального материала.

К сожалению, 5 октября 1963 года профессор Н.И. Алпатов неожиданно умер от инсульта. Ему было всего 57 лет. Мне предложили перейти на кафедру философии, но я отказался. Новым научным руководителем был назначен кандидат педагогических наук Константин Иванович Васильев. Однако, проблема заключалась в том, что новый научный руководитель был специалистом по истории высшей школы, сам готовился к защите докторской диссертации и не мог оказать мне необходимой помощи. Это существенно затрудняло работу над диссертацией, но к концу второго года обучения теоретическая глава была завершена. Оставалось провести эксперимент в школе. К этому делу тогда относились очень серьезно, да и диссертации защищались несколько по-другому, и было их совсем немного.

Для постановки эксперимента я принял решение перевестись в заочную аспирантуру и попроситься вновь вернуться в школу на практическую работу. Такое разрешение через Министерство

просвещения было получено, хотя и не без труда. Воронежским областным отделом народного образования по-прежнему заведовал А.П. Костин, который встретил меня приветливо. Я объяснил ему ситуацию и изложил свою просьбу. И тут удача мне улыбнулась.

– Вовремя ты пришел, – сказал Костин. – Есть вакансия директора средней школы в Новой Усмани. Это в 15 км от Воронежа. Директор школы подал заявление об уходе – не смог справиться с женами начальников, которые работают там учителями. Пойдешь?

Я согласился. При мне Костин позвонил заведующему Новоусманским районо Курилову, спросил, не возражает ли он против моей кандидатуры на должность директора школы. Слышу – Курилов не против, мы были с ним хорошо знакомы.

Я отправился на автобусную остановку и вскоре был в кабинете И.В. Курилова. Он спросил меня, зачем я хочу вернуться в школу. Объяснил, что нужно провести эксперимент по теме диссертации. Мы пошли с ним к второму секретарю райкома партии Вавакину. Посмеялись, вспомнив нашу предыдущую встречу на реке после подписания договора о сотрудничестве. Вавакин предложение облоно одобрил. Подготовили представление о назначении, и я поехал в Воронеж.

В этот же день я получил на руки приказ облоно. Не было тогда ни электронного документооборота, ни компьютеров, ни факсов, ни мобильных, но вопросы решались гораздо оперативнее. Так, в августе 1964 г., я стал директором Новоусманской средней школы.

Глава 6. НОВАЯ УСМАНЬ

Прибыв к месту нового назначения, пришел к председателю райисполкома Исаенко Павлу Григорьевичу. Встретил он меня радушно, уже зная о моем назначении:

– Моя супруга тоже историк, как и Вы, – сказал он. – Вот только с квартирой придется подождать, но все образуется.

После разговора с Исаенко, я направился к заведующему районо Курилову, которому вручил приказ о моем назначении, после чего пошел принимать школу. Она располагалась в центре села рядом с районным отделом внутренних дел. Недалеко от школы была автобусная остановка. Школьный забор был из добротного кирпича – раньше на месте школы стояла церковь, её разрушили в 20-е годы, а забор сохранился. По всему периметру забора росли высоченные липы. Школа была двухэтажная.

Поднялся на второй этаж и встретил прежнего директора – спокойного высокого человека лет 45.

– Надоело работать под оком государевым, – объяснил он причину своего увольнения. – С одной стороны школы – райисполком, с другой – районо, а внутри – жены их руководителей. Да и жил все время на съемной квартире у старушки. Поеду домой!

Школа была довольно крупной и по сегодняшним меркам: 860 учащихся, 65 учителей. В числе последних – жены секретарей райкома, председателя райисполкома, начальника милиции, районного судьи и т. д. Всего таких начальствующих супругов я насчитал 17 человек. Да, видимо, не просто было директору управляться с ними. Сдал он мне школу и уехал. Остался я один на один с этим беспокойным хозяйством. Таким большим коллективом мне еще не приходилось руководить.

Школе принадлежали 2 автомобиля ЗИЛ-150, 2 трактора и лошадь. При школе был организован интернат на 35 детей. На пришкольном участке, который был в образцовом порядке, меня удивило изобилие цветов – розы, георгины, флоксы, хризантемы. Цветы лейкой поливала женщина лет 40, как выяснилось, учитель химии.

– Почему же на школьном дворе нет цветов, если здесь их великое множество? – удивился я.

– Боимся, что порвут.

– Приучать надо, чтобы не рвали! К тому же петунии и львиный зев вряд ли подойдут для букетов, и надо засаживать ими школьный двор.

На следующий год я так и сделал. Теперь цветы с раннего лета до поздней осени украшали двор школы.

Ночевать я ездил к родителям в Воронеж, а к 8-30 уже был в школе. По воскресеньям ездил в Рамонь к жене и сыну. Познакомился со своими заместителями: по учебной работе – Николай Федорович Минаков, по производственному обучению – Николай Алексеевич Медведев, по воспитательной работе – Нина Григорьевна Мистюкова. Все они оказались моими настоящими помощниками и друзьями на протяжении четырех лет руководства школой.

Минаков частенько подшучивал над Медведевым:

– Пойди, расскажи деткам о своем героическом прошлом!

Дело в том, что Медведев был 1927 года рождения и когда его призвали в армию, война закончилась. Однако он считался участником Великой Отечественной войны со всеми полагающимися льготами и медалями, хотя на самом деле не воевал.

Перед началом учебного года я собрал педагогический совет школы. Несколько слов сказал о себе. За плечами были уже и школа, и районо, и аспирантура, т.е. было, что сказать. Затем подчеркнул, что в целях успешного воспитания и обучения следует

всему коллективу работать над единой темой. В этом плане я предложил перспективу в жизни и деятельности школьников как средство воспитания и тезисно изложил свою программу. Начинать надо с себя, т.е. с теоретической подготовки к решению данной проблемы. Надо связывать перспективу, рассматривая ее как педагогическое средство воспитания, с теми психологическими явлениями, которые стимулируют деятельность школьников, оказывая влияние на их чувства и эмоции.

Перспектива, воздействуя на личность подростка, дает возможность даже неинтересную работу сделать увлекательной, наполнить новым содержанием, изменить мотивы труда. Мы должны постоянно обращать внимание на органическую зависимость и взаимосвязь между перспективой и мотивом деятельности. Процесс осуществления перспективы положительно влияет на мотив деятельности школьника и, наоборот, нравственное содержание мотивов помогает в реализации намеченной перспективы.

Нельзя забывать и об эстетической стороне перспективы. К. Маркс подчеркивал, что «люди творят не только по законам материальной необходимости, но и по законам красоты». Мало научить школьников рассуждать о труде и писать сочинения, воспевающие трудовые подвиги. Самое главное – раскрыть прелесть труда в самой деятельности, чтобы учащиеся почувствовали внутреннюю потребность в труде, ощутили его красоту.

Осуществление намеченной перспективы зависит от того, насколько она стала внутренней потребностью ее исполнителей. Продуманная система перспективных линий, учет имеющихся у подростков положительных мотивов и потребностей способны создать у него такие новые мотивы, которые будут содействовать воспитанию нравственно-ценных потребностей.

Как писал выдающийся педагог А.С. Макаренко, «воспитать человека – это значит воспитать у него перспективные пути.

Программа имеет великое значение в жизни человека. Даже самый никчемный человецишка, если видит перед собой не простое пространство земли с холмами, оврагами, болотами и кочками, а пусть и самую скромную перспективу – дорожки или дороги с поворотами, мостиками и столбиками – начинает и себя раскладывать по определенным этапам, веселее смотреть вперед, и сама природа в его глазах кажется более упорядоченной: то левая сторона, то правая, то ближе к дороге, то дальше. Мы сознательно рассчитывали на великое значение всякой перспективности»¹.

В то же время, не всякая перспектива, выдвинутая перед школьниками, может стать для них радостью. Иногда они могут не понять ее и отнестись к ней равнодушно. Это происходит в тех случаях, когда учащиеся внутренне не подготовлены к выдвигаемым перспективам. А.С. Макаренко большое внимание уделял перспективному минимуму, считая, что защищенность ребенка от самодурства и произвола взрослых, приветливость и простота в отношениях во многом способствуют внутренней подготовке учащихся к выдвигаемым перспективам. Всякую работу с детьми должны разбивать на этапы, от близкой перспективы - к средней, а затем и далекой.

Обращаясь к своим новым коллегам, я сказал:

– У нас с вами работа упрощается. В 1966 году Новоусманская средняя школа отмечает 125 лет со дня основания. Для нас этот праздник – великая перспектива. Именно на этой основе каждому классу строить близкие и средние перспективы и посвящать празднику свои успехи по всем направлениям!

Мое выступление поддержала заместитель по воспитательной работе Нина Григорьевна, которая, как и я, была аспиранткой кафедры педагогики и психологии Воронежского педагогического института. Супруга председателя райисполкома Зинаида Андреевна Исаенко сказала, что такой праздник – большой подарок в плане организации работы с детьми. Так перспектива взяла старт.

¹ Макаренко А.С. Собр. соч. – Т.1. – М., 1954. – С. 531.

На следующее утро Нина Григорьевна постучалась в мой кабинет:

– Евгений Вячеславович! Я всю ночь не спала! Такого педагогического совета у нас никогда не было. Так считаю не только я, но и все учителя, с которыми я встречалась.

В кабинете у меня находился секретарь партийной организации школы Иван Васильевич Цыков.

– Действительно, педагогический совет прошел на уровне, – подтвердил он. – И Ваш доклад впечатлил нас.

– Спасибо, конечно, – ответил я, – но главное, держать все время руку на пульсе реализации этой идеи.

И.В. Цыков попросил меня поделиться мнением о школе.

– Материальная база, в целом, достаточная для проведения занятий, но школа нуждается в пристройке, так как учебных площадей маловато. Нужен хороший спортивный зал – об этом буду говорить с председателем райисполкома. А вот туалеты во дворе, да еще для такого количества школьников произвели удручающее впечатление. Это я в укор никому не ставлю, но это беда всех сельских школ России, даже в районных центрах!

Пишу эти строки и вспоминаю, как в начале 80-х гг., уже работая проректором Белгородского педагогического института, сопровождал в одну из средних школ Шебекинского района вице-президента Академии педагогических наук доктора биологических наук, профессора Антонину Георгиевну Хрипкову.

Школу для визита высокой гостьи, естественно, выбрали одну из лучших. Заканчивался февраль. «Волга» подъехала к школе, директор выбежал встречать и повел нас к крыльцу.

– Где здесь у вас туалет? – спросила Антонина Георгиевна.

Директор вначале опешил, а потом повел ее к уличному туалету. Антонине Георгиевне было уже за шестьдесят, и добраться до туалета она не смогла из-за распутицы. Молча, не заходя в школу, она пошла к машине.

С А.Г. Хрипковой – выдающимся организатором

педагогической науки, кстати, здравствующей и сегодня, я встречался трижды. Об этих встречах мне хотелось бы рассказать, потому что связаны они были с важными событиями в моей жизни.

Первый раз мне довелось увидеть Антонину Георгиевну, когда утверждали в Москве тему моей так и не защищенной докторской диссертации «Управление процессом нравственного воспитания старших школьников». В советское время темы докторских диссертаций по педагогике утверждал Президиум Академии педагогических наук СССР, а не Ученый совет вуза, как сейчас. Заявитель должен был не только представить реферат будущей диссертации и список научных трудов по проблеме исследования, но и присутствовать лично.

Присутствовавшая на заседании Президиума А.Г. Хрипкова строго спросила меня:

– Вы что, собираетесь управлять людьми?

– Не людьми, а их воспитанием и развитием, – возразил я.

Надо отметить, что в то время кибернетическое понятие «управление» не всеми принималось в педагогике. Целый ряд педагогов и психологов вообще отрицали управление в воспитании, оставляя, в лучшем случае, решение этого вопроса лишь в школоведческом плане.

Я продолжил:

– Воспитание предполагает цель, анализ исходного состояния личности, выбор методов и средств и в обязательном порядке – получение обратной связи. Это атрибуты любой кибернетической системы. Вместе с тем, не всякий целенаправленный процесс надо считать управлением в воспитании. Его управленческая функция определяется мерой обратного адекватного отношения субъекта к внешним воздействиям, что находит свое отражение в деятельности и ее мотивировке. Назначение управления и его диалектика заключаются в единении процессов воспитания и самовоспитания.

Уже тогда я понимал, что управление воспитанием – комплексная проблема, требующая соответствующего

комплексного подхода. Управление нравственным воспитанием предполагает деятельность, которая отвечает как требованиям общества, так и потребностям самой личности. Одним из оптимальных средств, стимулирующих деятельность и способствующих переводу внешних требований во внутренние, является перспектива.

Проблемой этой я владел хорошо. Еще раньше, в 1974 году, мной были опубликованы в курском издательстве монография «Теория управления процессом нравственного воспитания» и целый ряд учебных пособий. Поэтому председательствующий на заседании вице-президент Академии педагогических наук СССР Юрий Константинович Бабанский поддержал меня и предложил тему утвердить.

Ю.К. Бабанский с 1969 по 1975 г. был заведующим кафедрой педагогики Ростовского педагогического института. В 1974 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Оптимизация процесса обучения», и в том же году на общем собрании Академии педагогических наук СССР Ю.К. Бабанский избран ее действительным членом, а в 1979 г. – вице-президентом АПН СССР.

Ю.К. Бабанский был разработчиком теории оптимизации учебно-воспитательного процесса и активным сторонником комплексного подхода, считал его одним из основных принципов воспитания, в результате которого реализуются одновременно три функции: целостного решения всех задач воспитания и преодоления функционализма в воспитательной работе, повышения эффективности воспитательного процесса и оптимизации воспитания. Основными компонентами воспитательного процесса он называл цель и задачи воспитания, содержание воспитания, его методы, формы организации и анализ результатов.

Ю.К.Бабанский неоднократно отмечал, что, как всякая научная теория, оптимизация педагогического процесса возникла под влиянием практики: преодоления неуспеваемости,

необходимости интенсификации и снятия учебных перегрузок в процессе перехода к новому учебному содержанию. Необходимо стремиться к устранению методических недостатков (увлеченность каким-либо одним методом), исключению формализма в оценке результатов труда учителя и качества успеваемости.

Под оптимизацией учебно-воспитательного процесса в современной школе Ю.К. Бабанский подразумевал выбор такой методики его проведения, которая позволяет получить наибольшие результаты при минимально необходимых затратах времени и усилий учащихся.

С Юрием Константиновичем я встречался неоднократно и в Белгороде, и в Москве, в Академии педагогических наук. В мае 1979 года на базе Белгородского педагогического института Министерство просвещения РСФСР проводило Всероссийское координационное совещание руководителей высших учебных заведений «Улучшение подготовки будущих учителей к воспитательной работе в школе». Я был одним из редакторов сборника материалов конференции. Ю.К. Бабанский предложил, чтобы его доклад размножили для всех участников конференции.

В 1984 году мы вместе с ректором пединститута Петром Григорьевичем Коняевым, который сейчас возглавляет Совет ветеранов университета, встречались с Ю.К. Бабанским в академии педагогических наук и он подарил нам свой фундаментальный труд «Оптимизация учебно-воспитательного процесса». Юрий Константинович запомнился мне как чрезвычайно скромный и очень доброжелательный человек, всегда с готовностью приходивший на помощь людям. Почему-то чаще всего мы начинаем понимать значимость личности человека, когда его уже нет с нами. Юрий Константинович рано ушел из жизни, едва перешагнув шестидесятилетний рубеж.

Написанная мной впоследствии докторская диссертация обсуждалась в 1990 году на проблемном совете Киевского государственного университета и получила одобрение, но защитить

ее мне не довелось. Начались смутные времена, распался Советский Союз, а Киев стал столицей независимой Украины. Но это уже другая история.

Второй раз я встретился с А.Г. Хрипковой 16 ноября 1982 года на заседании Совета АПН СССР по координации научных исследований. Меня пригласили для отчета о работе по сельским школам-комплексам как руководителя этой темы и проректора по научной работе Белгородского пединститута. Совет возглавляла Антонина Георгиевна.

В те годы в Белгородской области получили широкое распространение сельские школы – учебно-воспитательные комплексы, которые стали базой для формирования всесторонне развитой личности. При сельских школах создавались соответствующие социальные институты воспитания (музыкальные, спортивные, хореографические, технического творчества, изостудии и т. д.). Сельская школа становилась эпицентром управления воспитанием молодежи. Учащийся был связан со школой весь день. Тем самым значительно был сужен круг стихийных негативных воздействий на подрастающее поколение, обеспечивалось целостное формирование личности человека.

Финансовую поддержку этой идеи оказывали совхозы и колхозы, на территории которых располагались школы. Организация всей работы возлагалась на Белгородский областной отдел образования, возглавляемый Иваном Стефановичем Соловецким. Сегодня Иван Стефанович – Почетный гражданин Белгородской области, руководит региональным отделением Союза пенсионеров.

Направляющую роль, как тогда было принято, выполнял областной комитет КПСС, первым секретарем которого был Михаил Петрович Трунов, ставший не просто сторонником развития школ-комплексов на Белгородчине, а его настоящим локомотивом. Его дело продолжили первый секретарь обкома

КПСС Алексей Филиппович Пономарев, глава администрации Белгородской области Евгений Степанович Савченко ². Научное обеспечение опыта было возложено на НИИ школ Министерства просвещения РСФСР и Белгородский государственный педагогический институт.

Исследование проводилось на базе целого ряда школ: Бессоновской, Бехтеевской, Веселолопанской, Новотаволжанской, Яснозоренской. Были задействованы многие кафедры педагогического института: педагогики, психологии, начального обучения, политической экономии, теоретических основ физического воспитания, ботаники, анатомии и физиологии, литературы.

В соответствии с программой и календарным планом, исследование проводилось в три этапа, первый из которых (1981-1983 гг.) включал изучение проблемы, проведение экспериментальной работы, изучение опыта, подготовку статей, проведении научно-практической конференции.

Мой отчет был посвящен прохождению первого этапа. На отчете вместе со мной присутствовал доцент кафедры педагогики Августевич Илья Иосифович, который являлся заместителем руководителя группы исследователей. Следует отметить, что преимущества школ-комплексов в организации жизнедеятельности детей, социализации личности обоснованы и теорией, и практикой. Теоретические и методические предпосылки организации школ-комплексов были заложены в исследованиях С. Т. Шацкого и В. А. Сухомлинского по выявлению форм взаимодействия школы с социальной средой, путей расширения сферы деятельности учащихся.

Возникновение учебно-воспитательных комплексов было продиктовано необходимостью восстановления социальной

² См.: Савченко Е.С. Белгородские школы-комплексы: шаг в будущее // Учебно-воспитательные комплексы – новый тип школы XXI века ; под ред. И.Ф.Исаева, Е.В. Тонкова.– Белгород, 2001.

справедливости по отношению к сельским школам. К началу 70-х годов все очевиднее проявлялось отставание деревни от города в сфере образования. Если в городах строились Дома пионеров и Дворцы культуры, открывались различные кружки и студии, оборудовались прекрасные спортивные залы, то в сельской местности дети были лишены всего этого.

Во многом именно это побудило педагогов Белгородчины заняться поиском новой, прогрессивной формы организации обучения и воспитания подрастающего поколения на селе. Решить проблему могла только школа, которая имела возможность работать в едином режиме с внешкольными учреждениями музыкальной, художественной, спортивной или другого вида направленности. Превратить школу в центр организации работы с детьми в свободное от занятий время, усилить её влияние на повышение культуры села, создать условия для обучения и развития ребят не хуже, чем в городе – такова цель учебно-воспитательных комплексов. Для создания школ нового типа требовались материальные и нравственные затраты. Нужны были энтузиасты не только среди педагогов.

Первым взялся за новое дело председатель прославленного колхоза имени М. В. Фрунзе Василий Яковлевич Горин, дважды Герой Социалистического Труда. Бессоновская школа-комплекс создавалась на средства специализированного хозяйства и при активном участии всех односельчан.

Набирал силу и Яснозоренский учебно-воспитательный комплекс, директором которого был Михаил Петрович Щетинин. Создавались музыкальные, спортивные школы и совсем необычные для села художественные и хореографические студии, о которых заговорили по всей области, их опыт работы стали перенимать школы других регионов страны. За первопроходцами потянулись педагоги-новаторы Белгородчины.

В разных районах области стали появляться новые школы-комплексы: Никольская, Майская, Бемянская, Новотаволжанская,

Городищенская сельские школы. В них, наряду с изучением общеобразовательных предметов, дети получали возможность заниматься в музыкальных и технических кружках, спортивных секциях, художественных и хореографических студиях. В школьных программах появились новые предметы, направленные на развитие общей культуры сельских ребят, расширение их кругозора: мировая художественная культура, этика и этикет, логика, основы народного и декоративно-прикладного искусства, речь и культура общения и другие.

Опыт Белгородской области по комплексному подходу в обучении и воспитании учащейся молодежи в декабре 1978 года был одобрен коллегиями министерств просвещения, культуры, сельского хозяйства Российской Федерации и Комитета по физкультуре и спорту при Совете Министров РСФСР. Он нашел отражение на Выставке достижений народного хозяйства СССР в специальной экспозиции, открытой в октябре 1981 года. В те годы Белгородская область многократно отмечалась как лучшая в стране по развитию образования и награждалась переходящими знаменами Совета Министров РСФСР и ВЦСПС, три из которых были вручены на вечное хранение и находятся ныне в Белгородском государственном историко-краеведческом музее.

Настоящим подвижником стал директор Шелаевской средней школы Валуйского района Василий Савельевич Подерягин. В этой школе он начал работать в 1965 году, в 1980 году был назначен директором. За годы руководства коллективом он создал в школе атмосферу творчества, постоянного поиска эффективных форм учебно-воспитательного процесса. В своей работе с учителями и учащимися В. С. Подерягин и сейчас опирается на глубокие знания социальной и личностной психологии. Большое значение придает он кропотливой работе с каждым педагогом, формированию коллектива единомышленников. За многолетний добросовестный труд Василию Савельевичу Подерягину присвоены звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» и «Народный учитель СССР».

К сожалению, трансформация нашего общества не могла не сказаться на деятельности школ-комплексов. Большинство из них не смогло приспособиться к новым условиям, связанным с рыночной экономикой, из-за прекращения финансовой поддержки со стороны колхозов и совхозов, которые, за редким исключением, перестали функционировать.

Другая причина связана с тем, что оказались непонятными цели воспитания, которые определяли деятельность школ-комплексов. Стала муссироваться идея о том, что задача школы – обучение, а воспитанием должны заниматься семья и церковь.

Ряд школ-комплексов выдержал проверку временем, расширил педагогическое пространство, включив в свои структурные подразделения музеи, библиотеки, Дома культуры, спортивно-оздоровительные учреждения. Такие школы преобразовались в социокультурные комплексы, цель которых – вовлечение не только детей, но и взрослых в образовательный процесс, помощь в социально-профессиональном самоопределении, организации культурного досуга.

Благодаря школам-комплексам был накоплен богатый опыт, на основе которого можно выстраивать воспитательные системы, исходя из сложившихся экономических условий, социального окружения, педагогических кадров, материально-технической базы, а они везде не равнозначны.

Третий раз я встретился с Антониной Георгиевной Хрипковой на съезде Педагогического общества России, Центральный совет которого она возглавляла. Педагогическое общество России – одна из старейших общественных организаций – было учреждено еще 27 января 1869 г. императорским указом. Общество ставило своей задачей объединение педагогов для разработки основных проблем образования силами прогрессивной педагогической общественности. Длительное время его возглавляла Н.К. Крупская. В 1936 г. оно было закрыто и возобновило работу только в 1960 г.

Белгородское областное отделение Педагогического общества

России было создано 12 февраля 1961 года решением исполкома областного Совета народных депутатов. Оно объединяло в своих рядах свыше 12 тысяч учителей, преподавателей вузов и техникумов. Несколько промышленных предприятий Белгорода стали его коллективными членами. Во всех школах области, педагогическом институте и педагогическом училище функционировали первичные организации. В рамках общества на правах секции успешно работала общественная лаборатория по проблемам учебно-воспитательных комплексов.

В 90-е годы Педагогическое общество стало распадаться. Ликвидировались первичные организации, перестали поступать членские взносы. Центральный совет Педобщества занялся коммерческой деятельностью – изданием и реализацией литературы. В таком состоянии Педагогическое общество не могло не только работать, но и существовать. Надо было принимать меры по его возрождению. Однако мои неоднократные обращения в департамент образования областной администрации, выступления в печати не дали положительных результатов, и областное отделение Педагогического общества приказало долго жить.

Но вернемся к Новоусманской средней школе. 1 сентября 1964 г. я впервые в качестве нового директора произносил традиционную приветственную речь, в которой обозначил наши приоритетные задачи по подготовке к 125-летию юбилею школы. На торжественной линейке, где выстроились 887 учащихся (только выпускных «десятых» классов было три и четыре «первых»), присутствовал и директор Воронежского института усовершенствования учителей, которого направил заведующий облоно А.П. Костин, чтобы провести «разведку» насчет затеваемого мной педагогического эксперимента. Я вкратце ввел его в курс дела и пояснил: эксперимент нужен для того, чтобы через различные виды деятельности перспективного характера способствовать нравственному развитию учащихся.

Наш гость заинтересовался моей идеей и предложил, чтобы

Новоусманская школа стала экспериментальной площадкой представляемого им института.

– Мы включим вас в план работы и будем оказывать методическую помощь, – заключил он.

К вечеру я подвел итоги первого дня занятий с заместителями и классными руководителями и отправился на автобусе ночевать к родителям в Воронеж. А в 8 утра уже опять был в школе. Так потянулись трудовые будни. Добрым отношением ко мне проникся пенсионер Переславцев Иван Федорович, который часто заходил и переживал, что у меня нет в Новой Усмани жилья. Когда я сказал, что будем оборудовать уголок Боевой славы, посвященный героям Великой Отечественной войны, он одним из первых стал приносить туда экспонаты: письма солдат с фронта, фотографии т. д. Вскоре в эту работу включилась вся школа.

Мы, тем временем, продумывали программу перспективной деятельности в соответствии с возрастом школьников и наметили план проведения семинаров для классных руководителей и учителей по общешкольной теме. Стали вырисовываться более узкие направления, например, как через перспективу организовать ответственное отношение к труду.

Прежде чем организовывать с учениками деятельность, направленную на воспитание, нам с учителями надо было выяснить, какую организацию деятельности можно считать воспитанием. Этим вопросам были посвящены первые семинарские занятия. Мы пришли к выводу, что **воспитанием можно считать только такую деятельность, которая направлена на формирование нравственных качеств личности** и обратное отношение к этой деятельности, проявляющееся в соответствующих поступках и их мотивациях. Именно от такого понимания воспитания надо отталкиваться, планируя работу с детьми.

Необходимо было организовать и работу с родителями, чтобы они становились нашими помощниками в этом трудном деле

воспитания. Организовали школу для родителей по аналогии с той, которая была у В.А. Сухомлинского в Павлышской средней школе. Занятия в ней проводились два раза в месяц. Ее работу курировала мой заместитель по воспитательной работе Мистюкова Нина Григорьевна.

С заместителем директора школы по производственному обучению А.Н. Медведевым была разработана программа, предусматривающая полезность продукции, в частности, изготовление деталей по заказам машинно-тракторных станций, а также столярных изделий. В школе была хорошая мастерская с металлорежущими и деревообрабатывающими станками. Учителя трудового обучения были мастерами высокой квалификации.

Кроме того, я договорился с известным всей стране бригадиром-кукурузоводом, Героем Социалистического Труда Николаем Федоровичем Мануковским о включении в состав его бригады наших учащихся. Ребята управляли и трактором, и комбайном, и автомобилем. Было понятно, какой мощный нравственный заряд закладывался в сознание ребят в процессе совместной деятельности со знаменитым бригадиром!

Таким образом, первая задача в воспитательной работе с учащимися – поставить их в такую ситуацию, которая помогла бы создать условия для проявления ими активного отношения к делу.

Вторая задача – придать нравственный смысл деятельности, в каких бы видах труда она не осуществлялась. Так, например, во время работы производственной бригады школы по заданию местного колхоза ребята изучали сортовые качества сельскохозяйственных культур, влияние удобрений на урожай.

Естественно, подобная деятельность является привлекательной, т. к. в ее процессе ученики ясно представляют важность труда, у них формируются целенаправленность, инициатива и творческий подход. Перспектива придавала эстетическую окраску всей работе, способствовала развитию чувства прекрасного.

В Новоусманской школе были просторные теплицы. Посоветовавшись с учителями биологии и завучем по воспитательной работе Ниной Григорьевной, мы решили использовать теплицы не только в учебных, но и в воспитательных целях. Для нас было важным находить те способы работы, которые бы приобщали личность каждого и коллектив к нравственным перспективам. Парник разбили на две части. В одной части, после совместного обсуждения с учащимися, решили выращивать зеленый лук, а в другой - зеленую подкормку для телят колхозной фермы, которые в зимний период нуждаются в витаминах.

К радости ребят и их удивлению растения быстро стали набирать высоту. Зелень на школьной лошади отвозили на ферму, а лук отдавали в школьный буфет и на кухню интерната. Снабжали им и районную столовую. Правление колхоза за снабжение телят зеленой подкормкой своим решением выделило небольшие денежные средства для поощрения ученической бригады.

Перед школьниками была поставлена альтернатива – как распорядиться деньгами? Коллективно решили выделить часть средств для нужд школы, а оставшиеся деньги распределить между ребятами. Такое решение, принятое без подсказки и нажима взрослых, уже показывало развитие нравственной зрелости школьников, которая, несомненно, связана с творческой деятельностью. Это была одна из тех ситуаций, которые формируют нравственность.

В Новоусманской школе был сформирован мощный комсомольский актив, с помощью которого решались многие трудовые дела. По моему совету комсомольская организация стала вести свою сберегательную книжку. По решению комитета комсомола она была оформлена на секретаря, а все заработанные комсомольцами денежные средства перечислялись на эту книжку. Расходование средств осуществлялось общим решением комсомольского собрания. В частности, на эти средства были приобретены музыкальные инструменты для школьного духового

оркестра. Уже через несколько месяцев оркестр бодро играл революционную песню «Смело, товарищи, в ногу», с которой мы выходили на праздники.

При постановке целей надо исходить не только из необходимости удовлетворения многочисленных потребностей учащихся, но и из объективных возможностей их реализации, поскольку имеющиеся фактические условия предоставляют возможность поставить и реализовать только ограниченные цели. Человеческая деятельность, как всякое явление действительности, имеет свои объяснимые причины, которые инициируют деятельность не непосредственно, а через целеполагание, через постановку цели.

Важное значение для понимания ценностного значения потребностей и интересов представляют исследования, затрагивающие различные аспекты категории «ценность» (Н.Ф. Добрынин, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн), которые обсуждались нами на педагогических семинарах с классными руководителями.

В декабре 1964 года я зашел к председателю райисполкома П.Г. Исаенко и стал убеждать его в необходимости строительства спортивного зала и пристройки к школе из-за недостатка учебных площадей. Одновременно поднял вопрос и о собственном жилье – ведь жена с сыном так и проживали в Рамони, а я каждый день ездил ночевать к родителям в Воронеж. Все жители поселка знали, что недалеко от школы построен двухэтажный четырехквартирный дом. Однако Павел Григорьевич предложил мне потерпеть, т.к. дом возводился для сотрудников районного комитета партии.

Тем не менее, обо мне не забыли и в марте 1965 года вручили ключи от квартиры на втором этаже трехподъездного дома на улице Березовской, откуда выселился сотрудник райкома КПСС, переехав в тот самый «престижный» дом. Квартира была двухкомнатной, но удобства, как водилось, во дворе. Водопровод был, но без водостока – сэкономили при строительстве, как

оказалось. Ну, хоть за водой ходить не надо. Была газовая плита, работавшая от кислородного баллона, паровое отопление. В общем, жить можно, бывало и хуже. Особенно, когда вспоминаешь Солнце-Дубраво.

Удивительно поэтому, сегодня читать, что молодым учителям, готовым поехать работать в сельские школы хотя бы на три года, администрация области выплачивает 300 тысяч рублей. Мы об этом и мечтать не могли, а отправлялись работать в село, как говорится, по зову сердца.

Позвонил своему коллеге – директору Рамонской школы В.В. Коришину. Попросил передать моей жене, что получил квартиру и через три дня приеду. В субботу на школьной грузовой машине приехал за семьей в Рамонь. Радости нашей не было предела – наконец-то будем вместе!

Быстро погрузили вещи (тогда их было совсем немного), овчарку Барса, не забыли и кошку. Тепло попрощались с соседями и в путь – через Воронеж на Новую Усмань. Новой квартирой мои домочадцы оказались довольны. Больше всех восхищалась теща, Мария Федоровна, паровым отоплением, глядя на чугунные батареи – топить не надо!

Не понравилось только Барсу. Ему было жарко, и он грустно лежал у входной двери, высунув язык.

– Будку ставить негде, – сказал я ему. – Если хочешь, закрою в сарае!

Надо отметить, что руководители района тоже жили достаточно скромно. Помню, как-то в выходной день шли мы с Олей домой мимо дома председателя райисполкома. Жил он в небольшом одноэтажном доме, которые почему-то называли «финскими». Таких вдоль улицы в ряд стояло несколько. Огорожен был дом деревянным невысоким штакетником. Во дворе, у всех на виду, восседал на маленьком стульчике сам Павел Григорьевич, отложив в сторону протез (он был без одной ноги), и перебирал картошку. Поздоровались. Оля сказала:

– Бог в помощь!

– Бог – это хорошо, – ответил Павел Григорьевич, – да что-то он нам не помогает. Своей картошкой, наверное, еще не обзавелись?

Он насыпал нам ведро картошки и попросил не забыть вернуть тару.

Как-то в марте ко мне в кабинет зашел заведующий районо Иван Владимирович Курилов, человек лет шестидесяти, которого я опрометчиво уже считал старым. У нас в школе он бывал не часто, поэтому его неожиданный визит меня удивил.

– Вы всегда выступаете с какими-то новациями, – обратился он ко мне и с хитринкой посмотрел сверх очков. – Вот и меня ими заразили! У меня предложение: в августе на районном совещании учителей заслушать творческий отчет вашей школы.

– Спасибо за доверие, Иван Владимирович! Но не рановато ли?

– Ничего, справишься! Пусть другие поучатся!

Я понял, что возражать бессмысленно. После этого разговора пригласил своих заместителей и рассказал им о разговоре с Куриловым. Отступать было некуда. Поручил каждому разработать план действий по своим направлениям и обсудить на педагогическом совете.

Подготовку к творческому отчету также можно было рассматривать как этап нашего эксперимента, посвященного перспективе. Еще раньше я познакомил учителей с традиционным праздником, который проводился в Ступинской школе, «За честь школы!». Поэтому каждый классный руководитель вместе с ребятами наметил ряд ближних перспектив по подготовке к празднику. Теперь мы его запланировали на август, чтобы совместить с творческим отчетом школы.

По образному выражению В.А. Сухомлинского, «урок – первая искра, зажигающая факел любознательности и моральных убеждений»³.

³ Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. – М.: Педагогика, 1989. – С. 359.

– Поэтому мы должны показать, – говорил я, обращаясь к своим коллегам на педсовете, – как через урок решаются задачи воспитания.

Для выступлений на секциях творческого отчета учителя предложили такие доклады:

– по секции русского языка и литературы «Развитие умственных способностей школьников на уроках литературы и во внеклассной работе» (Минакова В.Н.); «Слияние обучения и воспитания в единый процесс» (Черноротова П.С.); «Использование краеведческого материала на уроках русского языка и литературы» (Кузьмина В.С.);

– по секции математики «Составление задач на краеведческом материале – важное средство коммунистического воспитания школьников» (Дернейко А.К.); «Индивидуализированная работа с учащимися в целях развития интереса к предмету и повышения качества знаний» (Беляева С.Н.);

– по секции истории «Воспитание любви и уважения к труду на уроках истории» (Тонкова О.Н.);

– по секции биологии и трудового обучения «Формирование нравственных мотивов труда в работе с детским коллективом» (Мистюкова Н.Г.); «Воспитание коммунистического отношения к труду в процессе непосредственного участия школьников в производстве» (Власов В.П.).

Представлены были доклады и по другим секциям. На секции директоров и завучей был намечен мой доклад «Организация работы педагогического коллектива по воспитанию у школьников коммунистического отношения к труду».

Также планировался осмотр школьных помещений, учебных кабинетов, экскурсия по залу Боевой славы. Ученическая производственная бригада должна была представить отчет о своей работе наглядно и в цифрах, отражающих ее трудовые успехи. Завершить творческий отчет надо было выступлением художественной самодеятельности учителей и учащихся.

По моему предложению, решили создать хор учителей под руководством учителя пения В.М. Нефедова. Следует отметить, что хор скоро зазвучал. Из 63 педагогов школы в него записались 45 человек, в том числе, почти все учителя-мужчины.

Наступил праздничный день 9 мая 1965 года. Страна отмечала 20-летие Победы. На сцене районного Дворца культуры выстроился коллектив хора. Все женщины – в белых блузках и черных юбках, мужчины – в строгих темных костюмах. Ведущая концерта – завуч по воспитательной работе Нина Григорьевна была одета в военную форму. В первом ряду сидело все районное начальство. Каждую песню принимали с восторгом, звучал гром аплодисментов.

Больше других выражал свои эмоции военный комиссар района:

– Ну, молодец, Тонков! Сумел всех жен начальников построить в одну шеренгу! Придется его к старшему лейтенанту представить!

И действительно, через несколько дней ко мне подошел его заместитель, подполковник Гарманов и сообщил, что меня представили к очередному воинскому званию. При этом извиняющимся тоном добавил:

– Не обижайтесь, пожалуйста, но пришлось Вас из воздушно-десантных войск перевести в мотострелковые, так как Ваш вес свыше 100 кг, а это нежелательно при прыжках с парашютом.

– А в мотострелковые можно? Я ведь в люк не влезу!

– Вы, в основном, будете на броне, – разъяснил он.

В тот день, 9 мая, перед школой состоялся митинг учащихся, посвященный Дню Победы. В рекреации школьного коридора был открыт Зал боевой славы. На стенах разместили планшеты, украшенные георгиевскими лентами, а под ними – витрины под стеклом, где хранились фотографии участников войны, треугольные письма с фронта, боевые награды, личные вещи героев и другие экспонаты.

В оформлении Зала активное участие принимали ученики моей жены Оли, которая из наиболее способных школьников подготовила экскурсоводов. Первыми посетителями Зала стал генерал из

Воронежа в сопровождении военкома. Через некоторое время школу за успешную работу по военно-патриотическому воспитанию наградили Почетной грамотой Министерства просвещения и Центрального комитета комсомола.

Осматривая экспонаты Зала боевой славы, невольно вспомнил первые месяцы войны. Уже в августе 1941 года через Воронеж, в котором я жил, потянулись вереницы беженцев – кто на повозке, кто просто вез свои пожитки на ручной тележке. В корзинке одной девочки я видел кошку. В Воронеже они не задерживались. Немного передохнув и поев каши из солдатского котла, шли на Борисоглебск, подальше от войны.

В городе создавались отряды ополченцев, в том числе, и в Воронежском педагогическом институте, из оставшихся от призыва в армию преподавателей. Мы с ребятами бегали смотреть на их военную подготовку во дворе пединститута. У каждого ополченца была учебная винтовка и сумка с противогазом. Одним из отрядов командовал профессор Загоровский Павел Сергеевич. Поправив очки, он обращался к своему отряду:

– Товарищи коллеги, пожалуйста, повернитесь налево! А теперь, будьте так любезны, шагом марш!

Пройдет одиннадцать лет, и я буду слушать его лекции по психологии в вузе.

Другим отрядом командовал настоящий сержант с треугольничками в петлицах. Он показывал приемы рукопашного боя и ловко колол штыком чучело предполагаемого фашиста. Затем к «врагу» по одному подбегали ополченцы, останавливались перед ним, раздумывая, куда бы кольнуть посильнее. Сержант сердился, и всё начиналось сначала.

Многие из ополченцев ушли потом на фронт и не вернулись. Другие были эвакуированы вместе с Воронежским пединститутом в глубь страны, в г. Уржум, где продолжилось обучение студентов. На преподавателей, имеющих ученую степень доктора или кандидата наук распространялась «бронь», т.е. даже в суровые дни

войны они освобождались от армии. Государство не забывало о подготовке учительских кадров, как и других специалистов, что вселяло уверенность в нашу победу.

Да, день Победы тогда был ещё далек, но его приблизили и те воины, портреты которых, их ордена и медали, письма с фронта, личные вещи разместились в Зале боевой славы.

Вспомнил 7 ноября 1941 года. Отец стоял на перроне вокзала станции Воронеж, провожая меня, сестру и мать в далекий Бийск Алтайского края. Поезд с двухъярусными теплушками медленно отходил от перрона, увозя нас от войны. В памяти остался заснеженный Бийск с крутыми морозами, доброжелательность сибиряков и ярко-желтая кайма кустов облепихи по берегам быстрой реки Бии.

От воспоминаний отвлек школьный звонок, который призывал к работе.

Изучая негативные аспекты поведения школьников (а без этого тоже не бывает), я пришел к выводу, что они, в основном, приходятся на выходные дни, хотя в это время дети и находятся дома, под контролем родителей. Я пригласил к себе завуча Нину Григорьевну, старшую пионерскую вожатую Александру Кириленко, председателя комитета ВЛКСМ и председателя ученического комитета. Высказав им свои наблюдения, я предложил им организовать клуб выходного дня.

Предполагалось, чтобы школа в выходной день стала открытой с 10 утра и до 18 часов вечера. Дети могли бы играть в спортивные игры, общаться, слушать музыку, смотреть телевизор – дома их почти ни у кого тогда не было. Все согласилось с моим предложением. Одного из старшеклассников приказом по школе назначили директором клуба выходного дня. Кроме того, назначались дежурные для поддержания порядка. Впоследствии клуб стал пользоваться большой популярностью среди ребят, а родители неоднократно благодарили нас за организацию досуга детей.

Но не все было так уж гладко. Однажды произошел случай, о котором не могу не рассказать. Старшая пионервожатая Александра Кириленко, выпускница педагогического училища, проживала от школы примерно в двух километрах, в селе Первая Усмань. Однажды она шла на работу с группой старшеклассников, и один из них, ученик 10 класса Крюков, разозлившись на что-то, ударил ее по щеке. Возникла ситуация – что делать? Можно исключить из школы, можно объявить строгий выговор.

Посоветовался с заведующим районо И.В. Куриловым. Он сказал:

– Решай сам!

Я позвал потерпевшую и Крюкова. Тот стал оправдываться:

– Да я не знал, что она вожатая!

– А что, в таком случае можно бить?

Неожиданно вожатая стала просить, чтобы я простил Крюкова, мотивируя тем, что он извинился, да и она не совсем была права в их конфликте.

– Сами мы уже ничего не решим, – сказал я. – Будем рассматривать вопрос на ученическом комитете, так как Крюков – не комсомолец.

На совещании решили: Крюкова, в назидание другим, из школы исключить. Родители его приходили и ко мне, и обращались в районо, но решение наше осталось в силе. Через год Крюков принес положительную характеристику с места работы, мы зачислили его в 10 класс, и он закончил школу.

Пришла весна, а с ней и выпускные экзамены. Встретил заведующего районо:

– Ты когда будешь ремонтировать школу? – спросил он.

– Да я ремонт не планировал, школа в хорошем состоянии.

– Это что, тоже твоя новация? – усмехнулся он. – Ладно, посмотрим, когда будем принимать школу к новому учебному году.

Дело в том, что я еще раньше, в октябре, проводил в районном доме культуры родительское собрание (в школе такое количество родителей разместить было негде). Поговорил о предстоящем

125-летию школы и акцентировал внимание на бережном отношении учащихся к школе как к своему второму дому.

– Вы свои квартиры и дома разве ремонтируете каждый год? – обратился я к собравшимся. – Видимо, раз в 5-10 лет. А почему же мы должны покраской и побелкой школы заниматься ежегодно? Давайте приучать детей к тому, чтобы они не видели разницы между бережным отношением к школе и своему дому.

Родители меня поддержали. В течение учебного года мы всем коллективом следили за состоянием школьного имущества, классных комнат, других помещений. Исчезли надписи и рисунки на партах и стенах, помещения регулярно проветривались и подвергались влажной уборке. Все ходили в сменной обуви. Когда стали подводить итоги, выяснилось, что в небольшом текущем ремонте нуждается только коридор, по которому ежедневно ходили сотни учеников.

Однажды позвонил по телефону председатель райисполкома П.Г. Исаенко:

– Тонков, Тонков, весь сурепкой зарос! – возмущенно зазвенел его тонкий голос. Со своей супругой, нашей учительницей, он часто прогуливался по улице вокруг школы и, видимо, что-то ему не понравилось.

– Не может быть, Павел Григорьевич, – не согласился я. – Весь школьный двор утопает в цветах, где Вы сурепку нашли?

– У ворот посмотри!

Пришлось идти. Действительно, у школьных ворот рос одинокий кустик желтой сурепки. Я его выдернул и пошел в кабинет.

– Сурепка уничтожена! – бодро доложил я, едва сдерживаясь от смеха.

Со временем я стал приходить к мысли о том, что у многих руководителей постепенно формируется феномен превосходства над другими людьми, которое они хотя бы в чем-то должны проявить, показать свою первосортность – смотри, знай свое место!

Впереди был отпуск, и я хотел хотя бы дней десять использовать для отдыха. Мы решили поехать на Черное море, в Феодосию, где тогда жил родной брат моего отца Владимир Алексеевич Тонков. Однако большого восторга от отдыха на море в конце июля мы не испытали. Берег не песчаный – галька. Очень жарко. Все время волновались за маленького сына – не заболел бы. Пляж был переполнен, приходилось заранее занимать места. В квартире было так душно, что смачивали простыни холодной водой, которую водопровод выдавал с большими перебоями. Поэтому, погостив всего неделю, мы отправились обратно, чем немало удивили родственников.

Приехав домой, облегченно вздохнули и пошли на свою речку Усманку. Берег чистый, песчаный, вода прозрачная – что может быть лучше! Вспомнились слова из песни: «Не нужен нам берег турецкий и Африка нам не нужна!». Признаюсь честно, за свою долгую жизнь больше я в отпуск из дома не уезжал и очень этим доволен. Никогда не довелось побывать и в санатории – всегда считал это пустой тратой времени и сил.

Творческий отчет Новоусманской средней школы на августовском районном совещании учителей показал значительные сдвиги в нравственном росте коллектива учащихся. По всем направлениям наглядно был виден уровень развития школьников. Улучшилось и качество обучения. Из 887 учащихся 356 окончили учебный год только на «хорошо» и «отлично». Из 63 выпускников пятеро были награждены серебряными медалями.

Учителя школы на высоком научно-методическом уровне выступили со своими докладами на секциях. Участникам педагогического форума была предоставлена возможность познакомиться с творческими отчетами каждого класса, которые были представлены в районном доме культуры. Посетили и учебные кабинеты физики, химии, математики, биологии, истории и обществознания, машиноведения, русского языка и литературы. В

1965 году были созданы кабинеты иностранных языков, черчения и изобразительного искусства.

Особое внимание было приковано к выставке-отчету школьной производственной бригады, пояснения к которому давала бригадир, ученица 9 класса Тамара Боброва. По итогам 1965 года наша школа стала участницей Выставки достижений народного хозяйства в Москве, что было большим успехом всего коллектива. Творческий отчет завершился концертом художественной самодеятельности, который подготовили учащиеся и педагоги школы, а хор учителей заслужил особые аплодисменты.

Творческий отчет состоялся – об этом с одобрением говорили не только руководители района и облоно, но и самое главное – мои коллеги из других образовательных учреждений. Теперь можно было двигаться к завершающему этапу перспективы – 125-летнему юбилею школы. Об этом я сказал на торжественной линейке, посвященной началу нового 1965-66 учебного года. На этой линейке уже стоял и мой сын-первоклассник.

Я чувствовал, что и мои коллеги-учителя и школьники сильно изменились за прошедший год, стали другими, более подготовленными к решению новых задач. Наши общие усилия в реализации перспектив привели к тому, что педагогический и ученический коллективы стали, как бы вращаться на одной орбите. Работать стало и легче, и сложнее одновременно. Легче, потому что учителя и ученики без лишних слов, инструктажей и «накачек» понимали меня, а сложнее, потому что каждый почувствовал себя личностью.

Я по-прежнему вел уроки по обществознанию в 10 классе. На занятиях было так тихо, что даже становилось не по себе. Приходилось взбадривать ребят или проблемными вопросами, или физкультурной паузой. Чувствовалось, что они меня побаиваются, но и уважают. В свободную минуту я мог с ними поиграть в волейбол или футбол. В молодости я был неплохим спортсменом: поднимал гирю, играл в футбол за сборную университета, имел

спортивный разряд и значок ГТО («Готов к труду и обороне» – так назывался физкультурно-спортивный комплекс, выполнить нормативы которого было довольно сложно). Встречался с ребятами и в клубе выходного дня. Школьники очень любили моего пса Барса. По вечерам я всегда приходил с ним к школе, а кот Дымок сопровождал нас.

Свои уроки я объявил открытыми, и каждый учитель мог посещать мои занятия. Как-то, в порядке эксперимента, я даже провел открытый урок по обществознанию для учителей района, преподававших этот предмет.

Приближался Новый год. На уроках домоводства и трудового обучения школьники изготавливали украшения для елки. Установили елку в актовом зале и, кроме того, украсили гирляндами высокую красавицу – ель, которая росла во дворе школы. Для старших школьников устроили танцы – прообраз современной дискотеки, которые тогда только входили в моду. Деда Мороза и Снегурочку изображали старшеклассники, а роль Нового, 1966 года, сыграл мой сын, первоклассник Женя.

Во время зимних каникул клуб выходного дня стал работать ежедневно, потому что взрослым уже 2 января надо было идти на работу – таких длительных праздничных выходных, как сейчас, тогда не было. Но я решил и учителям дать отдохнуть несколько дней.

В районный план капитального строительства на 1966 год удалось включить и пристройку к нашей школе, что вскоре стало заметно. На школьный двор завезли большие бревна, красный кирпич, другие строительные материалы.

При очередной встрече председатель райисполкома подчеркнул:

– Видишь, я сдержал слово!

– Спасибо, Павел Григорьевич, школа будет помогать в строительстве. Для нас это новая перспективная цель к юбилею, – заверил я.

Для того, чтобы поддерживать на заданном высоком уровне качество уроков, я придерживался правила – каждый день посещать

хотя бы одно учебное занятие, хотя В.А. Сухомлинский, с которого я старался во многом брать пример, посещал два. К этому же я обязывал и своих заместителей. При этом я никогда не приходил на урок внезапно, т.к. подобная практика, часто применяемая администрацией школ, нервирует педагога, нарушает ритм занятия. Напротив, заранее предупреждал о предстоящем посещении, интересовался темой урока, его целью и структурой проведения, давая возможность учителю подготовиться самому и должным образом настроить учеников. Иногда посещал несколько уроков подряд у одного учителя, чтобы иметь целостное представление о системе его работы.

К юбилею школы, который решили отмечать в феврале 1966 года, было практически все готово. За несколько дней до праздника в соответствии со своим планом посещения занятий я пошел на урок истории в 6 классе, который вела супруга председателя райисполкома Зинаида Андреевна Исаенко. После окончания урока я приступил к его анализу. Как обычно, отметил вначале положительные стороны, в том числе хорошее знание учащимися учебного материала, а затем посоветовал применять активную методику проверки знаний, чтобы в опросе участвовал весь класс, чтобы каждый мог поправить опрашиваемого или дополнить его ответ. Она меня поблагодарила, и мы довольно приветливо попрощались. Ничто будто бы не предвещало беды.

Однако уже на следующее утро мне позвонил ее начальствующий супруг и пригласил в райисполком.

– Знаешь, Тонков, – сухо обратился Павел Григорьевич ко мне. – Вот у меня сборник правительственных документов – один из них об упорядочении проведения юбилеев в организациях и учреждениях. В нем говорится, что юбилеи проводятся по строго отведенным датам: 50, 100, 150 и далее лет. Как же Вы планируете праздновать юбилей в нарушение правительственного постановления?

– Спасибо за разъяснение, – ответил я, едва сдерживаясь от волнения.

– Для меня это хороший урок, хотя о предстоящем юбилее нашей школы говорили даже по всесоюзному радио. Вы не будете возражать, если вместо юбилейных торжеств, мы проведем просто вечер, посвященный 125-летию образования школы?

– Пожалуйста, – криво усмехнулся он. Видимо, посчитал свою задачу выполненной: поставил на место директора школы, посмевшегося контролировать работу его супруги.

Много лет спустя, подводя итоги своей трудовой деятельности, я отметил, что за долгие годы работы на ответственных и хлопотных должностях на меня не поступило ни одной официальной жалобы в инстанции. Я пришел к выводу, что самой лучшей школой, практически Дипломатической академией, стала для меня Новая Усмась, когда у меня в подчинении были 17 учительниц – жен руководителей различного уровня, и со всеми было жизненно необходимо наладить ровные бесконфликтные отношения.

Вернулся от П.Г. Исаенко, позвал своих заместителей и рассказал о сложившейся ситуации.

– Надо сокращать программу мероприятий, менять сценарий, переделывать пригласительные билеты, которые уже разосланы, – озадачил их я.

Тем не менее, решил на свой страх и риск, сходить в райком КПСС, первым секретарем которого был Иван Максимович Зюзин, недавно назначенный из другого района и пока что к школе интереса не проявлявший, несмотря на то, что жена его работала у нас учителем.

Не вдаваясь в подробности разговора с П.Г. Исаенко, пригласил секретаря райкома на вечер, посвященный 125-летию со дня образования учебного заведения.

– А где собираетесь проводить? – спросил он.

– В школе, – скромно ответил я, – хотя лучше было бы в Доме культуры района.

– Вот там и проводите! – дал указание секретарь. – Пусть народ знает о вашем празднике. А я постараюсь обязательно прийти!

Таким образом, ситуация, в казалось бы, проигранной партии, выправилась и, воодушевленный этим поворотом событий, я поспешил в школу.

6 февраля 1966 года весь коллектив школы под знаменем и под торжественные марши, исполняемые школьным духовым оркестром, направился к районному Дому культуры. Иван Максимович Зюзин сдержал слово и не только пришел на праздник, но и выступил с приветственной речью. Сделал доклад и я, в котором рассказал о достигнутых школой успехах. Наши достижения были представлены и на стендах, которые мы разместили в фойе. Как всегда, блестяще выступили наши участники художественной самодеятельности.

Радости моей не было предела! Все, о чем я мечтал, осуществилось! Перспектива реализована, запланированная цель достигнута. Можно было бы и отдохнуть. Дальше школа могла продолжать движение по инерции, но это опасный путь. Маховик движения в какое-то время начинает замедляться, а потом и вовсе останавливается. Поэтому нужны новые перспективы – ближние, средние, отдаленные во времени. Об этом я говорил с учителями на очередном педагогическом совете.

Приближалась весна. Мы ожидали рождения второго ребенка. Надо было подумать о Барсе, которого держать в квартире после прибавления в семье, станет сложно. Пришлось отдать нашего друга Николаю Федоровичу Минакову, завучу по учебной работе, который жил в селе недалеко от Новой Усмани в своем доме. Отвел Барса на новое место жительства, пристегнул на цепь... Прости, Барс, иначе я не мог поступить.

Вскоре меня включили в состав межрайонной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР, заседание которой должно было состояться 13 июня 1966 года в г. Анна Воронежской области. Приехав туда, встретился с Иваном Федоровичем Подгузовым, первым секретарем Анненского райкома КПСС, с которым был хорошо знаком по совместной работе в Рамони.

Он пригласил меня на работу в свой район, но я своеобразно отказался, сказав ему:

– Хрен редьки не слаще!

– И то правда, – усмехнулся Иван Федорович.

Вернувшись в тот же день домой, я узнал, что у меня родилась дочь Лена – Аленка, как попросил назвать внучку мой отец.

К тому времени мы подружились с семьей Дунаевых. Владимир Стефанович – начальник районного отдела внутренних дел, подполковник милиции, участник Великой Отечественной войны, его жена, Мария Степановна – учительница географии, их дочь Светлана, ученица 9 класса – они стали нашими близкими друзьями, и мы поддерживаем отношения до сих пор. Вот только Владимир Стефанович уже ушел из жизни. Дочь Светлана стала учителем русского языка и литературы и всю жизнь проработала в Новоусманской средней школе. Сейчас она уже на пенсии, а ее сын, Владимир, названный в честь деда – офицер МЧС.

Но до этого было еще далеко. С Владимиром Стефановичем мы каждое утро ходили купаться на речку и почти всегда брали с собой моего сына Женю. Купаться начинали в апреле, когда температура воды не превышала 8 градусов, а заканчивали купальный сезон, когда Усманка замерзала. Окружающие смотрели на нас с ужасом, тогда о моржевании на селе еще не знали.

После выхода на пенсию Владимир Стефанович обосновался в доме своего отца в с. Владимировка Старооскольского района Белгородской области, а в Новую Усмань уезжал только зимовать. Я неоднократно навещал его, уже работая в Белгородском пединституте, и всегда поражался его энергии и оптимизму – он держал пасеку, разводил птицу и всегда занимал, как теперь говорят, активную жизненную позицию.

Как-то возвращаюсь с работы, а сын, которому только исполнилось 8 лет, говорит:

– Я поступил учиться в музыкальную школу!

Оказывается, они с соседским мальчишкой Сергеем сами пошли и записались, наш – на фортепиано, а Сергей решил стать баянистом. Для нас это было неожиданностью, мы на музыкальных инструментах не играли. Правда, Оля хорошо пела, а ее старший брат, Владимир Николаевич Гребенников – директор одного из крупнейших лесхозов Новосибирской области – прекрасно играл на аккордеоне и гитаре, не пропускал ни одной новой постановки в оперетте, когда учился в Воронежском лесотехническом институте.

Через несколько недель сын стал одолевать нас просьбами о покупке фортепиано для домашних занятий, демонстрируя пальцами на столе свою виртуозную игру. Пришлось брать кредит и идти в районный универмаг. Продавщица отговаривала мою жену от такой, на ее взгляд, бесполезной покупки, предлагая купить мутоновую шубу. Однако пианино мы купили.

К сожалению, учеба сына в музыкальной школе не заладилась. То ли усидчивости не было, то ли с педагогом не повезло, но через год с небольшим с музыкой он расстался, хотя позже он жалел об этом и упрекал нас, что не заставили учиться. Потом на этом пианино училась играть дочь. Она закончила музыкальную школу, но сейчас к пианино уже не подходит. Так оно и стоит одиноко в нашей квартире до сих пор. В то время многие родители стремились обучить детей игре на музыкальных инструментах, не вникая особо в их собственные потребности и интересы.

Наступила осень. В областной газете был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении работников сельского хозяйства. Этим Указом наша ученица Боброва Тамара, бригадир ученической производственной бригады, была награждена медалью «За трудовое отличие». Радостная весть мигом облетела все село. Никогда в Воронежской области не было такого случая, чтобы школьницу наградили государственной наградой за трудовые успехи. После получения Тамарой награды (медаль ей вручал первый секретарь обкома КПСС) в школе провели митинг, на который собрались руководители района и хозяйствующих

субъектов. Участникам бригады вручили ценные подарки и почетные грамоты, но в центре внимания была, конечно, Тамара с медалью на груди. Ребята с завистью смотрели на нее.

Все произошедшие события приводили меня к мысли о том, что экспериментальная часть моей диссертационной работы подходит к концу. Выдвинутая гипотеза о роли перспективы в нравственном воспитании личности полностью подтвердилась. Старшеклассники настолько выросли в своем нравственном развитии, что я мог просто им сказать: «Надо!», и они стали бы выполнять любую работу.

На заседании комитета комсомола было решено, что учащиеся, отличившиеся при строительстве спортивного зала, поедут в Москву, в Лужники. Под руководством мастера некоторые ребята даже профессионально освоили кладку стен, а не только выполняли массу подсобных работ. В работе иногда принимали участие и я, и многие учителя. Не наблюдать, не руководить со стороны, а непосредственно участвовать с ребятами в совместной деятельности – это всегда было для меня законом.

Глава 7. ЗАЩИТА

Как любил говорить мой научный руководитель К.И. Васильев, для написания диссертации нужна не только светлая голова, но и железный зад, имея в виду усидчивость соискателя. Если с практикой у меня было все в порядке, то теорию надо было почитать. С необходимой научной литературой в то время можно было ознакомиться или в библиотеке им. В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека), или в библиотеке им. К.Д. Ушинского, которые находились в Москве.

Пришлось просить у руководства учебный отпуск и отправляться в столицу. В библиотеках было столько читателей, что приходилось приходить рано утром, чтобы занять место. Конспектировал литературу, с особенным интересом читал современные диссертационные исследования по педагогике. В Москве пришлось провести около трех недель, но польза от этого была несомненной.

Исследовав внутренний механизм перехода от близкой перспективы к более далекой, я пришел к выводу, что психологическим мостиком к осуществлению новой намеченной перспективы является успех. Именно успех в деятельности рассматривался мной как достижение близкой перспективы и переход к более далекой – залог плодотворной работы по воспитанию у школьников коммунистического отношения к труду.

Сегодня можно скептически относиться к термину «коммунистическое отношение к труду», но что оно означает по сути? В первую очередь, это ответственное отношение к деятельности, наполненное нравственным смысловым содержанием. Ничего плохого в этом нет, и здорово пригодились бы сегодня, когда

в обществе напрочь отсутствует, какая бы то ни было, национальная идея, а самыми привлекательными телевизионными образами стали физиономии лавочников и воров.

Высоко оценивая преимущества свободного рынка и демократических устоев, нельзя забывать, что формирование гражданского общества, реальной демократии, создание правового государства подразумевают господство права, Конституции и закона. Сильное государство, соответствующее современному характеру и структуре общества, должно располагать не менее эффективной методологией и реальным инструментарием.

Проводя педагогический эксперимент, мы понимали, что чем больше ситуаций нравственного выбора будет заложено в системе деятельности школы, тем в большей степени будет проходить нравственное обогащение каждой личности. Поэтому при каждом удобном случае аналогичные ситуации мы пытались создавать. Воспитание никогда не будет эффективным, если оно организовано на основе набора дежурных мероприятий, к которым учащиеся имеют косвенное отношение, хотя и являются их участниками.

Должен достигаться определенный уровень субъективации нравственных ценностей, который определяется развитостью общества, самосознанием учащихся, их внутренней социальной позицией. Зависимость уровня субъективации от состояния общества обусловлена тем, что установление ценности общественного явления осуществляется в процессе его оценки личностью.

Ценность становится таковой лишь после превращения в убеждения личности, перехода в ее эмоциональный потенциал. Понятие ценностной ориентации некоторые исследователи отождествляют с понятием установки, что нельзя поддержать в полной мере. Вместе с тем, не подлежит сомнению взаимосвязь установки и ценностной ориентации, что обусловлено воздействием ориентаций на все стороны человеческой психики: от

познавательной деятельности до мотивации каждого из поступков личности.

Очерчивая взаимосвязь мотива и деятельности, А. Н. Леонтьев пришел к выводу о раздвоении функций мотивов, которое «возникает вследствие того, что деятельность необходимо становится полимотивированной, т.е. одновременно отвечающей двум или нескольким мотивам». Он показал, что одни мотивы, побуждая деятельность, вместе с тем придают ей личностный смысл (смыслообразующие мотивы), а другие выполняют только роль побудительных факторов (мотивы-стимулы)⁴.

В своих теоретических исследованиях А. Н. Леонтьев делает акцент на предметном содержании мотивации, понимании мотива как предмета потребности. Мотив определяется как материальный или идеальный объект, в котором находит свое конкретное выражение потребность личности. Мотивом деятельности, выступающим в побудительной функции и задающим направленность этой деятельности, является объект, высший по отношению к субъекту.

В процессе нравственного воспитания в качестве внешнего фактора, воздействующего на интересы ученика и направляющего его на достижение позитивных целей, выступает нравственный стимул, а соответствующая мотивация построена на основе привлекательного имиджа благоприятных последствий. Понимание мотивации как предмета раскрывается в общем контексте версии о предметности как исторически фиксированной функции. Предметная сфера, в которой живет и действует человек, рассматривается не как совокупность физических объектов, существующих безотносительно к субъекту, а как мир предметов человеческой деятельности, проявляющих себя через призму их восприятия субъектом.

⁴ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.

Деятельность в отечественной науке имеет широкую трактовку как динамическая система взаимосвязи субъекта с миром и включает такие формы, как предметно-практическая (по производству материального продукта); теоретическо-мыслительная (оперирующая идеальными конструкциями, моделирующими мир); идеологическая (связанная с рефлексией, выделением целевых ориентиров и т.д.).

Современная концепция человеческой деятельности сформулирована на основе работ П.К. Анохина, А.Г. Асмолова, Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна⁵.

По данным многочисленных исследований, проведенных в нашей стране и за рубежом (Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, А. Маслоу, Ж. Пиаже, В.Э. Чудновский и др.)⁶, мотивационно-потребностная сфера личности имеет иерархическую структуру, заключающуюся в том, что одни мотивы занимают доминирующее положение, а другие подчиненное. В зависимости от этого определяется направленность личности.

Одновременно индивидуальное самосознание воспитанника выступает фактором саморегуляции, самоконтроля и сознательного развития творческих сил личности. По мнению А.В. Мудрика, «самосознание влияет на оптимальность, интенсивность, направленность и объективность самооценки творческой активности индивида»⁷.

Основным внутренним критерием личности в реализации жизненных установок в управленческом процессе является ее социально-нравственная активность.

К.А. Абульханова-Славская в качестве критериев проявления активности рассматривает соотношение в поведении и деятельности

⁵ См. напр.: Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем. – М.: Наука, 1980.; Асмолов А. Г. Психология личности. – М.: Изд-во МГУ, 1990.; Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М., 1973.

⁶ См: Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л., 1968; Маслоу А.Г. Мотивация и личность. – СПб., 1999.

⁷ Мудрик А. В. Личностный подход в воспитании // Магистр. – 1991. – Август. – С. 128.

инициативы и ответственности, полагая, что «личностью осуществляется индивидуальный способ реализации своей активности, при котором происходит распределение инициативы (во времени, в способе жизни и т.д.)»⁸.

Осознание целей своей деятельности, активно-положительное отношение к ней способствуют актуализации личностных качеств учащихся, создают условия для самосовершенствования и самоутверждения.

В то же время педагогу нельзя не учитывать и психические особенности ученика, его склонности, способности, характер, темперамент, которые играют немаловажную роль в целеполагании деятельности. В свою очередь, формирование потребностей и психического склада учащихся обусловлено природными данными, влиянием индивидуальной и социальной среды.

При организации всех видов учебной деятельности я акцентировал внимание, прежде всего, на труде, который должен занимать ведущее место в ученическом коллективе. Это не просто трансляция знаний, а организация такой интеллектуальной деятельности, которая способствует духовной общности учителей и учащихся, вызывает определенные чувства, инициированные умственным напряжением и радостью успеха в работе.

Фундаментом совместной деятельности педагогического коллектива и учащихся является взаимное доверие в рамках справедливого социального обмена, повышение результативности управления путем гибкого применения механизма оценки результатов воспитательной деятельности. Высшая компетентность учителя при этом состоит в осознании границ своих полномочий в воспитательном пространстве и степени влияния на учащихся на уровне стабильных партнерских отношений с ними.

Спецификой причинно-следственных связей в управляемых объектах является их вероятностный характер. Постепенное

⁸ Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М., 1991. – С. 247.

накопление соответствующих знаний позволяет со временем все более точно предполагать возникновение и развитие кризисной ситуации, повышать точность и эффективность управленческих методов по ее предупреждению или локализации. Это связано с тем, что большинство новых фактов является закономерным следствием предыдущих и наступает с большей или меньшей степенью вероятности, которую можно определить достаточно своевременно и надежно, стремясь воссоздать логику связи событий.

В процессе управления деятельность человеческого разума, прежде всего, заключается в анализе событий, происходящих в окружающей реальности. Думать – означает наблюдать, обращать внимание, иметь в виду, принимать меры, вырабатывать стратегию предстоящего поведения, определяя приоритетные направления конкретных действий. Мышление без выделения приоритетов – рутинное мышление. Мышление, которое не обладает оценочной способностью, является до известной степени неполноценным.

Воспитание предполагает проектирование целостного процесса управления, а в его исполнительной части – приведение движущих сил развития личности. Одновременно оно включает в себя и корректировку поведения учащихся, что обеспечивает единство объективного и субъективного в процессе управления.

Для повышения эффективности воспитания очень важны средства интеграции, под которой подразумевается процесс достижения единства усилий педагогического коллектива для реализации его задач и целей. Важнейшее условие обеспечения эффективности – это единство целей. Разработка целей также входит в ценностное содержание управления процессом воспитания. Современная наука выдвигает цели на одно из первых мест по значимости.

Непременным исходным условием обеспечения конструктивности процесса воспитания является технология постановки целей, которая предполагает их формулировку через

результаты управления, выраженные в действиях, прогнозируемых, осознаваемых и определяемых с достаточной степенью надежности.

Пониманию смыслового значения и утилитарной целесообразности другого подхода к формированию нравственных ценностей, часто применяемого в западной педагогике, способствует понятие диффузности, характерное для теории социального обмена. Диффузность означает отсутствие жесткой детерминации как по срокам, так и по формам вознаграждения за добровольно, а часто и инициативно оказанные человеком услуги в надежде на адекватную реакцию других лиц.

По мнению П. Блау, социальный обмен «вовлекает факторы, создающие диффузные будущие обязательства, не специфизированные четко, при которых природа возврата не может оговариваться, но по большей части оставлена на усмотрение того, кто его осуществляет»⁹.

Природа вознаграждения неизменно не оговаривается заранее, не может быть предметом взаимодействия. Осуждение поспешной взаимности стимулирует рост доверия за счет того, что учащиеся и педагоги остаются под действием обязательств друг перед другом на протяжении длительного периода, чем сохраняется их определенная лояльность друг к другу и создаются предпосылки для повышения уровня социально-нравственной активности всего коллектива школы.

Я пришел к выводу, что воспитательная система школы включает в себя ряд признаков:

- наличие в школе концепции воспитания, отражающей концепцию воспитания федерального уровня и в то же время учитывающей свои специфические условия жизнедеятельности;

- психолого-нравственный климат коллектива учителей и учащихся, ориентированный на общечеловеческие ценности;

- наличие больших и малых перспективных дел, интегрирующих в себе устремления коллектива учителей и учащихся на их приближение и реализацию;

⁹ Blau P. Exchange and Power in Social Life. – N.Y.: Wiley, 1986. – P.IX. – P. 38.

– взаимодействие школы и социальной среды, их органическая включенность в совместную деятельность, направленную на выполнение задач воспитания.

На основе накопленного опыта я стал публиковать научные статьи. Первая опубликованная работа вышла в «Известиях Воронежского государственного педагогического института» в 1966 году и называлась «Перспектива в воспитании у школьников коммунистического отношения к труду».

В 1967 году в помощь классным руководителям и директорам школ я разработал и опубликовал «Методику организации и выдвижения перспектив в целях воспитания у школьников коммунистического отношения к труду». Директор типографии подарил мне на память слиток металлических букв из набора книги. Оля даже заплакала, увидев мой первый серьезный научный труд, а буквы те до сих пор хранятся у меня.

В этом же году диссертация была окончена. Диссертационный совет по педагогическим наукам находился в Воронежском государственном университете. Научный руководитель К.И. Васильев одобрил мой труд и подписал ходатайство в университет для принятия диссертации к защите.

Кафедрой педагогики и психологии в Воронежском университете заведовал известный ученый, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Сергей Васильевич Иванов. Ему было уже 77 лет. Он имел два присутственных дня в неделю, плохо передвигался и на работу добирался на такси. На кафедру его заводили под руки. Профессоров тогда было совсем мало, и их очень ценили.

С.В. Иванов тепло принял меня, расспросил о работе в сельских школах и предложил оставить диссертацию, пообещав недели через две ее прочитать. Действительно, через две недели мне позвонили с кафедры и пригласили в обозначенное время прибыть на встречу с заведующим кафедрой.

Сергей Васильевич встретил меня доброжелательно и сказал, что в целом одобряет мою диссертацию, однако у него имеется ряд замечаний, которые желательно устранить. Свои предложения он изложил по тексту работы карандашом. Дома я внимательно прочитал замечания профессора и не увидел в них ничего, на мой взгляд, существенного. Поэтому особенно переделывать не стал, так как перепечатывать страницы текста мне просто было жаль, это в те времена было большой проблемой.

Для наглядности я нарисовал синусоиду, на которой отразил этапы нравственного продвижения школьников, благодаря перспективе. Графики и диаграммы только-только начали входить в моду в гуманитарных научных исследованиях и должны были убеждать в реальности проведенного педагогического эксперимента. Если откровенно, то я и сейчас, на основе многолетнего опыта руководства научной работой педагогического института, а затем и университета, сомневаюсь в их необходимости и объективности всех этих часто надуманных процедур.

Вскоре я вновь отнес «доработанную» диссертацию профессору.

– Ну вот, батенька, совсем другое дело, – оживился Сергей Васильевич. – Сразу видно, что Вы всерьез поработали над моими замечаниями. Будем представлять диссертацию к защите!

Уже через неделю состоялось заседание кафедры, на котором я докладывал основные положения диссертации. На этом же заседании она была рекомендована к защите. Сергей Васильевич сам решил выступить в качестве первого официального оппонента, а вторым оппонентом был приглашен доцент Павел Алексеевич Просецкий. В качестве ведущей организации (тогда ее принято было называть внешним учреждением) был определен Научно-исследовательский институт теории и истории педагогики Академии педагогических наук СССР. Защиту назначили на октябрь 1967 г.

Надо было ехать в Москву. Обязанности директора НИИ исполнял известный педагог Иван Сергеевич Марьенко. Я передал ему привет от С.В. Иванова и вручил ему диссертацию с

направлением диссертационного совета на внешний отзыв. Иван Сергеевич куда-то очень спешил, но уделил мне время, пообещав в течение нескольких дней прочитать рукопись и подготовить отзыв. И действительно, в назначенное время отзыв был готов.

– Материал интересный и нужный, – сказал Марьенко, – сразу видно, что Вы прямо из школы, а не кабинетный ученый. Мы это приветствуем!

В день защиты 10 октября 1967 г. внезапно заболел Сергей Васильевич Иванов, и я начал тревожиться, что он не придет на заседание диссертационного совета. Но это был мужественный и очень ответственный человек, несмотря на преклонный возраст. Он развеял мои опасения и не только пришел, но и блестяще выступил с подробным анализом моей работы, за что я и сейчас ему благодарен. Большое впечатление на членов совета произвел и отзыв авторитетного академического НИИ. Защита прошла успешно, все члены совета проголосовали за присуждение мне ученой степени кандидата педагогических наук.

Хочется обратить внимание молодого поколения ученых, что в те годы никаких подарков, тем более в денежном эквиваленте, никому не делали – ни научному руководителю, ни оппонентам. Это и в голову не могло придти! Просто слова благодарности. А уж о том, чтобы заниматься производством фиктивных диссертаций, вносить в них ложные сведения о публикациях и прикладывать подложные отзывы, как это выяснилось в феврале 2013 г. в одном из московских вузов, тогда не могли и подумать!

Не тот мир стал – он словно перевернулся! Защита кандидатской диссертации, не говоря уже о докторской, была событием. Я, например, стал вторым кандидатом наук в Воронежской области среди учительской братии. А сейчас диссертации, как блины пекутся. В этом я полностью согласен с той оценкой, которую дали руководители страны получившим огласку позорным фактам, упомянутым мной выше.

В 1967 году мой оппонент Сергей Васильевич Иванов был единственным доктором педагогических наук во всем Центральном Черноземье. А сегодня только на кафедре педагогики НИУ «БелГУ», где я проработал более 40 лет, целых семь докторов! Впрочем, я не говорю, что это плохо. Просто было другое время, иной доступ к информационному пространству, отсутствовали современные возможности освоения накопленного по теме материала и т. д.

В школе меня встретили радостно. В фойе по инициативе моих заместителей вывесили плакат с поздравлениями. По телефону поздравил и председатель райисполкома Павел Григорьевич Исаенко, который еще недавно чуть было не сорвал нам праздничное мероприятие.

В конце декабря 1967 г. я получил открытку, точно такую же, как присылают и сейчас, о том, что Президиум Высшей аттестационной комиссии 20 декабря 1967 г., протокол № 12371 К, разрешил выдать мне диплом кандидата педагогических наук.

Когда я пришел в районный отдел образования с этим дипломом, заведующий районо И.В. Курилов засмеялся:

– Тебе теперь большая прибавка к зарплате – целых 10 рублей в месяц!

Глава 8. ПРОЩАЙ, ШКОЛА!

Через некоторое время меня пригласили на беседу в Воронежский областной комитет КПСС. Беседовал со мной заместитель заведующего отделом науки и учебных заведений и после недолгих расспросов о жизни предложил перейти на должность инструктора обкома.

Я ответил, что предложение заманчивое, но есть два момента – вопрос с жильем и предоставление возможности преподавать по совместительству в вузе, иначе, зачем было защищать диссертацию? Мой собеседник сказал, что на эти вопросы у него нет полномочий отвечать.

На этом и расстались, а вскоре позвал меня уже его начальник, хорошо знакомый мне прежний заведующий облоно А.П. Костин, который теперь руководил отделом науки и учебных заведений обкома.

– Чего ты упорствуешь? – спросил он меня. – Это я решил тебя рекомендовать в обком. Работа почетная и ответственная, и на должности инструктора ты, думаю, долго не засидишься! А поставленные тобой вопросы будут решать выше.

В Новой Усмани, узнав, что меня приглашали на беседу в обком, местные начальники сразу стали здороваться со мной почтительно – на всякий случай. А меня тем временем пригласил уже секретарь обкома по идеологической работе, очень большой начальник в те годы.

– Ну, что? Работать в обкоме будем? – сразу начал он.

– Если партия прикажет, работать буду. Но меня не очень прельщают постоянные командировки обкомовских инструкторов по районам для подготовки различных отчетов и справок. Я этим

заниматься не люблю. Хотел бы иметь возможность совмещать должность с работой в вузе, да и с жильем нет ясности.

– Дом для работников обкома партии через полгода сдается в эксплуатацию на проспекте Революции, а совместительство у нас не приветствуется, – довольно холодно подвел итоги нашей беседы секретарь, которому, видимо, не по чину было меня уговаривать. Больше в партийные органы меня не приглашали, но об этом я никогда не пожалел.

28 апреля 1968 года неожиданно получил поздравительную открытку с праздником Первомая (так назывался день международной солидарности трудящихся) из Воронежа от профессора С.В. Иванова. Мне было очень приятно, что известный российский педагог вспомнил обо мне и воспринимал как своего коллегу – ученого. К сожалению, совсем скоро, 15 октября его не стало.

В разгар наших школьных дел позвонил мне П.Г. Исаенко:

– Тонков, Тонков, – раздался из трубки звучный голос председателя райисполкома, – не пора ли нам спилить деревья вокруг школы? Они уже отжили свой век, воронье на них гнездится, мусорит, гадит – живем как в глухой деревне! А вместо них можно будет посадить молодые деревья!

– Только после меня, – ответил я ему. – Общественное мнение вряд ли станет приветствовать такое решение. Вначале надо посадить новые деревья, чтобы они подросли, а затем уже выборочно убирать постепенно старые.

На этом наш разговор закончился. Оказалось, когда супруги Исаенко по обыкновению прогуливались вокруг школы, ворона нагадила на шляпу чиновника, чем была и вызвана его инициатива. Впрочем, через некоторое время, когда я уехал на работу в Белгород, реликтовые деревья все-таки спилили.

Моя решительность в разговоре с начальством подкреплялась созревшим решением об отъезде из Новой Усмани, так как хотелось работать в вузе. В то время в «Учительской газете» печатались

объявления о конкурсах на замещение должностей профессорско-преподавательского состава в педвузах всего Союза ССР. Из многочисленных объявлений мне приглянулись должности старшего преподавателя в Белгородском и Борисоглебском педагогических институтах. Меня, в первую очередь, интересовало решение жилищной проблемы, т. к. получить квартиру в Воронеже представлялось маловероятным.

Вначале я поехал в Борисоглебск – он ближе, в Воронежской области. Небольшой провинциальный городок, с красивым парком, драматическим театром. В педагогическом институте, который находился в здании бывшей гимназии, было два факультета – физико-математический и филологический. В этом же городе располагалось знаменитое летное училище.

Директор института встретил меня дружелюбно. Преподавателей с ученой степенью в вузе было немного. Возникла практически не решаемая проблема с жильем – строительство в городе не велось. Директор пообещал временно предоставить две комнаты в общежитии, но по его глазам я понял, что это временное жилье легко перерастет в постоянное.

Белгород выгодно отличался от Борисоглебска – областной центр, развитая промышленность, активное строительство. В пединституте пять факультетов. Квартиру обещали в течение полугода. Я отправил документы по почте на конкурс, даже не выезжая в Белгород, и продолжал работать в школе.

Одиннадцать выпускников были представлены к награждению золотыми и серебряными медалями. Медалисты и ребята, отличившиеся на строительстве спортивного зала, поехали на экскурсию в Москву.

В июле 1968 года я получил письмо из Белгородского педагогического института, в котором сообщалось, что я принят по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры педагогики и психологии. Узнав о моем решении, П.Г. Исаенко стал меня отговаривать:

– Зачем тебе это надо? Ты хорошо подумал? Здесь ты на виду, пользуешься авторитетом, все тебя знают, директор головной школы района. А там ты будешь обычным преподавателем, которых десятки, если не сотни!

– Для начала преподавателем, а потом и доцентом, – отвечал я. – Квартиру обещают через полгода. А здесь, хотя и с авторитетом, хожу в туалет на улицу звезды считать.

На этом мы и распрощались. Сейчас, когда после этого разговора прошло почти сорок пять лет, и настала пора подводить итоги, я все чаще думаю, что, может быть, Павел Григорьевич был и прав.

25 августа я сдал Новоусманскую среднюю школу и впервые поехал в Белгород. Поездка на рейсовом автобусе заняла около шести часов. Белгород мне сразу понравился – ухоженный, зеленый город. Добрался до педагогического института, здание которого располагалось на улице им. Жданова (теперь Студенческая). В приемной ректора, к своему удивлению, познакомился с Иваном Павловичем Прокопьевым, кандидатом педагогических наук, на работы которого я ссылался в своей диссертации (он разрабатывал интересную проблему воспитания на отрицательных примерах). Оказалось, что он недавно переехал из Чебоксар и исполняет обязанности ответственного секретаря приемной комиссии (тогда я еще не знал, что уже на следующий год эту работу стану выполнять я). Пройдут годы, и Иван Павлович станет известным ученым-педагогом, первым на Белгородчине защитит докторскую диссертацию по педагогике, будет заведовать кафедрой.

В приемной находилась и начальник учебной части института Прасковья Ивановна Ткачева. Я представился и рассказал о цели своего приезда секретарю ректора – солидной белокурой женщине Надежде Васильевне Бардыковой. Она доложила обо мне ректору Дмитрию Михайловичу Забродину. Дмитрий Михайлович был крупным организатором педагогического образования. Через полгода его назначили начальником Главного управления высших и

средних учебных заведений, а вскоре и заместителем министра просвещения России.

Дмитрий Михайлович подробно рассказал мне о вузе и его перспективах, о своих намерениях привлекать высококвалифицированные кадры.

– Правда, ни одного доктора наук в вузе пока нет, – с досадой сказал он. – Квартиру получите через четыре месяца в новом доме на улице Некрасова, а пока придется пожить в студенческом общежитии на улице Коммунистической (сегодня на этом месте находится преподавательский дом университета – ул. Преображенская, 78-б).

– Нельзя ли мне выделить отдельную комнату? – поинтересовался я. – Хочу сразу перевезти семью.

Оказалось, что это возможно. Пообещав через два дня быть на работе, я отправился к коменданту за ключами. На выходе встретил невысокого bruneta с черными, как смоль, волнистыми волосами. По описанию, данному мне ранее И.П. Прокопьевым, я догадался, что это заведующий кафедрой педагогики И.И. Августевич.

– Вы Илья Иосифович? – спросил я.

– Естественно, – удивился он вопросу незнакомого человека.

Я представился. Он улыбнулся и пригласил зайти на кафедру.

– Извините, я спешу, буду через пару дней, – вынужден был отказаться я, так как торопился на автобус в Воронеж.

Впереди нам с Ильей Иосифовичем предстояло длительное научное сотрудничество, особенно по проблеме организации и развития школ-комплексов на Белгородчине.

Вернувшись в Новую Усмань, сразу приступил к организации отъезда. Дарили соседям комнатные цветы, разную утварь, кое-что из вещей пришлось продавать быстро, а значит, дешево. На следующий день мы уже грузили свое небогатое имущество и книги, которые составляли его большую часть, в грузовой ЗИЛ-150. Пришел школьный художник – выпускник Пензенского художественного училища – и подарил портрет выдающегося педагога К.Д. Ушинского. Этот портрет стал моим талисманом и

всегда украшал мой кабинет на протяжении почти 45 лет работы в вузе. Он и теперь со мной, в моем домашнем кабинете.

После окончания погрузки нас пригласил к себе домой учитель пения Владимир Максимович Нефедов. У него во дворе собрались провожать нас человек тридцать учителей. Был накрыт стол с нехитрой снедью. Прощание было трогательным и грустным. От имени коллектива с заключительным словом выступил ветеран войны, учитель физкультуры Василий Федорович Березкин. Вспоминаю его речь и до сих пор не могу сдержать волнения.

– Нам очень жаль, что Вы покидаете нас. Такого директора у нас никогда не было и вряд ли будет. Без Вас мы просто осиротели. Доброго Вам пути!

Оля с детьми села в кабину, я запрыгнул в кузов, и машина тронулась. На дороге стояли учителя и махали нам вслед. Многие плакали. Так закончилась моя школьная эпопея. Но моя связь с Новоусманской школой, ставшей мне родной, не прервалась.

Работая в Белгороде, в 1968 году получил ко Дню учителя от выпускников телеграмму, которая пришла на кафедру педагогики: «Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени. Галя, Светлана».

Одна из этих девочек – Галя Золотарева, а теперь Галина Ивановна Орловцева, вот уже более 10 лет возглавляет Новоусманский лицей, созданный на базе средней школы, а значит, дело мое живет!

Часть II

БУДНИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

(ЗАПИСКИ ПРОРЕКТОРА)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В первой части книги – «Будни сельской школы (записки директора)» прослеживается моя жизнедеятельность в первые десять лет в качестве директора сельской школы и заведующего районным отделом народного образования.

Вся моя дальнейшая жизнь была связана с Белгородским государственным педагогическим институтом (позже университетом), в котором я проработал свыше сорока четырех лет, в основном, на руководящих должностях, в том числе, более тридцати лет – проректором, из них двадцать четыре года – проректором, а затем первым проректором по научной работе.

Во второй части книги я решил остановиться на конце 60-х, 70-х и 80-х годах, то есть периоде моего становления как преподавателя и проректора вуза, периоде последнего двадцатилетия существования советского государства.

Следует отметить, что хотя у нас не было такой материально-технической базы, как сейчас, однако качество обучения студентов и их подготовка к будущей профессии, пожалуй, была лучше нынешней. Это не голословное утверждение, а собственный многолетний опыт. Видимо, одна из причин – в плане приема студентов, раньше он соответствовал потребностям региона, и все места были только бюджетными. В настоящее время по всей стране основная часть бюджета формируется за счет приема абитуриентов на платной основе. На внебюджетные места принимаются менее подготовленные школьники, и чем больше их будет, тем лучше для вуза. Такого студента сложно отчислить за неуспеваемость, так как

при этом создается ситуация «рубим сук, на котором сидим» – обезденеживается казна.

Другая причина в том, что в те годы мы жили и работали без особых потрясений, и нам еще не было знакомо Болонское соглашение, которому наше образование слепо следует последнее десятилетие. Мы зачем-то пытаемся натянуть на себя пиджак с чужого плеча, забывая о своем русском самобытном менталитете, о котором неоднократно повторял, чтобы мы не забывали, выдающийся педагог К.Д. Ушинский. Пединститут готовил специалистов высшей квалификации, и они таковыми выходили через четыре-пять лет. Вся научно-методическая работа была направлена на качество обучения, а интеграция научной работы многих кафедр способствовала формированию единого коллектива. Вся идеология различных структур пединститута была подчинена подготовке студента к работе в школе. Никаких магистров и бакалавров тогда не существовало и в помине. Была стабильная государственная программа, рассчитанная на подготовку специалистов. О тестах при опросе студентов, как и о ЕГЭ для учащихся, не могло быть и речи. Как рассуждает студент, какова логика его мышления? – основные критерии знаний. Складывается такое впечатление, что в Министерстве образования и науки сами не знают, чего хотят. Реформирование ради реформирования, а наяву – разрушение стройной системы образования, которая считалась самой прогрессивной в мире. А так жаль! Образование характеризует общество. За державу обидно, когда высокопоставленные чиновники и состоятельные люди отправляют своих чад учиться в заграничные вузы и колледжи, особенно в Великобританию и США. Значит, мы что-то недодаем в своих учебных заведениях, или это просто мода такая? Стоит задуматься.

В конце своей книги я решил предложить вниманию читателей одну из моих последних статей «К проблеме цели воспитания и его сущности», опубликованную к 70-летию кафедры педагогики в «Научных ведомостях Белгородского госуниверситета»¹⁰, которая отражает мою позицию по данному вопросу и которой я придерживался всю свою педагогическую деятельность.

¹⁰ См.: Е.В. Тонков. К проблеме цели воспитания и его сущности // Научные ведомости Белгородского государственного университета (серия Гуманитарные науки). № 6 (77). 2010. Выпуск 5. – С. 39-44.

Глава 9. НАЧАЛО ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВУЗЕ

С 1 сентября 1968 года я – старший преподаватель Белгородского государственного педагогического института. Школа осталась позади, но я всегда её буду помнить – она начало моей трудовой деятельности.

Грузовик с нашими вещами прямо из Новой Усмани Воронежской области, где я четыре года работал директором средней школы, подъехал к крыльцу студенческого общежития Белгородского педагогического института им. М.С. Ольминского, которое располагалось на улице Коммунистической, 78 (ныне ул. Преображенская). На ступеньках скучали двое молодых людей, которые оказались студентами факультета физической культуры и спорта (через несколько дней я буду читать им лекции по педагогике). За небольшое вознаграждение договорились поднять наши вещи на четвертый этаж (шкаф, стол, два дивана и т.д.).

Вместе с шофером школьной машины они достаточно быстро это сделали. Комната в два окна, которая казалась довольно просторной, вдруг стала совсем тесной. У стола уместился только один стул, остальные – на шкафу. Немного придя в себя, я сбегал в гастроном № 4, который был напротив. Он встретил меня дурманящим запахом свежей колбасы и копченой рыбы. Сейчас бросишь кусочек кошке, так она удивленно посмотрит и брезгливо загребет лапкой. В магазинах продается очень много сортов колбасы, но она вся почему-то без запаха и вкуса.

Приближался учебный год, поэтому я сразу отправился в среднюю школу № 19, которая была почти рядом, чтобы определить сына в 4-ый класс. Меня встретил директор школы, который сказал, что мест в данных классах нет. Мои доводы о близости учебного заведения к месту жительства, о том, что я вчерашний директор школы, его не убедили. Но недалеко, на улице

Попова, располагался городской отдел образования, где этот вопрос решили на удивление быстро. После этого мой путь лежал в пединститут на ул. Жданова (ныне ул. Студенческая).

Прежде всего, я зашел к ректору Дмитрию Михайловичу Забродину (я уже был у него несколько дней назад) и доложил о том, что прибыл и приступаю к работе. Встретил он меня доброжелательно, спросил, как я устроился со своей семьей, выразил надежду, что к новому году мы получим квартиру, пожелал успехов в работе. После этого я поднялся на четвертый этаж пединститута, где были расположены все общеинститутские кафедры, в том числе кафедра педагогики и психологии. В дверях встретил Илью Иосифовича Августевича, заведующего кафедрой. С ним я тоже уже был знаком. Он приветливо улыбнулся и пригласил расположиться рядом со своим столом, который находился у окна в приемной кабинета кафедры. За другим столом сидела лаборант. Работал И.И. Августевич на кафедре еще с пятидесятых годов, когда институт находился в Старом Осколе, в 1958 году защитил кандидатскую диссертацию, а кафедрой заведовал с 1964 года. Специализировался по истории педагогики.

Стали подтягиваться преподаватели. Оказалось, что через полчаса будет проходить заседание кафедры. Основные вопросы: уточнение учебной нагрузки на 1968/69 учебный год, а также разработка программы действий, связанных с организацией родительского всеобуча и созданием выездных бригад, цель которых – помощь сельским учителям в более глубоком усвоении теоретических вопросов и наиболее актуальных проблем педагогической науки. Преподаватели живо общались друг с другом, давно не виделись.

Иван Павлович Прокопьев приветствовал меня, как старого знакомого, так как несколько дней назад мы встречались в приемной ректора – он был ответственным секретарем приемной комиссии. Прибыл он на год раньше меня из Чебоксар, до аспирантуры работал директором школы-интерната.

Виктория Константиновна Иванова только что вернулась с защиты кандидатской диссертации, поэтому бурно делилась впечатлениями. Познакомился и с другими членами кафедры, в основном, кандидатами наук, доцентами: Н.Е. Анкудиновой, М.В. Селезневой, А.И. Горбуновой, Н.М. Кайродом, старшим преподавателем Е.А. Боровиковой. Хотя кафедра была педагогики и психологии, ее контингент был невелик, так как институт только развивался, имея пять факультетов: физико-математический, русского языка и литературы, иностранных языков, в 1966 году открылся биолого-химический факультет, в 1967 году – физического воспитания. Мне зав. кафедрой И.И. Августевич предложил часы на двух факультетах: биолого-химическом и физического воспитания (лекции, семинарские и практические занятия, зачеты, экзамены, педпрактика – всего 830 часов на учебный год).

После заседания кафедры я отправился на «свои» факультеты, познакомиться с деканами и расписанием. Факультеты располагались на втором этаже. На биохимфаке меня встретил уже не столь молодой человек, лет за пятьдесят – декан, доцент Андрей Андреевич Хижняк, который тоже прибыл в институт в 1968 году. У него уже был солидный стаж педагогической работы в вузах Днепропетровска, Курска и Мелитополя. Расписание занятий у него было практически готово. Я попросил поставить 1-го сентября лекцию по педагогике, на которой я буду акцентировать внимание на роли учителя в воспитании и обучении детей. А.А. Хижняк со мной согласился. В разговоре он был предельно вежлив и ничем на другие темы не отвлекался.

Затем я зашел к декану факультета физического воспитания, доценту Алексею Алексеевичу Пазовникову. Он был старше меня на десять лет, участник Великой Отечественной войны. До этого работал в Казахском институте физической культуры г. Алма-Ата, затем заведовал кафедрой теории физического воспитания Харьковского педагогического института. Прибыл в Белгородский

пединститут в 1967 году и стал исполнять обязанности декана. К моему приходу на факультете было 100 человек, т.е. первый и второй курсы. Разговорились. Алексей Алексеевич оказался словоохотливым человеком, тем более что у нас нашлась общая тема – спорт. А.А. Пазовников закончил Ленинградский институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта в 1951 году.

Узнав, что я раньше играл в футбол, Алексей Алексеевич засмеялся и сказал:

– На второй курс перешел ряд студентов, играющих на первенство РСФСР в классе «Б»: Богданов, Васильев, Сахаренков, Городов, Новоченко. Ваши родственные души! – и добавил, – сам я сейчас спортом не занимаюсь, но трусцой бегаю на работу и обратно.

Такие пробежки он совершал еще лет двадцать, пока не ушел на пенсию. Мою лекцию по педагогике он поставил первой парой на 8 часов 30 минут. Тогда еще не было у деканов никаких замов, все действия по расписанию декан осуществлял сам.

Решив все вопросы, я отправился домой. Моя жена Оля сообщила, что познакомилась с соседями по этажу – семьей Ковалевых, которые тоже недавно приехали. Александр Григорьевич – доцент, кандидат экономических наук, до этого работал в Туве, в Кызыльском пединституте, его жена Нелли Тихоновна, а дети немного старше наших. А.Г. Ковалев скоро стал заведовать кафедрой политической экономии, а Нелли Тихоновна преподавать историю на подготовительных курсах. Мы всегда поддерживали с ними дружеские отношения.

30 августа состоялось производственное совещание коллектива пединститута. В президиуме были: ректор Забродин Д.М., проректор по учебной и научной работе Глухов Н.Д., секретарь парторганизации, зав. кафедрой истории партии Лихачев И.И., председатель профкома. Дмитрий Михайлович представил прибывших преподавателей, при этом подчеркнул, что все они – кандидаты наук. Таких было семеро: Ковалев А.Г., Колчанов К.Ф., Козлов А.И., Тонков Е.В., Хижняк А.А., Хохрякова Е.В., Шеховцов

И.С. После этого ректор остановился на итогах прошедшего 1967/68 учебного года и определил задачи на новый период, познакомил с итогами конкурса. В среднем конкурс составил 2,5 человека на место, особенно значительным был на факультете иностранных языков и факультете физического воспитания. Всего было зачислено 405 абитуриентов, и в 1968/69 учебном году в институте будет обучаться 1650 студентов. Преподавательский состав включает 189 человек, из них 66 кандидатов наук. Ни одного доктора наук в штате института не было.

Возвращение с производственного собрания «домой» ознаменовалось шумом и гамом в коридорах общежития – студенты заселяли свои комнаты. На нашем, четвертом, этаже расположился, в основном, физико-математический факультет. В туалет, который и так был без перегородок, попасть теперь стало вообще затруднительно, так же, как и в общую кухню, где стояло всего четыре газовых плиты. Оля стала варить еду в комнате на электроплитке, а я бегал в общественный туалет, находившийся за кинотеатром «Победа».

1 сентября я встал рано, предстояли две первые пары на факультете физвоспитания и биолого-химическом факультете. К лекциям я был готов, так как тезисно написал их еще месяц назад в Новой Усмани. Однако, было такое чувство, будто я иду на экзамен или к зубному врачу. Это чувство прошло, как только я оказался на пороге аудитории. Ребята такие же, как и в школе, только чуть постарше, и помещение немного больше – на пятьдесят человек, и девушек было мало.

На меня смотрели вполне доброжелательные и чего-то ожидающие глаза. Все встали, я поздоровался и попросил сесть. Сказал несколько слов о себе, подчеркнул, что тоже занимался спортом: футболом, лыжами, гирей. Глаза засветились. Познакомил с планом нашей совместной работы:

– На лекциях вы будете не только слушать, о чем я говорю, но и слышать, что и есть в конечном итоге наш совместный труд.

Знакомство с вами будет проходить в процессе нашей общей деятельности, в том числе и на лекциях.

Посоветовал учебные пособия по педагогике, которые в то время были в ходу: курс лекций по педагогике под общей редакцией Г.И. Щукиной и учебник И.Т. Огородникова.

– Тема первой лекции: «Предмет, методы исследования и задачи педагогики». Что же такое педагогика? Происходит от греческого слова *paidagogike* (*paida* – дети, *gogike* – вести), т.е. детоводительство, иными словами, воспитание детей. А кто скажет, что такое воспитание?

Студенты призадумались, затем стали наперебой отвечать. Наконец, вместе пришли к выводу, что воспитание – это организация деятельности, направленная на формирование положительных качеств личности. Нет деятельности – нет воспитания. Так мы работали целых два часа, и я пришел к выводу, что студенты этого факультета должны все время находиться в интеллектуальном напряжении, иначе им станет скучно, и они займутся другими делами.

Один из студентов, Евгений Сахаренков (кстати, футболист) в конце лекции высказался:

– Прямо, как на тренировке, весь в поту!

– Мне тоже не холодно, – засмеялся я.

Вторая пара – на биолого-химическом факультете. Здесь из пятидесяти человек сорок пять – девушки, так что головы ребят лишь изредка просматриваются. Этих студентов в таком умственном напряжении можно было уже не держать. Они чинно сидели и записывали все, о чем я с ними говорил. Удивил их тем, что не читал по конспекту, а рассказывал, иногда проходя по рядам и наблюдая за работой, что, видимо, было школьной привычкой. Однако в конце лекции стал задавать вопросы, чтобы утвердиться в правильности понимания услышанного на лекции.

После занятий зашел на кафедру, поговорил с Ильей Иосифовичем о впечатлениях первого дня занятий и отправился к

семье. Был полдень, и мне казалось странным, что я уже свободен, так как будучи директором школы, был на работе минимум до 18 часов, а теперь же я возвратился в общежитие вместе с сыном. Так потекли день за днем. Вечером гуляли всей семьей по центральным улицам Белгорода, который удивлял нас обилием яблок, продававшихся на каждом углу по 15 копеек за килограмм.

Для семинарских занятий сначала надо начитать лекции, которые проходили два раза в неделю, поэтому в течение целого месяца у меня оказалось много свободного времени. Можно было заниматься научной работой, что я и стал делать, часто посещая библиотеку и кабинет педагогики. Научная работа ориентировала на повышение качества знаний студентов и школьную тематику, скорее, это была научно-методическая работа. Никаких грантов и хоздоговорных тем тогда не существовало, да и проректор совмещал должность учебную с научной. Отсутствовал свой редакционно-издательский совет, он был при Курском педагогическом институте и утверждал наш план выпуска научно-методической литературы на год. Печатались учебно-методические сборники в Белгородской областной типографии им. В.И. Ленина или на ротапринтере в Областном управлении статистики. В научном плане тогда особенно никто не напрягал, поэтому по публикациям за 1969 год я оказался на кафедре одним из передовых – шесть печатных работ, в том числе в Материалах научно-методической конференции по итогам 1968 года, сборники которых публиковались ежегодно по специальностям. Я выступил с темой: «К постановке проблемы о роли личности школьника в процессе воспитания». Уже в январе 1970 года Ученым Советом Белгородского пединститута был избран на должность доцента, а в 1971 году мне было присвоено ученое звание доцента по кафедре педагогики и психологии.

В октябре 1968 года приступил к семинарским занятиям, которые старался проводить дискуссионно. Аудиторий не всегда хватало. Помню, однажды раздумывать не стал и провел семинар со студентами факультета физвоспитания на строительных бревнах.

В другой раз группе поставили семинар в кабинет биологии. Еще не начались занятия, а скелет человека оказался с папиросой в челюсти, один из студентов пытался поймать рыбку из аквариума, а другой жевал протравленные для посадки семена.

– Ну что же, – сказал я, – накурились, наелись, будем приступать к работе.

Студентов этого факультета отличала непосредственность, что-то идущее из детства, а еще уважительность, готовность выполнить любое поручение. Меня они понимали с полуслова. Уже через две недели после начала занятий студенты вручили мне пригласительный билет на футбол: играли на первенство РСФСР с командой из Орла. Стадион был на том же месте, что и сейчас, заполнен до отказа. Решался вопрос о первом месте в группе. Белгородцы выиграла и, став победителями, завоевали право играть в классе «А» на следующий год. Всем футболистам, в том числе студентам пединститута, было присвоено почетное звание «Мастер спорта», их портреты были напечатаны в «Белгородской правде».

В скором времени в пединституте организовалась группа болельщиков команды «Котлостроитель» (так называлась нынешняя команда «Салют»). Спонсором команды выступил Котлостроительный завод (ныне «Энергомаш») – крупнейшее предприятие не только области, но и всего Черноземья, на нем работало свыше 11 тысяч человек. В состав болельщиков, кроме меня, вошли: декан физико-математического факультета Юрий Константинович Василенко, заведующий кафедрой общей физики Эдвин Гарриевич Петцольд, старший преподаватель кафедры матанализа Анатолий Михайлович Гордеев и старший преподаватель кафедры общей физики Павел Павлович Борзилов. Сиделись мы всегда напротив центральной (северной) трибуны, сбоку, чтобы никто не мешал, и «болели». Несколько позже к нам присоединились Николай Иванович Куриленко, Юрий Никитович Питинов и доцент Федор Кузьмич Кирьянов (участник войны с белофиннами, потерявший обе ноги и награжденный орденом

Боевого Красного Знамени). Но они, в отличие от нашей группы, занимали места на северной трибуне. Мы посещали почти все игры нашей команды, а так как шли на стадион сразу после работы, то покупали там пирожки с так называемым мясом и повидлом. Наши футболисты знали, где мы сидим, и часто приветствовали нас.

Я до недавнего времени продолжал «болеть» за нашу команду «Салют», но в 2013 году она распалась, хотя и играла в футбольной национальной лиге на первенство России. На содержание команды в области не хватило денежных средств. Сейчас создана новая команда «Энергомаш» из молодых местных игроков, в 2014 году она заняла первое место среди непрофессиональных клубов Черноземья и завоевала право представлять наш город в 2015 году во второй лиге первенства России по футболу.

Как-то после семинарских занятий на биолого-химическом факультете в октябре 1968 года зашла студентка Наташа и попросила быть посаженным отцом на ее свадьбе с Владимиром Колпиным. Такой обряд мне был неизвестен, но отказаться я не мог, хотя и не знал, в чем будет состоять моя роль. Однако, со своими обязанностями справился успешно. Появилась новая семья – Колпины. Я и сейчас изредка перезваниваюсь с ними. Дочь Колпиных – доцент кафедры социальных технологий НИИ «БелГУ». Сам Владимир Колпин – талантливый лектор. С ним я довольно часто встречался, когда был председателем городской организации общества «Знание», его всегда ждала полная аудитория.

Рядом с общежитием по ул. Коммунистической располагался областной институт усовершенствования учителей. Мимо него я никак не мог пройти, тем более, что в Воронеже часто был посетителем аналогичного учреждения, да и его работники часто бывали в Новоусманской средней школе. Я зашел в кабинет директора ИУУ, представился. Из-за стола встал крупный мужчина с добрым, улыбающимся лицом. Это был Александр Алексеевич Руденко, заслуженный учитель школы РСФСР.

– Мы Вас очень ждем, на днях начинаются курсы повышения квалификации директоров школ, Вам и карты в руки, – засмеялся Александр Алексеевич, – лучшей кандидатуры не сыскать.

Действительно, через несколько дней начали работу такие курсы. Я с директорами сельских средних школ проработал целую неделю, чувствовал себя, как рыба в воде, понимали мы друг друга с полуслова. Передо мной сидели заинтересованные люди, пытливые умы, родные, близкие по духу люди. Я не только прочитал им лекции школоведческого плана, но и дал целый ряд советов по организации научно-методической работы, исходя из своего опыта директора школы. Вскоре я стал в институте усовершенствования учителей «своим человеком», чувствовал себя там, как дома.

В ноябре 1968 года к нам из Воронежа приехал мой отец, Вячеслав Алексеевич. Я встречал его на вокзале.

– Вот решил посмотреть, как вы живете, а заодно познакомиться с ректором и встретиться с Сергеем Николаевичем Соколовым, – так объяснил отец свой приезд.

С С.Н. Соколовым он был хорошо знаком, тот работал в Воронеже с 1938-го по 1951-ый год, одно время заведовал отделом науки и учебных заведений обкома партии. В 1956 году был направлен на работу директором Старооскольского учительского института (г. Старый Оскол тогда входил в состав Воронежской области). В течение десяти лет он руководил Старооскольским, а затем Белгородским пединститутами. На момент приезда отца С.Н. Соколов работал заведующим кафедрой русского языка и литературы Белгородского *пединститута*, а мой отец заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы Воронежского пединститута, так что им было о чем поговорить. После дружеской встречи Сергей Николаевич познакомил отца с ректором Дмитрием Михайловичем Забродиним. За чашкой чая у них состоялась длительная беседа. Естественно, был затронут и квартирный вопрос, который касался меня. В конце разговора Дмитрий

Михайлович попросил, чтобы отец встретился с коллективом факультета русского языка и литературы:

– Пусть увидят и услышат профессора, доктора филологических наук, пока, к сожалению, у нас таких нет, – закончил он.

Приближался новый, 1969 год. Как-то, в декабре, меня пригласил к себе ректор.

– Сдаются два пятиэтажных дома по ул. Некрасова, и облисполком выделяет нам девять квартир. К сожалению, четырехкомнатных только две, остальные двухкомнатные. Четырехкомнатные решили дать декану биолого-химического факультета А.А. Хижняку и зав. кафедрой политической экономии А.Г. Ковалеву. В марте 1969 года сдается следующий дом, там Вы получите трех- или четырехкомнатную квартиру, только надо немного подождать.

– Нет, – ответил я, – ждать мы не станем, уж очень тяжело с двумя детьми в одной комнате общежития.

– Ну что ж, пусть будет по-вашему, можете брать ордер на двухкомнатную квартиру, ул. Некрасова, дом 32, квартира 35, второй этаж, – подвел итог нашему разговору ректор.

С этой вестью я прибежал в общежитие, и уже через два дня студенты факультета физического воспитания активно грузили наши вещи на грузовую машину. Подъехали к подъезду, и самый высокий студент, Вернигоренко, подхватил дочку Алену и внес в новую квартиру. Мы с ним как-то вспоминали этот день, сейчас он – преподаватель Белгородского университета кооперации, экономики и права. Наконец-то мы получили благоустроенную квартиру, о которой мечтали целых двенадцать лет! Новый, 1969 год встречаем на новом месте!

Выше нас, на третьем этаже, поселилась доцент кафедры анатомии и физиологии человека Евгения Васильевна Хохрякова, участник Великой Отечественной войны. Вместе с ней – мать и сын. Она и сейчас живет в этой квартире, т. е. уже почти сорок пять лет!

В двадцатых числах декабря 1968 года Дмитрий Михайлович Забродин собрал коллектив вуза в аудитории 322 (самой большой по тем временам) и сказал, что Министерство просвещения РСФСР сочло необходимым перевести его в Москву на должность начальника Главного управления вузов (ГУВУЗ). Поэтому он с нами прощается и покидает.

– Ректорат Белгородского пединститута, – продолжил Д.М. Забродин, – рекомендовал партийным органам и Министерству просвещения РСФСР на должность ректора Глухова Николая Даниловича, проректора по учебной и научной работе. Они с нами согласились, осталось дело за приказом.

В те годы ректоры не избирались, а назначались Министерством просвещения РСФСР по согласованию с обкомом партии. Последним ректором, который прибыл к нам по приказу, без выборов, был Лев Николаевич Шапошников, но это было уже в 1986 году.

С января 1969 года мы работали с новым ректором – Николаем Даниловичем Глуховым, 1922 года рождения, участником Великой Отечественной войны, доцентом, кандидатом физико-математических наук. Это был действительно интеллигентный человек, всегда приятный в общении, никогда не повышающий голос, работать рядом с ним было легко. Проректором по учебной работе назначили доцента кафедры истории партии, участника Великой Отечественной войны Сергея Ивановича Васильцова. Добрый по своей сути он мог «взорваться» по совсем незначительному поводу – настоящий холерик.

С 1969 года ввели должность проректора по научной работе. Им стал доцент кафедры политэкономии Евгений Иванович Лукашенко, прямая противоположность Васильцову. Всегда спокойный, тактичный, эрудированный, он пользовался уважением среди преподавателей и студентов.

Проректором по заочному обучению я успел застать Влазнева Василия Алексеевича, участника гражданской войны. В то время ему было около 70 лет и мне он казался глубоким стариком.

С 1944 года он работал во вновь открывшемся Старооскольском учительском институте, с 1957 года – заместителем директора, а затем проректором по заочному обучению. Это был очень вежливый и добродушный человек. У него была потрепанная тетрадь, в которую он карандашиком записывал принятых студентов-заочников. Если кого-то отчисляли, он резинкой вытирал эту фамилию. Если же студент приходил и каялся, давал слово, что впредь будет учиться, то Василий Алексеевич его благожелательно стыдил и вновь вписывал в свой журнал.

В 1969 году на общем собрании преподавателей нам представили нового проректора по заочному обучению – В.Т. Хворостяную, прибывшую к нам откуда-то из руководящих областных структур. Таким образом, 1969 год мы встретили с новым ректором и проректорами.

Второго января я был уже на работе, раньше не было таких длинных каникул, как сейчас. Каникулы были у школьников, и к ним приурочили сессию студентов-заочников. В то время фактически все из них работали учителями и только в редких случаях в других сферах. В настоящее же время, наоборот, среди заочников педагогических специальностей редко встретишь учителя. Спрашиваешь, зачем Вы, работая продавцом, барменом, строителем решили учиться в нашем вузе? Отвечают – просто для престижа нужен диплом.

В то время мне было легко работать с заочниками, так как они не для диплома, а для своей работы в школе познавали педагогику. Теоретических знаний у них явно не хватало.

Приближалась и сессия стационара. У меня в этот период были только зачеты, а экзамены – весной. На биолого-химическом факультете целому ряду студентов зачеты ставились, как говорят, «автоматом» за их активную работу на семинарских и практических занятиях. На факультете физвоспитания такие «автоматы» не получались, так как многие пропускали занятия из-за спортивных соревнований. Поэтому им пришлось подучивать материал пропущенных семинаров, представлять конспекты рекомендованной

литературы. «Автомат» был только один, у Ивана Бойченко, который выступал на каждом семинаре, задавал многочисленные вопросы, хотя и не всегда по существу. Просто молча он не мог усидеть на месте. С ним я часто встречался на протяжении многих лет, сейчас он уже более десяти лет глава администрации Яковлевского района.

На своей кафедре я бывал довольно часто и легко вписался в этот небольшой коллектив. Илья Иосифович Августевич умело руководил коллегами, ему помогали уже немолодые лаборанты – Матрена Матвеевна, Мария Федоровна и Вера Михайловна.

Мною была прочитана открытая лекция на биолого-химическом факультете «Сущность воспитания и его принципы», в которой я пытался изложить и свою авторскую позицию, нашедшую отражение в моей кандидатской диссертации. После лекции состоялось ее обсуждение, в котором приняли участие все члены кафедры. Доцент А.И. Горбунова, отметив положительные стороны лекции, в то же время выразила мнение, что студентам следует давать только тот материал, который изложен в учебнике, то есть устоявшийся и всеми признанный. Однако она оказалась в гордом одиночестве, так как все остальные поддержали мой подход в изложении, потому что это дает студентам пищу для размышлений, доцент Нина Евстафьевна даже сказала мне «спасибо» за лекцию.

Как-то в феврале 1969 года я только подошел к кафедре, а меня уже поджидала лаборант: «Звонила Надежда Васильевна Бардыкова, секретарь ректора, и просила передать, что ректор срочно Вас вызывает». Пошел к ректору, в приемной меня любезно встретила Надежда Васильевна, строгий страж кабинета и без всяких вопросов открыла дверь к Николаю Даниловичу. Ректор, встав из-за стола, поздоровался и пригласил присесть.

– Я посоветовался с проректорами и прошу Вас в этом году быть ответственным секретарем приемной комиссии. Вы человек новый, в городе Вас еще знают мало, и просителей будет меньше.

– Ну что ж, спасибо за доверие, если надо, значит, буду работать, – ответил я.

– Прежде всего, следует подготовиться ко Дню открытых дверей, который проведем на весенних школьных каникулах, об этом переговорим с деканами. Обо всем остальном спросите Ивана Павловича Прокопьева, он был ответственным секретарем в прошлом году.

Постепенно я стал осваиваться не только со своими факультетами, но и со всеми другими: русского языка и литературы (декан Оводенко Владимир Петрович), физико-математическим (декан Василенко Юрий Константинович), иностранных языков (декан Коняева Лидия Ивановна). Вместе с ректором и деканами провел День открытых дверей, подготовил приказ об экзаменационных комиссиях, определил секретарей, которые должны осуществлять прием документов абитуриентов, как на стационар, так и на заочное обучение. Тогда никакого платного обучения не было, поэтому и внебюджетных средств фактически не существовало, разве только за счет нескольких хоздоговорных тем. Министерство определяло количество бюджетных мест, которому мы должны были строго следовать при зачислении. Приемная комиссия находилась в том же помещении, что и сейчас, на первом этаже пединститута.

При зачислении произошел только один сбой. На биолого-химический факультет поступали две абитуриентки с одинаковыми фамилиями и именами. Ту абитуриентку, которая набрала меньше баллов, зачислили, а кто больше – нет. Разразился скандал, в котором приняли участие родители двух сторон и ревущие абитуриентки. Доложил ректору, который позвонил в Москву Дмитрию Михайловичу Забродину, и тот своей телеграммой увеличил количество мест на одну единицу. Инцидент был исчерпан.

И еще. В ходе приемных экзаменов ко мне в кабинет зашел мужчина «кавказской национальности» и стал просить за свою дочь, протягивая мне связку сухих лещей. Я закричал, схватился за

телефон, чтобы вызвать милицию – налицо взятка. Проситель бросил своих лещей и убежал. Я тоже побежал, но к ректору. Дорогу преградила секретарь Надежда Васильевна:

– По какому вопросу? Николай Данилович очень занят.

– У матросов нет вопросов, – ответил я и влетел в кабинет. Действительно, ректор, склонившись над столом, что-то писал.

– Слушай, Евгений Вячеславович, как ты считаешь, как сегодня наша футбольная команда сыграет в Курске? – спросил он меня. – Я вот подсчитываю очки.

– Проиграет, – ответил я, едва переведя дух. Объяснил ему ситуацию и спросил, куда девать этих лещей.

– А где они?

– У меня на столе.

– Неси сюда, у меня пиво холодное, – засмеялся Николай Данилович. Уходя, я извинился перед Надеждой Васильевной, которая во время войны служила старшим краснофлотцем на Балтике. И не просто служила, но и отважно воевала, чему свидетельство несколько боевых правительственных наград.

2-го августа 1969 года Аттестационная конкурсная комиссия подвела итоги. В среднем конкурс составил 3 человека на место: на факультет иностранных языков – 5, на факультет физвоспитания – 4, на факультет русского языка и литературы – 2,8, на биолого-химический – 2,5, на физико-математический – 2. Состоялись конкурсные экзамены и на заочное обучение, где конкурс составил 2 человека на место.

Николай Данилович Глухов поблагодарил конкурсную комиссию, экзаменаторов и технических секретарей за добросовестный труд на этом сложном и кропотливом поприще.

В «Учительской газете» от 26 июля 1969 года появилась статья «К дебюту надо готовить», написанная И.И. Августевичем и мной. В ней мы обосновывали важность подготовки будущего учителя к воспитательной работе в школе и знакомили с системой этой работы в Белгородском пединституте. Для II-го курса всех факультетов стала обязательной непрерывная педагогическая практика. Студенты на весь учебный год закреплялись за классом.

Все свои дела они фиксировали в дневнике, их деятельность отражалась в специальных контрольных книжках студента-практиканта. По итогам своей работы за год студенты получали зачет. На III-ем курсе подготовка будущего учителя к воспитанию продолжалась, но в иной форме. В пятом семестре на всех факультетах проводился практикум по методике воспитательной работы.

На практикуме студенты изучали вопросы планирования воспитательной работы классного руководителя, методику индивидуального воспитания учащихся, методику проведения внеклассных мероприятий. Каждый студент разрабатывал одно-два из них и участвовал в подготовке и проведении. Дальнейшее закрепление методических знаний и практических умений проходило на практике по учебно-воспитательной работе в школе.

После публикации данной статьи из многих пединституты нашей страны стали приходить письма с просьбами принять преподавателей кафедры педагогики для изучения нашего опыта.

А тем временем лето двигалось к закату, отпуска фактически не было, но мне не привыкать, я им мало пользовался, будучи директором школы. В то же время находил время после работы гулять с дочкой Аленой во дворе нашего дома, в этом плане немного помогал детский велосипед. Рядом с нами жила одинокая пенсионерка Мария Петровна Боброва, бывший библиотекарь, поэтому можно было оставлять дочку с ней. Моя жена Ольга Николаевна хотела выйти на работу, да и моя нынешняя зарплата была меньше, чем у директора школы. Однако, устроиться в школу учителем истории не представлялось возможным, хотя меня уже хорошо знали и в гороно, и в облоно, особенно после того, как я побывал ответственным секретарем приемной комиссии.

– Потерпите, будем думать, – вежливо ответил на мою просьбу о трудоустройстве жены Иван Стефанович Соловецкий, заместитель заведующего облоно, который еще недавно руководил городским отделом образования. Впоследствии Иван Стефанович возглавил

областной отдел образования и руководил им многие годы. Он и сейчас в строю – возглавляет областной Союз пенсионеров.

Иван Стефанович предложил мне вести педагогику в вечернее время на одногодичных курсах по подготовке учителей физкультуры для восьмилетних школ. Тогда была острая нехватка учителей этого профиля, особенно в сельской местности. Кстати, и сейчас она есть, так как многие, получив диплом, уходят в другие структуры. Я тогда согласился, тем более, что эти курсы проходили в средней школе № 27, на ул. Некрасова, недалеко от нашего дома.

В коридоре школы у расписания я встретил мужчину лет пятидесяти с наградными колодками. Познакомились:

– Будниченко Александр Семенович, доктор биологических наук, зав. кафедрой зоологии, только что прибыл в пединститут, – отрекомендовался он.

Курсы назывались одиннадцатым классом, в основном там были ребята, демобилизованные из армии, девушек было мало. Они знали, зачем пришли, и мотивация помогала им учиться. Я читал им педагогику, в основном, по тем же программам, что и студентам на втором курсе, проводил семинарско-практические занятия на протяжении всего учебного года. Многих из них я потом встретил среди учителей, которые занимались на заочном отделении факультета физвоспитания, а Юрий Витальевич Коренько стал известным журналистом «Белгородской правды», заслуженным работником культуры РФ.

Глава 10. ВХОЖДЕНИЕ В ПРОРЕКТОРСКИЙ КОРПУС

В конце февраля 1970 года меня пригласил к себе ректор.

– Вы вышли из школы, чувствуете учителя, знаете его. Как организатора мы Вас уже видели в роли ответственного секретаря приемной комиссии, поэтому хотели бы увидеть в должности проректора по заочному обучению.

– А Хворостяная? Она ведь только год работает у нас? – спросил я.

– Хворостяная написала заявление об уходе, – ответил Николай Данилович.

– А как же кафедра педагогики?

– Никуда она от Вас не денется, я говорил с Ильей Иосифовичем, он, конечно, не в восторге, но Вы ведь останетесь штатным совместителем на 0,5 ставки, – заключил ректор.

– Ну что ж, я согласен.

– Вот и хорошо, будем вместе работать, в обкоме партии тоже согласны.

Дома я сообщил новость жене.

– Тебе было скучно, чего-то не хватало, теперь будет весело, – резюмировала она.

В советское время проректоры назначались приказом министра просвещения РСФСР, а потом утверждались на бюро обкома партии. Сейчас ректор сам назначает проректоров своим приказом без всякого согласования с Министерством.

На следующий день я уже ехал в поезде «Белгород – Москва», перечитывая сборник приказов и инструкций по высшей школе. В Министерстве просвещения я сначала встретился с заместителем начальника главка по заочному обучению, потом отправился на прием к начальнику Главного управления высших учебных заведений Дмитрию Михайловичу Забродину. Он встретил меня

очень тепло, как своего земляка, стал расспрашивать о Белгородском пединституте. Нажал кнопку, и нам принесли чай с печеньем. Потом он спустился со мной этажом ниже на собеседование с заместителем министра Н.В. Александровым. Он тоже стал интересоваться нашим пединститутом, кадрами, самим городом Белгородом.

– А я знаком с Вашим отцом, – сказал он в конце беседы, – Вячеслав Алексеевич у нас член учебно-методической комиссии.

Пожелал мне успехов в работе и сказал, чтобы я подождал в отделе кадров, пока на меня сделают приказ. Получив приказ, я решил навестить родственников в Подмоскowie – час езды на электричке. Меня тепло встретили сестра моей жены Валентина и её муж Александр Иванович, заместитель начальника военного госпиталя.

Вспомнили 1964 год, в то время мы жили в поселке Рамонь Воронежской области. Как-то летом к нам заехал молодой человек, высокий, худощавый, оказалось, жених Валентины, которая тогда вместе с моей женой Ольгой работала в Рамонской средней школе. Меня попросили, чтобы я посодействовал регистрации их брака, так как через несколько дней они должны были уезжать по месту работы Саши (после окончания Ленинградского педиатрического института) и ждать целый месяц не могли. Купили стеклянные фужеры, бутылку «Шампанского» и отправились в ЗАГС, которым руководил бывший заведующий общим отделом Березовского райисполкома Старцев (а я до недавнего времени был там заведующим районо). Объяснил причину нашего появления.

– Ну что ж, пойдем навстречу, – сказал Старцев и заполнил бланк регистрации брака.

Гребенникова Валентина Николаевна сразу стала Щукиной. Тут же распили «Шампанское» и без музыки Мендельсона и сирен автомобилей пешком отправились на квартиру. К нашему приходу моя теща Мария Федоровна сварила молодой картошки, вынула из банки малосольные огурцы – что может быть вкуснее! Сосед – учитель биологии Рамонской средней школы Николай Васильевич Буйленко принес бутылку портвейна. Свадьба состоялась!

В 2014 году Щукины будут отмечать 50-летие своего бракосочетания. Александр Иванович – доктор медицинских наук, профессор, полковник медицинской службы в отставке, работает в одной из московских клиник, а Валя, Валентина Николаевна, уже давно на пенсии, занимается своей дачей, а по выходным ждет в гости детей и внуков.

Переночевав у Щукиных, я поехал в Москву, а оттуда – в Белгород.

С 4 марта 1970 года я приступил к обязанностям проректора по заочному обучению. Заочное отделение размещалось на первом этаже и состояло из двух маленьких комнат: приемной, где работали секретарь и методист, и кабинета. Прежде всего, я взялся за делопроизводство, так как оно было в крайне запущенном состоянии. Надо было поднимать приказы и устанавливать подлинное количество студентов-заочников по факультетам, потому что многие из них ходили на занятия, даже не зная, отчислены они или нет. Эту работу я проводил вместе с методистом Таисией Николаевной Ивановой и деканами, а затем стал изучать состав обучаемых студентов. Многие из них работали в малокомплектных сельских школах, как средних, так и восьмилетних.

На первый взгляд, кажется, что подготовка будущих учителей к работе в школе должна быть единой. Естественно, специальные знания, в том числе и психолого-педагогические, формируют систему, которая, в конечном итоге, приводит к получению педагогического образования по соответствующей специальности. Однако, специфические условия педагогической работы вносят свои коррективы. И среди них, прежде всего, малая наполняемость классов, характерная для многих сельских школ. С этим я столкнулся сам, работая в малокомплектной сельской школе. На первый взгляд, может показаться, что трудности в работе учителя появляются там, где классы перегружены учащимися сверх всякой меры, и снижение численности облегчает его труд. Наблюдения и специальное изучение этого вопроса показывают, что сказанное верно только до определенного уровня.

Наиболее комфортные условия педагогической работы складываются там, где численность учащихся в классе 15–20 человек. Об этом говорил и А.С. Макаренко. Снижение этой численности ниже 10 порождает специфические трудности, которые особенно значительны, когда в классе 5–6 школьников. Как я убедился в своей практике, в классах с низкой наполняемостью на учащихся ложится большая психологическая нагрузка, так как при обычной методике школьник на каждом уроке вынужден часто вступать в прямой контакт с учителем, что приводит, в конечном итоге, к умственной утомляемости и невосприимчивости.

Как ни парадоксально, но учащиеся таких школ не отличаются более качественной подготовкой, хотя контроль за ходом их обучения более, чем достаточный. Массовость такого явления характерна и для нашей области, где в настоящее время до трех четвертей всех сельских школ малокомплектные. Поэтому при решении задач подготовки современного учителя мы должны учитывать особенности обучения в сельских школах. Причем это относится не только к заочникам, но и к стационару, то есть нужна вариативная методика.

Свои суждения я изложил на семинаре педагогов, психологов и методистов всех специальностей. В этом плане меня поддержали заведующий кафедрой педагогики и психологии И.И. Августевич и методист-физик, доцент С.А. Хорошавин. Позже, в несколько расширенном виде (до 1 п.л.) мною совместно с И.И. Августевичем была написана статья «Подготовка педагогических кадров к работе в малокомплектной школе».

Накануне назначения меня проректором, 18 февраля 1970 года я, как представитель Белгородского пединститута, впервые отправился на Всероссийскую межвузовскую конференцию «Методы нравственного воспитания школьников», которая проходила на базе Вологодского пединститута. В те годы в педагогической литературе шла острая дискуссия о классификации методов воспитания. На конференции я выступил с докладом «К

вопросу о классификации методов воспитания», в котором изложил свою позицию по этому вопросу¹¹.

В «Педагогике» под ред. Г.И. Щукиной¹² утверждалось, что надо классифицировать методы воспитания на «основные и вспомогательные». По-моему мнению, в процессе воспитания определенные методы применяются в различных сочетаниях, это зависит от многих факторов и, прежде всего, от той конкретной цели, которую мы ставим в воспитательной работе. Поэтому применение «уединенных» средств или методов, пусть даже самых «основных» может не принести желаемого результата и, наоборот, «вспомогательный» метод вкупе с другими может оказаться эффективным.

На основе опытной работы в целом ряде школ мы пришли к выводу, что к проблеме классификации методов следует подходить в несколько ином плане, а именно: не дискутировать и не доказывать, какой из методов наилучший или основной, а сосредоточить внимание на более глубоком и детальном изучении того или иного метода, на их взаимосвязи и взаимозависимости. Ведь не секрет, что подчас главное заключается даже не в самом методе, а в его инструментровке, оказывающей непосредственное влияние на активное отношение школьников к предложенной деятельности и на формирование нравственных мотивов.

По нашему мнению, самое главное – выявить потенциальные возможности методов воспитания во всем их разнообразии и сочетаниях. Изучать – это не значит заниматься описанием методов. Важнее всего раскрыть эффективность каждого из них и сопоставить результаты различных методов при решении одной и той же задачи. Воспитатель, исходя из цели, которую он ставит перед личностью или коллективом, сам решает вопрос, как воздействовать, какое применять сочетание методов, имеющихся у

¹¹ К вопросу о классификации методов воспитания // Вопросы методики нравственного воспитания школьников. – Вологда, 1971. – С. 130-132.

¹² Педагогика / Курс лекций под ред. Г.И. Щукиной. – М., 1967.

него на вооружении, в зависимости от многих факторов и условий, особенностей данной ситуации. Вот где пригодится выделение вариантов каждого метода.

По моему докладу разразилась острая дискуссия. В конечном итоге меня поддержали в своих выступлениях тогда уже достаточно известные педагоги и психологи: А.В. Зосимовский, Л.И. Рувинский, Н.И. Монахов, А.И. Кочетов, П.Е. Равкин. Но главное заключалось в том, что на меня обратили внимание в психолого-педагогической среде, состоялось межличностное общение. На этой конференции я познакомился с Леонидом Изотовичем Рувинским, который выступал с докладом «Проблемы управления нравственным воспитанием» и посоветовал мне взять эту тему на вооружение, как наиболее актуальную и неразработанную.

Наша дружба с Леонидом Изотовичем продолжалась тридцать с лишним лет. Мы вместе с ним проводили научные конференции, готовили материалы сборников. Он неоднократно приезжал в Белгород вместе с сотрудниками своей лаборатории при МГУ, бывал у нас дома, а я у него в Москве. Меня, как своего, приветливо встречали его мать, супруга, дочка Надя, ровесница нашей Лены. Мы всей семьей были у них в гостях, гуляли в парке недалеко от Университета дружбы народов, на проспекте Вернадского, где они жили.

Как-то мы с ректором Н.Д. Глуховым ездили вместе в командировку в Москву. После совещания в Министерстве просвещения РСФСР, а оно затянулось надолго, ректор остался в гостинице, а я поехал переночевать к своему двоюродному брату. Обратные билеты был при мне, с Николаем Даниловичем договорились встретиться вечером следующего дня уже на перроне, перед отходом поезда. Брат жил в доме рядом с автобусной остановкой «Лосиноостровская». Выйдя из метро на станции ВДНХ, я достал записную книжку, чтобы уточнить номер автобуса. Поужинав с братом и его семьей, решил проверить наличие железнодорожных билетов, но нигде их не обнаружил. Лег

спать, но было не до сна, стал анализировать, где я мог их потерять.

Рано утром сел на автобус и отправился к ВДНХ, где я вынимал из кармана записную книжку. Была осень, моросил дождь. Мои билеты плавали в луже у остановки. Я облегченно вздохнул, вспомнил Бога, хотя в него и не верил, и отправился опять к брату. Там я немного отмыл-отчистил билеты от грязи и высушил их утюгом. Когда мы с ректором подошли к вагону, проводница их долго и пристально рассматривала, а потом изрекла: «Видать, хорошо погуляли», но пропустила нас в вагон. Я рассказал Николаю Даниловичу про историю с билетами, он хохотал до слез.

Меня и в школе, и в вузе мучил вопрос: почему нигде не готовят руководителей школ? Ведь в курсе педагогики на школоведческие темы отводится лишь шесть часов. Приступив к работе директора школы после окончания университета, я плохо представлял себе, чем должен заниматься директор. Прочитал устав школы, выучил обязанности руководителя школы и его заместителей, но вначале руководил просто на интуитивном уровне. Причем в малокомплектной школе, в отличие от обычной средней, директору сложнее работать, так как он выступает во всех лицах: и как директор, и как завуч, и как бухгалтер, и как завхоз. Поделился своими размышлениями с И.И. Августевичем.

– Конечно, ты прав, – сказал Илья Иосифович, – но такова программа.

– А что, если организовать факультатив для наиболее способных к этой деятельности студентов? Я готов разработать программу, будем приглашать специалистов, школьных практиков, директоров школ.

– Поговори с Николаем Даниловичем, ты сейчас к нему ближе, а я поддержу, – заключил И.И. Августевич.

С ректором я поговорил, мою идею он одобрил, но посоветовал согласовать этот вопрос с облоно. Решил идти к заведующему Гайдукову Василию Матвеевичу.

– Слышал, слышал, что в пединституте появился мой земляк. Я ведь перед войной, в 1941 году, закончил Воронежский

пединститут и помню Вашего отца, Вячеслава Алексеевича. Получил диплом – и на фронт. После войны был директором средней школы, затем на партийной работе и вот теперь, с 1955 года – заведующий облоно. А сам как попал к нам? – спросил Василий Матвеевич.

– Окончил Воронежский университет, был директором сельских школ, заведовал районо, защитил диссертацию и к Вам, – коротко ответил я.

– Значит, наш, знаешь школьные проблемы и сельского учителя, – заключил В.М. Гайдуков, – а с чем пожаловал?

Я изложил суть дела. Идея подготовки директоров школ его заинтересовала. Он нажал кнопку и попросил секретаря пригласить своего заместителя – Ивана Стефановича Соловецкого. Я раньше уже заходил к нему, и мы встретились, как старые знакомые.

– Вот тоже земляк, – засмеялся Василий Матвеевич, – тоже закончил Воронежский пединститут, только намного позже, так он намного и моложе. Вы с какого года? – спросил он меня.

– Я с 1933.

– Ну а Иван Стефанович с 1931 – почти одногодки. Куда мне, старику, за вами угнаться (В.М. Гайдукову было тогда всего-то 52 года).

Заведующий облоно изложил суть моего предложения.

– Двумя руками «за», – прослушав о подготовке директоров школ, – сказал И.С. Соловецкий.

– Голосования здесь мало, – заметил Василий Матвеевич, – надо помочь Евгению Вячеславовичу с подбором лекторов из числа директоров, на последнюю педпрактику прикрепить к ним студентов. Некоторых из окончивших факультатив по школоведению будем сразу рекомендовать директорами восьмилетних школ, а других зачислять в резерв.

О своем посещении облоно я рассказал И.И. Августевичу и ректору Н.Д. Глухову. Составил программу факультативного курса «Школоведение», рассчитанного на 20 часов, и памятку для студента-практиканта в качестве помощника директора школы. У меня до сих пор сохранился журнал учета занятий по этому курсу.

В нем 34 человека с разных факультетов, но, в основном, физико-математического и биолого-химического. Увидел знакомые фамилии студентов, которые затем работали на руководящих должностях: Александр Белогуров, Юрий Куриленко, Александр Базаров, Людмила Шведова (Королева).

Первый день занятий в ауд. 231 открывал заведующий облоно В.М. Гайдуков, я читал целый ряд лекций, например: «Основные проблемы советской школы на современном этапе», «Научная организация труда руководителя школы», «Научная организация труда учителя школы», «Социалистическое соревнование и его особенности в условиях школы», «Устав средней школы – закон школьной жизни».

По другим темам выступали авторитетные специалисты: «Формы учета и отчетности перед органами народного образования» (Т.Ф. Денисова, зам. начальника областного статуправления); «Правовое положение труда учителя» (А.Н. Бондарев, председатель обкома профсоюза работников просвещения); «Права и обязанности директора школы» (Чаплыгин, директор средней школы № 3); «Права и обязанности зам. директора школы» (П.А. Пузырева, зам. директора средней школы № 9).

Затем состоялась педпрактика при директорах школ, а после этого зачет. Удостоверения о прохождении курса «Школоведение» подписывали ректор пединститута Н.Д. Глухов и заведующий облоно В.М. Гайдуков.

В сентябре 1971 года произошло большое событие – наш провинциальный пединститут посетил министр просвещения РСФСР Л.И. Данилов. Это был интеллигентный и образованный человек, который пользовался большим уважением в педагогической среде (в отличие от современных министров образования). Он не только интересовался нашей материальной базой, но и решил узнать наше мнение о дальнейшем совершенствовании в подготовке педагогических кадров, как у людей прямо «от станка».

В то время по всей стране, как и в Белгородской области, в селах было много малокомплектных восьмилетних и средних школ. Выпускника, получившего образование по одной специальности, не могли в таких школах обеспечить полной нагрузкой, и его приходилось догружать другими предметами. За примером далеко ходить было не надо. Когда мы с женой, два историка, прибыли в 1956 году на работу в Солнце-Дубравскую семилетнюю школу, я все 6 часов истории взял себе, так как был еще и директором школы, а супруга вела 18 часов: немецкий язык, географию, домоводство и пение, то есть что угодно, кроме истории.

Л.И. Данилов собрал проректоров в кабинете ректора. На это совещание был приглашен и заведующий облоно В.М. Гайдуков.

– Не считаете ли вы возможным готовить многопрофильных учителей, увеличив срок обучения студентов до пяти лет? – обратился к нам министр. – Например, русского и немецкого языков, биологии и географии, анатомии и физической культуры.

– Я полностью согласен, – сказал заведующий облоно, – это во многом могло бы закрыть проблему кадрового обеспечения сельских школ.

– Предложение заманчивое, – подхватил ректор, – но все же большая часть выпускников оседает в городах, а не в селах. К тому же, не повредит ли это подготовке по основной специальности?

– А что скажет проректор по заочному обучению? – обратился министр ко мне. – Может, провести такой эксперимент на заочном отделении? Работая у себя в сельской школе, они вряд ли побегут из дома.

– Проблема подготовки кадров не только педагогическая, но и социальная, – ответил я. – Мне самому пришлось работать в малокомплектной школе, и я бы никуда не убежал, хотя человек городской, если бы были соответствующие социально-бытовые условия. Что касается заочного обучения, то учителям-заочникам достаточно освоить хотя бы свою специальность, потому что их знания, даже при нашем старании довольно низкие, по большей

части, только удовлетворительные. А вот на стационаре такой эксперимент вполне возможен.

Позднее на факультете русского языка и литературы была введена дополнительная специальность – немецкий язык, а на историческом факультете, который открылся в 1977 году – английский.

Затем на совещании был затронут вопрос о материально-технической базе пединститута.

– Области нужны историки и учителя начальных классов, – сказал В.М. Гайдуков.

– С новыми факультетами немного подождите, – ответил Л.И. Данилов, – вашей базы хватит только на развитие тех факультетов, которые недавно открыты. Я постараюсь найти возможность, чтобы Белгородскому пединституту через год-два Министерство выделило средства на пристройку к основному зданию.

Затем мы тепло распрощались, и министр просвещения Л.И. Данилов отбыл в сопровождении заведующего облоно В.М. Гайдукова.

А у нас продолжалась наша будничная жизнь. Одним из «больных» мест на заочном отделении оставалось прохождение педагогической практики. Студенты, которые работали в школе по своей специальности, предоставляли справку с места работы, соответствующую характеристику и освобождались от практики. Другая, немалая, категория студентов, обязана была ее проходить. Они предоставляли документы из тех школ, которые сами выбирали для педпрактики, и им она засчитывалась, то есть контроля за прохождением не было. Я провел совещание на эту тему с деканами и методистами, и меня все поддержали. Труднее проходил разговор с главным бухгалтером Александрой Михайловной Оболенской, строгой и щепетильной во всем, что касалось денежных средств, знающей свое дело. В нашей беседе участвовал и ректор Н.Д. Глухов.

– Сметой педпрактика для заочников не предусмотрена, – таков был ее ответ.

– А как же нам планировать ее в индивидуальных планах преподавателей? – спросил я.

– Значит, не следует и планировать, у меня на нее денег нет!

Пришлось мне обращаться к начальнику главка Министерства просвещения РСФСР Д.М. Забродину. В телефонном разговоре Дмитрий Михайлович сказал:

– Вы правы, и правильно сказали, что назрел этот вопрос, но и бухгалтер по-своему права. Постараемся внести коррективы в вашу смету, – пообещал он и добавил. – С Александрой Михайловной я работал, она молодец, каждую копейку считает.

Студентам-заочникам мы объявили, что все, кто не работает учителем по специальности, будут проходить педпрактику в школах с участием прикрепленных методистов, в том числе, и по области. Помню, как мы с профессором Александром Семеновичем Будниченко посещали урок биологии студентки-заочницы в средней школе № 9 г. Белгорода. В коридоре нас приветливо встретила женщина с русыми, но уже с проседью косами вокруг головы и пронзительно голубыми глазами.

– Ольга Пантелеевна Гайдукова, – представилась она, – директор школы.

Она пригласила нас в свой кабинет. Это была супруга заведующего облоно, заслуженный учитель школы РСФСР и кавалер ордена Ленина.

– Вы не станете возражать, если я тоже побуду на уроке, я ведь биолог-химик? – спросила она.

– Будем только рады, – ответил я.

То, что мы такое внимание уделяем педпрактике, сразу стало достоянием всех студентов-заочников, убедило их в том, что педпрактика – одна из важных форм подготовки к учительской деятельности. Вместе с тем, я придерживался того мнения, что необходимо более рационально подходить к комплектованию заочных отделений.

С одной стороны, безо всяких оговорок и примечаний зачислять тех, кто связан с народным образованием, но не в

должности секретарей-машинисток или делопроизводителей, а с другой стороны, делать жесткий отбор среди неработающих в школе. Тогда и не понадобится педпрактика для студентов-заочников. Именно этим руководствовалось Министерство просвещения РСФСР не включая в смету средств на их руководство. Звание учителя школы присваивается тем, кто в ней работает, а не экономисту автобазы, работнику общепита или бармену. Прошло много лет, но и сейчас, правда, на платной основе, принимают всех, кто пожелает получить диплом, иначе нечем пополнять бюджет вуза. Государство с каждым годом урезает бюджетные места, фактически делая обучение в высших учебных заведениях платным.

Как-то зашел в кабинет улыбающийся человек моих лет и протянул зачетную книжку с «хвостовкой». Отрекомендовался – главный инженер областной типографии им. В.И. Ленина. Очень нужный нам человек, так как никакой своей печатной базы у нас тогда не было.

– Мне нужно сдать педагогику, я студент-заочник третьего курса, факультета русского языка и литературы.

– Педагогику читали? – спросил я.

– Просматривал.

Я задал ему несколько основополагающих вопросов по курсу педагогики.

– Извините, я лучше приду в другой раз, – смущенно сказал отвечающий, вытирая пот со лба.

Так у нас состоялось первое знакомство. Дней через десять он вновь постучал в дверь кабинета. Отвечал осознанно, было приятно слушать. В скором времени Виктор Васильевич стал директором типографии, мы с ним подружились и часто, смеясь, вспоминали нашу первую встречу.

В педагогическом институте, который готовил только учителей, педагогика считалась одной из важнейших дисциплин и в ранге предметов шла следом за историей партии. Она читалась на всех факультетах, сопровождалась сдачей курсовых экзаменов и

государственных экзаменов. В зависимости от факультетов и форм обучения, я старался менять методику проведения курсовых экзаменов. На стационаре обычно была форма контроля по билетам. На биолого-химическом факультете студенты показывали высокие знания предмета, в ведомостях стояли только отличные и хорошие оценки. На факультете физического воспитания в зачетках фигурировали, в основном, хорошие и удовлетворительные, срывов было мало, хотя многие студенты часто пропускали занятия из-за спортивных соревнований различного ранга, от областных до всесоюзных.

На заочном отделении было сложнее, особенно с теми, кто не имел отношения к народному образованию. Студенты писали к экзаменам шпаргалки и пытались по ним отвечать. Помню, один студент даже на листочке составил план: где и в каком кармане брюк, пиджака находится ответ на тот или иной билет, а одна девушка, придя в длинной юбке, на ногах выше колен заранее написала чернильным карандашом основные методы воспитания и обучения.

Был случай, когда в очень жаркий день заочник, майор милиции, пришел на экзамен в мундире и с кобурой на поясе. Несколько раз он пытался ее расстегнуть.

– Вы что, в меня стрелять собираетесь? – спросил я.

– Да нет, что Вы, извините, – ответил покрасневший майор, – это мне девчонки в кобуру шпаргалки засунули, а я не знаю, как с ними разобраться!

Поэтому студенты-заочники у меня получали билеты, и с ними сразу, без всякой подготовки, велась беседа. Кстати, я считал и считаю, что курс педагогики должен читаться не только для студентов учительских специальностей, но и во всех вузах, так как педагогика – это наука не только о воспитании детей, но и взрослых. Ведь существует инженерная педагогика, военная педагогика и другие.

В марте 1971 года на имя ректора пединститута Н.Д. Глухова поступило письмо с просьбой командировать меня в МГУ

им. М.В. Ломоносова на симпозиум по проблеме управления процессом воспитания, проходивший в рамках Ломоносовских чтений. Письмо было подписано председателем оргкомитета, профессором Н.Ф. Талызиной. Я не только поехал в МГУ, но и выступил с докладом «Перспектива как средство управления процессами воспитания и самовоспитания»¹³.

Присутствовало на симпозиуме человек тридцать, но чувствовал я себя не очень уютно среди маститых педагогов и психологов, таких как Л.И. Божович, Л.П. Буюева, Л.И. Новикова, П.М. Якобсон, Т.Е. Конникова и др.

В своем выступлении я оперировал опытом работы в сельских школах и подчеркивал, что условием успешного управления процессами воспитания и самовоспитания является выявление определенных потребностей, в связи с этим, постановка соответствующих перспектив и дальнейшее развитие потребностей в целях их наполнения нравственно-ценным содержанием. Мой доклад поддержали Лидия Ивановна Новикова и Леонид Изотович Рувинский, посоветовав и дальше работать в этом направлении.

В 1972 году я был приглашен и на II симпозиум в МГУ «Проблемы управления процессом формирования личности». На нем я выступал с темой «К вопросу управления формированием личности»¹⁴.

На симпозиуме разгорелась бурная дискуссия в связи с различием точек зрения в трактовке отдельных вопросов педагогического управления. Так, ряд расхождений касался границ управляемого и неуправляемого в воспитании, а также взаимоотношений в практике воспитания между наукой, теорией и интуицией воспитателя, его мастерством, непосредственным влиянием его личности. Среди сторонников моих управленческих идей я приобрел много друзей, ставших впоследствии известными

¹³ Проблемы управления процессом воспитания: материалы симпозиума / Под ред. Н.Ф. Талызиной, Л.И. Рувинского. – М: Изд-во МГУ, 1971.

¹⁴ Проблемы управления процессом формирования личности: Материалы II симпозиума / Под ред. А.В. Зосимовского, Л.И. Рувинского. – М: Изд-во МГУ, 1972.

учеными: Д.М. Гришин, А.В. Зосимовский, А.Е. Кондратенков, Ю.А. Косолапов.

В 1972 году была опубликована моя первая монография «Вопросы управления процессом воспитания школьников», в которой был дан анализ основных теоретических концепций советских и зарубежных педагогов и психологов по проблемам, связанным с управлением воспитательным процессом, показывалась роль учителя в практическом решении данной проблемы. Опубликовать было сложно. Монография должна попасть в план издания Министерства просвещения РСФСР. Затем она просматривалась на месте областным «литом» (управлением по охране государственных тайн в печати), то есть цензором, и только после этого могла быть отдана в печать. Начальником Белгородского областного управления был Ким Степанович Зенин, с которым мы быстро нашли общий язык, что способствовало продвижению моей монографии.

В «Учительской газете» от 15 марта 1973 года в рубрике «Размышления над книгой» была напечатана статья «Воспитывать завтрашней радостью», в которой моей монографии давалась высокая оценка. Под статьей стояла подпись: В. Злобина, заслуженный учитель школы РСФСР, Герой Социалистического Труда. Несколько позже в журнале «Советская педагогика» (1974 – № 3) в разделе «Книжная полка» была опубликована статья В. Сластенина и М. Хойхина «Вопросы управления процессом воспитания», в которой моя книга также оценивалась очень положительно. Естественно, из всех уголков страны стали поступать просьбы выслать книгу наложенным платежом, и тираж в тысячу экземпляров дал возможность удовлетворить просьбы многих.

Заведующий кафедрой педагогики и психологии И.И. Августевич внимательно следил за моим бурным продвижением в науке и советовал вплотную заняться докторской диссертацией. Однако, должность проректора по заочному обучению сдерживала мой научный порыв. К тому же, я увлекся

публикациями в газете «Белгородская правда» в рубрике «В помощь лектору и пропагандисту». Одна за другой печатались статьи на целый подвал: «Чем сильно слово», «Педагогику – в пропагандистскую работу», «Основы педагогики – каждому пропагандисту» и т. д. Такой моей прыти не могли не заметить в партийных органах, как-то меня пригласил секретарь горкома КПСС по идеологии И.Я. Ларченко и предложил возглавить городскую организацию общества «Знание», которое в то время было важным центром идеологической работы. Пришлось согласиться. На очередном Пленуме меня избрали председателем Правления Белгородской организации общества «Знание». Ответственный секретарь Правления Вертлиб Яков Григорьевич, участник Великой Отечественной войны, был действительно ответственным человеком и вел всю организационную работу.

– Допечатался, – сказала жена, узнав о таком избрании, – будешь знать, как писать в газету.

– А почему бы и нет? И нам неплохо, и читателям польза, – ответил я.

Тогда автору за статью платили приличный гонорар. Посмотрел тираж газеты того времени – 88 тысяч. Практически все работающие подписывались на нее в обязательном порядке. Тираж «Белгородской правды на 12 ноября 2014 года – 7780 экземпляров, и читают ее, мягко говоря, далеко не все. Может, и справедлива была та обязателька? По крайней мере, все читали «Белгородскую правду».

Как проректор по заочному обучению я часто присутствовал на государственных экзаменах всех факультетов, к тому же студенты должны были сдавать курс педагогики с психологией и методикой преподавания. Следует отметить, что экзамен был довольно сложным, особенно для заочников. Достаточно нервно он проходил на факультете русского языка и литературы. Если учителя достаточно бодро отвечали на вопросы по методике преподавания русского языка, то продавцам и парикмахерам этот предмет давался с большим трудом.

На госэкзамене, кроме председателя государственной экзаменационной (теперь она называется аттестационной) комиссии, присутствовали педагог, психолог и методист. Методику русского языка принимала доцент Александра Абрамовна Яновская. На ответы студентов она бурно реагировала, всплескивала руками, качала головой, возмущалась – студенты терялись и не знали, что отвечать. Приходилось Александру Абрамовну успокаивать. Она была прекрасным методистом, очень хорошо знала свой предмет, но не понимала, почему студенты не могут его усвоить. Заочники часто прибегали ко мне и просили, чтобы я присутствовал на экзамене или, хотя бы, когда комиссия обсуждает их оценки.

Принимая госэкзамены, я пришел к выводу, что на курсовых экзаменах студенты показывали намного лучшие знания, чем на государственных. Видимо, за два-три года они забывали изученный материал, а обзорные лекции (8-10 часов) не давали возможность полностью все вспомнить. Выпускники превосходили второкурсников только в виртуозности попыток списывания или чтения с «бомбы» – ранее подготовленного листа. Отсюда резюме: заменить госэкзамен по педагогике и методике преподавания дипломной работой. Причем, чтобы она была написана на основе конкретного опыта, обобщения, педпрактики, то есть представляла собой настоящую исследовательскую работу (с выделением на ее написание определенного времени в учебном плане). Тогда будущие учителя действительно приобретали бы навыки исследования, могли сами участвовать в научном поиске, обобщать свой опыт.

Меня волновал и другой вопрос – о председателях государственных экзаменационных комиссий. В целях более объективного приема госэкзаменов председатели ГЭК подбирались из числа лиц, не работающих в этом институте. Тем самым мы сами себе создавали трудности, а затем затрачивали ненужную энергию на их преодоление. Начинались поиски председателей ГЭК, как

правило, из других вузов, и люди в учебное время на целый месяц отрывались от основной работы, оплата за их труд производилась из почасового фонда.

Опыт показал, что в том, председатель ГЭК свой или со стороны, разница есть, но только в пользу первого. Председатель со стороны прибывает в первый день, а потом отбывает, так как у него в своем вузе учебные часы. А потом еще раз прибывает, чтобы расписаться в дипломах. И всем, вроде бы, хорошо. Поэтому в плане упрощения данной процедуры желательно предоставлять право ректору или совету института рекомендовать в качестве председателей ГЭК работников своего вуза, как это было раньше.

Свои предложения я озвучил Д.М. Забродину при последующем посещении им нашего пединститута.

– Предложения Ваши заманчивы и справедливы, – сказал наш бывший ректор, – но не все от нас зависит, будем думать.

К настоящему времени первое предложение решено наполовину, а второе так и осталось без ответа. Все студенты пишут дипломные работы по специальности, по педагогике с методикой редко, а в основном, сдают госэкзамены по билетам, как и раньше.

В 1972 году меня позвал к себе ректор Н.Д. Глухов и сообщил, что пединституту выделили четырехкомнатную квартиру из вторичного фонда на улице Некрасова, еще ближе к институту, но «хрущевка». Тогда вообще жилые помещения строили по единому проекту, быстро, чтобы удовлетворить население в жилье. И все говорили только «спасибо», хотя квартиры были малогабаритными.

– Надо срочно провести профком, председателю я скажу, – не дожидаясь моего ответа закончил ректор.

Через два дня я уже был в райисполкоме и получал ордер. С радостью сообщил жене и детям такую новость. Быстро своими силами сделали небольшой ремонт и переехали с улицы Некрасова, 32 на Некрасова, 26, где и прожили 26 лет.

Произошли изменения и в руководстве пединститута.

Проректор по учебной работе Сергей Иванович Васильцов стал заведовать кафедрой истории КПСС, а на его место был назначен кандидат педагогических наук, доцент Валерий Александрович Пятин. Видимо, Министерство решило влить живую струю в жизнь коллектива пединститута – до этого В.А. Пятин работал в Челябинском пединституте. У нас он проявил себя энергичным и коммуникабельным управленцем. Я с ним часто соприкасался и как проректор по заочному обучению, и позже, будучи заведующим кафедрой педагогики и психологии, тем более, что как преподаватели мы работали на одной кафедре. У нас были дружеские и деловые отношения, однако я всегда оставался противником приглашения на руководящие должности со стороны.

Ректор раз в неделю созывал проректоров на оперативные совещания на час-полтора, а так называемые ректораты с руководителями всех служб проводились два раза в месяц, ежемесячно – Ученые Советы.

На биолого-химическом факультете заочно получала второе образование жена первого секретаря обкома КПСС Маргарита Васильевна Трунова. До этого она вместе с мужем Михаилом Петровичем окончила Тимирязевскую сельскохозяйственную академию и тогда работала преподавателем Белгородского медицинского училища.

Михаил Петрович Трунов был первым секретарем обкома КПСС с 1971 по 1983 год и много сделал для Белгородской области, принимал активное участие в становлении школ-комплексов. Как-то уже поздно вечером выхожу я из пединститута, а на пороге стоит Михаил Петрович. Поздоровались.

– Да вот стою, думаю, как побыстрее сделать вам пристройку. Маргарита Васильевна мне уже все уши прожужжала.

Первый секретарь был один и без машины. Он предложил мне прогуляться, а заодно обсудить насущные проблемы института. По дороге с ним часто здоровались прохожие. Разговаривая, мы незаметно дошли до центрального рынка, который только недавно был построен.

– Вон, видишь петуха на самом верху? Это моя идея, – засмеялся Михаил Петрович.

Маргарита Васильевна аккуратно посещала лекции, в том числе и мои по педагогике. Обычно она приезжала на машине, но метров за двести до института отпускала ее и шла пешком. Сдавала у меня и экзамены, довольно вразумительно отвечала на вопросы билета. В зачетку я поставил ей «хорошо». А после госэкзаменов студенты-заочники: пригласили меня и мою жену, Ольгу Николаевну (тогда она работала учителем истории в средней школе № 2), в ресторан «Центральный». Мы сидели за одним столом с Маргаритой Васильевной и Михаилом Петровичем. Танцевать я не умел, а Маргарита Васильевна меня пригласила, как тут откажешь? Она меня приободряла: сучи ногами, сучи ногами! Вскоре облоно назначил ее общественным инспектором, и мы с ней неоднократно посещали сельские школы, в том числе, школы-комплексы.

Кроме зимней и летней сессий у студентов-заочников были еще и промежуточные – для сдачи экзаменов и зачетов, которые планировались на целый год. Проводились они как в Белгороде, так и в консультационных пунктах в Валуйках и Старом Осколе при педучилищах. Студенты, исходя из местожительства, выбирали один из этих консультпунктов. Легковых машин у преподавателей тогда не было, и добирались они в эти города на автобусах: до Старого Оскола – 4 часа, а до Валоек – целых 7. Ездили они по графику со всех кафедр на два-три дня, ночевали в гостиницах. Эта работа входила в их учебную нагрузку. Несколько раз я тоже был в Валуйках и Старом Осколе и не только для приема экзаменов и зачетов, но и с целью организации работы консультпунктов.

В день празднования Дня Советской Армии 23 февраля 1971 года преподаватель Тамара Александровна Оксак от имени женщин кафедры педагогики и психологии подарила мне комнатный термометр с закрепленной на нем яркой фигуркой эскимоса. На обратной стороне дощечки с термометром были такие стихи:

«Мы всегда за консультпункты на заочном отделении.

Не считая лиха фунты, мчимся вдаль без промедленья.

Но в метели и заносы – пусть Вам ездят эскимосы!»

Этот подарок служит мне до сих пор, а Тамара Александровна и сейчас работает доцентом БелГУ только на другой кафедре.

В 1973 году я подготовил вторую монографию «Теория управления процессом нравственного воспитания», включил ее в план издания на 1974 год. Будучи в Москве, познакомил с рукописью заместителя начальника Главного управления вузов Виталия Александровича Сластенина. Он просмотрел ее за день и одобрил. С тех пор мы с ним подружились, он тоже был педагогом, готовил докторскую диссертацию на тему «Формирование личности учителя советской школы в процессе его профессиональной подготовки». Автореферат его диссертации с дарственной надписью сохранился у меня до настоящего времени. Впоследствии Виталий Александрович Сластенин стал известным ученым, доктором педагогических наук, профессором, академиком Российской Академии образования. Под его редакцией вышел ряд учебных пособий по педагогике, по ним и сейчас учатся студенты. Он много раз участвовал в научных конференциях на базе Белгородского пединститута, университета, руководил нашими аспирантами.

В 2000 году был опубликован главный труд Виталия Александровича «Сластенин»¹⁵. Его учеником и соавтором многих книг является доктор педагогических наук, профессор Илья Федорович Исаев, который свыше двадцати лет руководил кафедрой педагогики БелГУ. Умер В.А. Сластенин в 2010 году, не дожив до своего 80-летия несколько дней.

Издание моей монографии несколько затянулось. Дело в том, что к середине 1973 года сильно заболел отец. Весной он засобиравшись в Москву на заседание учебно-методической комиссии Министерства просвещения РСФСР. Я пытался его остановить, но безуспешно. В дороге он простудился, что дало толчок его заболеванию. В июне я с семилетней дочкой прилетел в Воронеж. Отец крепился, сходил с ней в пединститут, затем прочитал обзорную лекцию студентам, для него она оказалась последней. К

¹⁵ Сластенин. – М.: Изд. дом «Магистр-пресс», 2000. – 488 с.

осени он уже с большим трудом передвигался по квартире, потом совсем слег, затем отнялась речь. Он вопросительно смотрел своими большими карими глазами, но сказать ничего не мог. Умер отец 4 февраля 1974 года в возрасте семидесяти лет. Врачи только разводили руками: «Ну что вы хотите? Рак горла и легких в последней стадии». Вся беда была в том, что он очень много курил всю жизнь и почти до последнего времени, и никакие уговоры на него не действовали. Говорят, дети подражают родителям, но я за всю свою жизнь ни разу не брал в рот сигарету, даже ради любопытства.

Монографию я решил посвятить памяти отца, но сделать это оказалось не так-то просто. Пришлось несколько раз ездить в Курский пединститут и отстаивать свою правоту. Проректор по науке Курского пединститута, который должен был подписать мою монографию в печать, доказывал, ссылаясь на какие-то инструкции, что посвящения возможны только к художественным произведениям. Но в конце концов я ему надоел, и он, пожав руку, поставил печать и свою подпись.

На первом листе монографии «Теория управления процессом нравственного воспитания» (Курск, 1974) напечатано: «Памяти отца Тонкова Вячеслава Алексеевича, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР». Несколько позже на данную монографию были опубликованы положительные отзывы: А. Зосимовского в журнале «Советская педагогика», В. Косолапова и М. Смирнова в журнале «Народное образование», Л. Рувинского в «Учительской газете».

Глава 11. РУКОВОДСТВО КАФЕДРОЙ

В июне 1974 года ректор Н.Д. Глухов пригласил к себе проректора по учебной работе В.А. Пятин, проректора по научной работе Е.И. Лукашенко и меня. Надо было решить, кто заменит И.И. Августевича на должности заведующего кафедрой педагогики и психологии, так как 30 августа у него заканчивался срок пребывания в данной должности. В те годы заведовать кафедрой разрешалось не более десяти лет независимо от того, как ты работал. В.А. Пятин посмотрел на меня и сказал: «Лучшей кандидатуры быть не может». Е.И. Лукашенко его поддержал, отметив мою склонность к научной деятельности.

– А Вы-то сами как? – спросил меня ректор.

– Я согласен.

– А кто будет управлять заочным отделением? – продолжил Николай Данилович.

– Я бы посоветовал Александра Андреевича Сиротина, его можно рекомендовать на мое место, – ответил я.

– Ну что ж, буду согласовывать с обкомом партии, – закончил ректор.

На следующий день в пединститут прибыл инструктор отдела науки и учебных заведений Юрий Семенович Ельцов, побеседовали, и вопрос был решен. Я подал заявление на замещение должности заведующего кафедрой педагогики и психологии.

В июне 1974 года состоялось заседание кафедры, на котором я был рекомендован на должность заведующего. Первым выступил проректор по учебной работе В.А. Пятин, который выразил мнение ректората и свое собственное. Его поддержал И.И. Августевич, акцентируя внимание на моих успехах в научной работе. В ответном слове я поблагодарил всех присутствующих за поддержку моей кандидатуры и обратил внимание на необходимость общей

систематизации и интеграции научно-исследовательской деятельности, что будет способствовать ее эффективности.

В том же месяце Ученый Совет пединститута единогласно избрал меня на должность заведующего кафедрой педагогики и психологии. В сентябре на очередном заседании кафедры была создана научно-исследовательская лаборатория и определена коллективная проблема поиска, которой я уже несколько лет занимался вплотную: «Управление процессом нравственного формирования личности школьников». Теперь я мог подключать к разрабатываемой мной проблеме широкий круг педагогов и психологов.

К тому времени ректор Николай Данилович Глухов подал заявление об уходе с должности и перешел доцентом на кафедру теоретической физики. По инициативе партийных органов ректором Белгородского государственного педагогического института был назначен Петр Григорьевич Коняев, участник Великой Отечественной войны. Он работал на кафедре общей физики еще в Старооскольском учительском институте, с 1961 по 1968 год – инструктором науки и школ Белгородского обкома КПСС. В 1968 году закончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве, там же защитил кандидатскую диссертацию по философии, после чего стал работать старшим преподавателем, а затем доцентом кафедры философии. В 1972-1974 годах – секретарь партбюро института. Приход П.Г. Коняева на должность ректора как раз совпал с началом моей деятельности как заведующего кафедрой.

В октябре 1974 года по плану работы кафедры всем ее составом мы отправились на институтском автобусе в Велико-Михайловскую среднюю школу Новооскольского района для оказания методической помощи. Посетили музей Первой конной армии М.С. Буденного, затем директор школы В.Е. Скубанович показал нам учебные кабинеты, кратко рассказал об истории школы. Приветливо встретили преподавателей наши бывшие студенты, а теперь уже учителя школы. После уроков в актовом зале собрался

педагогический коллектив. Я познакомил присутствующих с темой нашего исследования, которая была созвучна той, над которой работала школа. Состоялся заинтересованный разговор. Вкусным был и обед, особенно молочная продукция Велико-Михайловского завода.

На прощание ученики вручили нам сувениры: прозрачные пластиковые коробочки внутри которых находились красные пластмассовые тачанки – символ Гражданской войны, эти поделки дети мастерили сами. Через некоторое время мы опять всей кафедрой совершили выезд, теперь в Яблоновскую среднюю школу Корочанского района. Тогда директором школы была А.А. Басаргина, которая являлась одним из инициаторов создания территориального организационно-методического объединения школ (ТОМОШ). Коллективы четырех малокомплектных восьмилетних школ, учащиеся которых после окончания продолжали обучение в Яблоновской средней школе регулярно участвовали во многих ее мероприятиях:

- в проведении семинаров директоров, завучей, классных руководителей по актуальным проблемам учебно-воспитательного процесса;

- в работе методических объединений учителей-предметников;

- в обсуждении на объединенных заседаниях педагогического совета проблем, отражающих специфику обучения и воспитания в малокомплектных школах;

- во внеклассной работе с учащимися Яблоновской средней школы и четырех восьмилетних школ (конкурсах, викторинах, олимпиадах, концертах художественной самодеятельности);

- в проведении в школах различных смотров (учебных кабинетов, пришкольных участков, спортивных площадок);

- в организации теоретических семинаров с участием всех учителей объединения;

- в проведении различных типов уроков с участием в них учащихся параллельных классов нескольких школ.

Всему этому немало способствовал школьный автобус, который подвозил всех участников к месту проведения того или иного мероприятия.

Прежде всего мы решили посетить урок русского языка 5-х классов всех школ, входящих в ТОМОШ, а затем принять участие в теоретическом семинаре. На уроке все ученики активно участвовали в работе, каждый старался не подвести свою школу. Затем был задан вопрос:

– Кто приведет пример простого распространенного предложения?

Ученик быстро поднял руку:

– Кобель бежит по дороге.

Учительница несколько смутилась:

– А другой пример сможешь привести?

– А разве этот неправильный? Мамка папку часто кобелем называет. И наш пес Полкан тоже кобель, а не сучка.

В классе – взрыв хохота, смеялись и мы, и учительница. Сошлись на том, что «Полкан бежит по дороге».

Уже в 1974 году нашей кафедрой совместно с отделом нравственного и эстетического воспитания Московского государственного университета был проведен симпозиум «Проблемы управления процессом формирования личности» и опубликован соответствующий сборник материалов.¹⁶

Наряду с учеными МГУ и кафедры педагогики и психологии Белгородского пединститута в дискуссиях по данной проблеме выступили известные педагоги и психологи: Б.Т. Лихачев, Л.П. Буева, П.М. Якобсон, А.В. Зосимовский и др. Примечателен тот факт, что к данной проблеме подключились фактически все ведущие преподаватели кафедры: И.И. Августевич, В.А. Пятин, В.К. Иванова, Р.И. Питателева, Н.Е. Анкудинова, И.П. Прокопьев. Их доклады нашли свое отражение в сборнике.

Большой интерес на симпозиуме вызвали выступления: И.И. Августевича «Некоторые тенденции развития предмета

¹⁶ Проблемы управления процессом формирования личности: Материалы симпозиума. /Под ред. Л.И. Рувинского, Е.В. Тонкова. – Курск, 1974.

современной педагогики и вопросы управления процессом воспитания»; В.А. Пятина «Модель определения педагогической цели»; И.П. Прокопьева «Управление процессом воспитания и проблема отрицательных факторов». У меня с Л.И. Рувинским был совместный доклад: «Проблемы управления процессом формирования личности на современном этапе».

В 1975 году с коллективом нашей кафедры встретился член-корреспондент АПН СССР С.Е. Матушкин, который познакомился с работой нашей кафедры и поддержал нас в коллективном исследовании темы. Большим спросом у классных руководителей пользовался сборник практических материалов «Управление и руководство воспитательной работой в школе».¹⁷

Названия статей говорили сами за себя, например: «Работа классного руководителя с родителями учащихся» (М.В. Селезнева), «Классные родительские собрания» (Е.Н. Боровикова), «Читательские и зрительские конференции» (А.И. Горбунова) и др. Представил свои материалы и директор Велико-Михайловской средней школы В.С. Скубанович: «Классный час в системе воспитательной работы». Тираж в 1000 экземпляров быстро разошелся по всем школам.

Но, как говорится, недолго музыка играла. В октябре 1975 года проректор по учебной работе Валерий Александрович Пятин был назначен ректором Астраханского пединститута. Он простился с нами и вместе с семьей отбыл к месту назначения. Так как его должность оказалась вакантной, то в коллективе стали судить-рядить, кто же станет проректором по учебной работе?

Ко мне на кафедру зашел Петр Васильевич Полетаев, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой анатомии и физиологии. К нам он прибыл в 1971 году из Гомельского университета вместе с молодой женой, ассистентом той же кафедры Еленой Андреевной Липуновой. Хотя Петр Васильевич был старше меня на 19 лет, мы быстро нашли общий язык и даже подружились

¹⁷ Управление и руководство воспитательной работой в школе. – Курск, 1975.

– Я поговорил с целым рядом наших коллег, и все мы пришли к выводу, что Вы – единственная кандидатура на должность проректора по учебной работе. Свое мнение мы высказали ректору П.Г. Коняеву.

– Напрасно вы это сделали, даже не посоветовавшись со мной. Для меня кафедра – это мое место, я чувствую себя здесь полезным и нужным, – с раздражением ответил я.

– Извини, мы хотели сделать как лучше для института, а то опять пришлют какого-нибудь «варяга», – оправдывался Петр Васильевич.

На следующий день меня пригласил Петр Григорьевич:

– Евгений Вячеславович, мнение наших ведущих ученых, а также парткома института – рекомендовать Вас на должность проректора по учебной работе. Вы согласны?

– Если честно, особого желания не испытываю, – ответил я. – Прошел только год с небольшим, как меня избрали заведующим кафедрой, коллектив включился в исследование интересной проблемы, я должен им руководить.

– А я-то уже согласовал Вашу кандидатуру с обкомом партии, – несколько смущенно проговорил ректор. – Давайте еще подумаем, утро вечера мудренее.

Дома я еще посоветовался с женой, она не очень приветствовала такой поворот событий. А утром меня пригласил к себе заведующий отделом науки и учебных заведений обкома КПСС Евгений Петрович Сакулин. Худощавый, вежливый, но с пронзительными глазами, не терпящий возражений – таким он мне запомнился.

– Вам партия доверяет важный участок работы. Вы должны гордиться этим и оправдать это доверие, – сказал, как отрезал, Е.П. Сакулин.

– А кафедра педагогики и психологии, ведущая в вузе – разве не важный участок? – пытался возразить я. – В крайнем случае, хотелось бы оставить за собой кафедру, будучи проректором.

– Этот вопрос решайте в Министерстве, – сказал Е.П. Сакулин, дав понять, что вопрос решен, и разговор закончен.

О состоявшейся беседе я доложил ректору П.Г. Коняеву, взял командировку и отправился в Москву. В Министерстве просвещения РСФСР я зашел к заместителю начальника Главка Виталию Александровичу Сластенину (Д.М. Забродин был в отпуске) и рассказал о сложившейся ситуации.

– Ты особо не возникай, – посоветовал он, – а то и кафедры лишишься и проректором не станешь.

Зашли вместе к заместителю министра просвещения РСФСР Н.В. Александрову. Я у него был около пяти лет назад при назначении на должность проректора по заочному обучению.

– В гору идешь, – засмеялся он. – Поздравляю!

– Да я бы хотел кафедру за собой оставить, она к науке ближе.

– Ну что ж, можно и оставить, только, смотри, не надорвись. Я сейчас Коняеву позвоню.

Тут же по телефону переговорил с Петром Григорьевичем и сказал В.А. Сластенину, чтобы готовил соответствующий приказ. Пока Виталий Александрович писал приказ, я сбегал в ближайший магазин, и мы символически отметили мое назначение.

Прошелся по Москве, так как до поезда было еще шесть часов. Зашел в ГУМ, там большая очередь – дают импортные женские плащи. Простояв два часа в женском коллективе, купил Ольге плащ. Просил зеленого цвета, 46-го размера. Однако, когда дома развернули пакет со столь дефицитной по тем временам покупкой, плащ оказался голубым. Ольге, брюнетке, цвет казался не очень подходящим, но делать нечего – пришлось носить. Естественно, купил и апельсины, которые ждала дочь. Все тогда везли их из Москвы.

Глава 12. ПРОРЕКТОР ПО УЧЕБНОЙ РАБОТЕ

В ноябре 1975 года я приступил к своим новым обязанностям, оставив за собой и кафедру. Некоторые мои коллеги не ожидали такого поворота, сами хотели кафедрой порулить. «Мало Тонкову одной должности, решил в двух креслах усидеть», – шептались некоторые в кулуарах.

Зарплату я получал за одну должность, только то, что было положено по смете, да и была она тогда не столь высока, как сейчас.

Многие спрашивали: «Почему Вы не покупаете себе автомашину?». «Да все никак цвет не подберу», – отшучивался я. Жили мы от зарплаты до зарплаты, безо всяких излишеств.

На первом после моего назначения Ученом совете я предложил создать в пединституте пять проблемных советов, что способствовало бы интеграции вузовской науки и развитию научно-исследовательской и научно-методической работы. Такие проблемные советы были утверждены. Один из них – «Управление процессом воспитания и активизация познавательной деятельности учащихся» – возглавил я сам, как заведующий кафедрой педагогики и психологии.

Поговорив с ректором П.Г. Коняевым о необходимости контроля за чтением лекций и приемом экзаменов преподавателями, решили, что сами будем посещать их учебные занятия. Еженедельно посещая две-три лекции, я выяснил, что ряд преподавателей увлекается рассказами о своей жизнедеятельности, забывая о программном материале. Некоторые, сидя за столом, диктуют лекционный материал, не отрывая взгляд от конспекта. Если в школе, прежде чем посетить урок, я за день-два предупреждал учителя и даже проговаривал с ним его проведение, то в вузе я приходил на лекции безо всякого предупреждения.

Слух о посещении занятий членами ректората распространился среди преподавателей очень быстро, и они стали

серьезнее относиться к подготовке. Как-то я решил посетить экзамен, который принимал один из доцентов (не буду называть фамилию). Экзамен начинался в 8.30, и я подошел к 9.30, считая, что к этому времени студенты уже подготовятся и начнут отвечать. Однако, в аудитории не оказалось ни преподавателя, ни студентов. Пригласил декана, разыскали доцента. Оказалось, что вся группа в двадцать пять человек уже получила оценки, о чем свидетельствовала экзаменационная ведомость.

«Я студентов в процессе семинарских занятий изучил. Зачем зря убивать время?» – оправдывался доцент-новатор.

Естественно, можно нескольких человек поощрить, но нельзя же экзамен превращать в фарс. Другой доцент пошел еще дальше. Проведя консультацию по теории физического воспитания у студентов-заочников, объявил: «Кто согласен получить тройку – давайте зачетки, а кто считает свои знания выше удовлетворительных – приходите завтра на экзамен». Редко кто из студентов-заочников рискнет попытаться получить более высокую оценку. Заведующим кафедрами за низкий контроль за работой своих подопечных было поставлено на вид, а данным преподавателям объявили выговор. Один из них давно уже на пенсии, а другой до сих пор продолжает «сеять разумное, доброе, вечное» в университете.

К концу 1975 года была закончена первая пристройка к пединституту, о которой мы говорили с министром просвещения РСФСР Л.И. Даниловым еще в 1971 году. Работать стало просторнее. В новое помещение были переведены факультет русского языка и литературы и факультет иностранных языков, расширил свои границы физико-математический факультет. Продолжалось строительство пристройки № 2 с выходом на ул. Б. Хмельницкого. Встал вопрос о подготовке к открытию факультета педагогики и методики начального обучения.

Также в конце 1975 года на базе Белгородского пединститута было проведено Всероссийское совещание по организации педагогической практики в педвузах. Это явилось свидетельством

признания системы ее проведения в нашем вузе, признания ее как важной формы подготовки студентов к работе в школе. Свои материалы по педпрактике представил и зав. кафедрой педагогики Ростовского-на-Дону педагогического института Юрий Константинович Бабанский, в будущем – вице-президент Академии педагогических наук СССР. Именно в Белгороде, на этом совещании у меня состоялась с ним первая встреча, которая переросла в научное сотрудничество, так как он тоже был сторонником управленческих идей в воспитании и обучении.

Очередное заседание Ученого совета пединститута было посвящено проблеме психолого-педагогической ориентации студентов на работу в сельской школе. Обычно мы акцентировались на поступлении в пединститут молодежи из сельской местности, полагая, что после окончания вуза они с удовольствием устремятся в свои пенаты. Поэтому уделяли большое внимание целевому набору абитуриентов из сельских школ. Список «целевиков» утверждался областным отделом народного образования. Однако, как показала практика, проучившись 4-5 лет в городских условиях, новоиспеченные сельские учителя в большинстве своем вовсе не горели желанием возвращаться к себе домой учить ребятишек. Им понравилось жить в городе, и они старались найти возможности и пути, чтобы закрепиться в Белгороде или других городах области. А выпускники, имеющие постоянную прописку в городе, тем более имели весомые аргументы против работы в сельской глубинке.

Поэтому наши патриотические призывы ни к каким положительным сдвигам не приводили. Профессиональная подготовка нами обеспечивалась, но ориентация на работу в сельской школе не срабатывала. Комиссии по распределению выпускников, в которую входили представители и облоно, и облпрофсоюза работников просвещения, студенты задавали вопросы: дадут ли квартиру, каковы социальные условия, насколько близко культурные центры – ответы часто были

неутешительными. Мы совместно с облоно неоднократно обращались в обком партии с предложениями о создании социально-бытовых условий для проживания учителей в сельской местности. На Ученом совете пединститута был разработан целый ряд мер, которые, начиная с первого курса, в конечном итоге смогли бы сформировать у выпускников потребность к работе в сельской школе.

Решили целый год считать их учителями-стажерами с закреплением за каждым куратора. Разработали памятку куратора и формы его отчетности за проделанную работу в учебном году. Одной песни «Комсомольцы-добровольцы» для патриотического воспитания явно не хватало. Я неоднократно выступал перед студентами, рассказывал, что я отлично учился в вузе, окончил Воронежский университет, меня оставляли в аспирантуре, но я, городской житель, сам захотел вместе с женой поехать в глубинку, в малокомплектную семилетнюю школу, где не было электричества, где печь топили торфом, а хлеб привозили раз в неделю. Не надо искать культурные центры, мы сами должны нести в село культуру! Однако блеска и энтузиазма в глазах студентов я почему-то не видел, так же, как и желания следовать моему примеру.

В начале января 1976 года на кафедру педагогики и психологии поступило письмо от председателя комиссии по проверке журнала «Советская педагогика» – известного ученого, доктора педагогических наук, члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР, профессора Галины Ивановны Щукиной, которая просила дать справку-рецензию на статьи раздела «Вопросы обучения и воспитания» за 1972 год. Естественно, для нас это было престижно, значит нашу кафедру знали в Ленинградском госпединституте им. А.И. Герцена, где работала Г.И. Щукина, считались с нашим мнением. Я собрал кафедру, разъяснил суть дела, распределил на каждого дипломированного педагога по два номера (журнал был

ежемесячным), обозначил десятидневный срок для подготовки справки. В то время все члены кафедры – педагоги выписывали журнал «Советская педагогика», а психологи – журнал «Вопросы психологии». В установленный срок я собрал все отзывы, привел в соответствующий вид и зачитал на кафедре общую справку. Всего за 1972 год по данным вопросам было опубликовано 54 статьи (23 – по проблемам воспитания и 31 – по проблемам обучения).

Нами было отмечено, что, как правило, все статьи носят теоретический характер, в меньшей мере – экспериментальный и обобщающий опыт. Подбор материалов оставляет желать лучшего, так как содержание представленных статей не дает общей картины состояния проблем обучения и воспитания на современном этапе. В то же время мы выделили среди представленных исследований работы, которые отличались проблемной постановкой вопросов, глубиной научного поиска, а именно: «Об изучении причин неуспеваемости школьников» – № 1 (Ю.К. Бабанский), «К вопросу о неравномерности развития учебных возможностей школьников» – № 11 (Ю.К. Бабанский), «Проблемы методики исследования процесса идейно-политического воспитания школьников» – № 11 (И.С. Марьенко), «Проблемы доказательности в моральном просвещении старшеклассников» – № 8 (А.В. Зосимовский), «Факторы, определяющие выбор и характер использования методов нравственного воспитания» – № 9 (В.А. Каспина), «Сущности и уровни развития потребности в труде у школьников» – № 2 (Ю.В. Шилов).

В справке были даны общие предложения и выводы. В том числе:

- чтобы все теоретические статьи обязательно имели и практический выход;
- чтобы журнал на своих страницах периодически организовывал научные дискуссии по злободневным вопросам теории обучения и воспитания;

- чтобы журнал своевременно откликался на поиски в современной практике обучения и воспитания, в том числе, дал на своих страницах развернутый анализ опыта донецкого учителя математики Шаталова или анализ опыта по созданию классов выравнивания.

В итоге такого анализа желательны общие научные выводы, применимость которых могла бы иметь место в воспитании и обучении в целом. В то же время подчеркивалось, что современное направление журнала «Советская педагогика» представляется целесообразным. При наличии ряда других журналов с большим практическим уклоном («Народное образование», «Воспитание школьников») должен иметь место журнал, где ведется систематический и целенаправленный показ современных поисков и достижений педагогической теории. В конце справки значилось: «Справка обсуждена и одобрена на заседании кафедры 31 января 1976 года». В справке 10 страниц, и ее копия до сих пор хранится у меня.

Через некоторое время мне позвонила Г.И. Щукина, поблагодарила за присланный отзыв, отметила его объективность и профессионализм и сказала, что свою благодарность за проделанную нашей кафедрой работу она направила в Министерство просвещения РСФСР.

Еще в 1974 году мне была предложена годичная командировка в Кубинскую Республику в качестве советника Министерства просвещения. «И Кубу посмотришь, и на заработанные деньги машину по квоте купишь», – все советовали мне. В те времена приобрести легковую машину в СССР было очень сложно. Очень редко встречались семьи, имеющие автомобили. Как-то в институт пришла разнарядка на один автомобиль «Жигули». Так как желающих оказалось очень много, пришлось собирать заседание профсоюзного комитета. В результате бурных дискуссий машина досталась декану факультета педагогики и методики начального обучения П.Т. Фролову.

Несмотря на заманчивые перспективы, от командировки на Кубу я категорически отказался – и семью придется бросить на

целый год, да и поездка слишком уж дальняя. Посоветовал кандидатуру доцента кафедры физики Станислава Андреевича Хорошавина. Он с радостью согласился. Действительно, после Кубы он купил машину, а мне в подарок привез огромную красивую ракушку. Она и сейчас лежит у нас на книжной полке. А вот Станислава Андреевича, к сожалению, в 2002 году не стало.

В августе 1975 года поступило другое предложение – месячная стажировка в Высшей педагогической школе им. Силезских повстанцев г. Ополе (Польша). Я согласился. Еще в 1972 году между Белгородским пединститутом и Опольской высшей педшколой был подписан договор о сотрудничестве. Аналогичный договор подписали и с Высшей педагогической школой г. Гюстров (Германия). Оба договора предусматривали обмен студенческими группами (по 10 человек на 10 дней), стажировку преподавателей (на 1 месяц), проведение совместных научных конференций и публикацию их материалов.

Мною был подготовлен план спецкурса «Теоретические проблемы управления процессом нравственного воспитания», который мне предстояло прочитать для студентов-славистов. Он был рассчитан на 20 часов и включал в себя несколько разделов:

- Современное состояние проблемы управления в психолого-педагогических исследованиях.
- Специфика управления процессом нравственного воспитания.
- Система и содержание методов в управлении процессами воспитания и самовоспитания.
- Учитель и его роль в управлении процессом нравственного воспитания.

Кроме того, в представлении на имя ректора Опольской высшей педшколы, доктора Тадеуша Господарека было сказано: «Доцент Тонков Е.В. может провести следующие виды внеаудиторной работы: 1) Обсуждение на кафедре проблем преподавания психолого-педагогических дисциплин; 2) Обсуждение вопроса о совместных конференциях по проблеме

управления процессом нравственного воспитания; 3) Консультации с преподавателями и студентами по проблемам нравственного воспитания».

Только после ознакомления польской стороны с моей программой было получено приглашение на стажировку. В настоящее время стажировки преподавателей в различных странах осуществляются безо всяких планов, программ и носят скорее ознакомительный характер, хотя после них и выдается сертификат о повышении квалификации.

Выезд в заграничную командировку тогда был редкостью и считался большим событием. Ко мне зашел зав. кафедрой русского языка, известный филолог Валентин Николаевич Перетрухин (по его учебнику «Введение в языкознание» и сейчас учатся студенты не только нашего вуза, а фактически, всей России). Он уже побывал в Опольской высшей педшколе, где читал курс русского языка. Посоветовал купить ряд недорогих сувениров, рассказал, что ко всем надо обращаться «пан», «пани» и т. д. Я вооружился русско-польским словарем, чтобы выучить слова, чаще всего встречающиеся в обиходе.

Наконец, 12 февраля 1976 года поездом «Москва – Варшава» я выехал в Польшу. На варшавском перроне ко мне подошла худощавая блондинка лет тридцати пяти и спросила: «Вы пан Тóнков?». Хотя из вагонов выходило множество пассажиров (причем многие выгружали холодильники, электрообогреватели, другую технику), она обратилась именно ко мне. Видимо, потому что я один был в пыжиковой шапке, а все остальные – без головных уборов.

– Вы угадали, это я, только я не пан, а Евгений Вячеславович.

– Понимаю, понимаю, – улыбнулась встречающая, – у вас ведь все товарищи. А я магистерка София Хальска, мне поручили быть Вашим куратором или гидом, как хотите, – сказала она с некоторым акцентом.

– Откуда Вы знаете русский язык? – спросил я.

– О, это длинная история, во время войны мы с мамой жили в Казахстане.

Выполняя свои обязанности гида, София решила показать мне самое высокое здание в Варшаве – Дворец науки и культуры, построенный Советским Союзом в дар польскому народу. Лифт довез нас на самый верх, на смотровую площадку, откуда открывался обзор всей Варшавы – какая красота! Потом я захотел зайти в какой-нибудь универмаг, и София привела меня в некое подобие московского ГУМа, только размерами поменьше. Не откладывая на потом, я купил жене модельные туфли и, в качестве сувенира, игрушечную лохматую рыжую собачку, которая и сейчас смотрит на меня с полки. Так, осматривая город, мы дошли до другого вокзала и через несколько часов были в г. Ополе.

Меня разместили в так называемой «гостевой» комнате студенческого общежития: кровать, диван, два кресла, журнальный столик, телевизор и холодильник, который встретил меня знакомым урчанием. Я посмотрел на марку – ну, конечно же, «Полюс», точно такой же не давал мне спать и дома. Заглянув в него, я увидел одно яйцо, граммов сто колбасы и кусочек хлеба с маслом в пакетике – ужин на всякий случай. Вспомнил, как мы встречали зарубежных гостей и до отказа набивали холодильники. «И зачем я только сюда приехал?» – подумал я и от досады и голода пнул ногой свой чемодан. Вдруг мой взгляд привлек журнальный столик, на котором стоял крошечный глиняный кувшинчик, а в нем – стебелек с голубым подснежником. Вспомнил, что когда я уезжал из Белгорода, меня провожала метель. Немного успокоившись, достал из чемодана кипятильник, заварил в стакане чай, кое-как поужинал и лег спать, предварительно выключив холодильник, так как холодить было нечего.

Утром пошел осматривать город. Недалеко от вуза стоял памятник советскому солдату. В цветочном киоске купил две гвоздики и положил на гранитную плиту – прохожие молча смотрели на меня. В общежитии меня уже ожидали София и

пожилой мужчина, который представился: «Доцент Петр Гуз». До войны он жил во Львове, поэтому свободно говорил по-русски. Они познакомили меня с ежедневным планом работы и организовали встречу с директором института педагогики и психологии, профессором Теодором Мусиолом, который был известен в Польше не только как педагог, но и как антифашист – пять лет он провел в концлагере «Дахау». Меня сопровождали Петр Гуз и Зигмунд Ломны, декан социально-педагогического факультета. После продолжительной беседы, которая касалась нашего научного сотрудничества, директор достал из сейфа бутылочку коньяка для закрепления соглашения и успехов в реализации планов. Затем он пристально посмотрел на меня и сказал: «Вы почему-то не совсем похожи на русского».

– Отец у меня русский, а мать – украинка, Мария Полторацкая, – ответил я.

Теодор Мусиол вскочил и с криком: «Вы поляк, поляк!» бросился меня обнимать. Я не стал его расстраивать рассказом о том, что моя мать родом из глухого села Жуковка Полтавской губернии, где вряд ли бывал хоть один поляк. В конце встречи он подарил мне свой монументальный труд «Дахау. 1933–1945» на польском языке (450 стр.) с надписью: «Многоуважаемому проректору Евгению Вячеславовичу Тонкову в память того, что сможет сделать человек человеку в нечеловеческой обстановке. Ополе, 06.03.1976».

На следующий день состоялась первая лекция для студентов-славистов. Группа из 20 человек встретила мое появление с интересом. Я представился, рассказал о цели нашей работы, познакомил с тематикой лекций. Студенты понимали русскую речь. Я старался произносить слова медленно и отчетливо, так я читал лекции студентам из Узбекистана, которые обучались в нашем пединституте на факультете русского языка и литературы. Проблема управления процессом нравственного воспитания группу увлекла, поэтому в конце занятия был задан ряд вопросов. Кроме всего прочего, студенты недоумевали, как можно управлять

воспитанием, ведь этим мы лишаем молодого человека свободы действий. Я почувствовал, что студенты меня приняли, тем более, что для них я являлся живым носителем русского языка. Поэтому как-то незаметно, по два часа через день мы освоили весь спецкурс «Теоретические проблемы управления процессом нравственного воспитания» (20 ч.). Он был одобрен Ученым советом института педагогики и психологии Опольской высшей педшколы и опубликован на польском языке.

Как-то меня пригласили в Опольское отделение Общества польско-советской дружбы, где встретили действительно по-дружески. За круглым столом присутствовало человек двадцать пять, наша беседа за чашкой чая с печеньем длилась около двух часов. Я рассказал им о Белгороде, о Белгородском пединституте, о школьном образовании. Мне было задано множество вопросов, в том числе касающихся проблем воспитания и обучения. В этих вопросах не чувствовалось никакого политического подтекста людей, чуждых нашему обществу и образу мышления. В конце беседы мне вручили значок Общества польско-советской дружбы и конверт с денежными купюрами, от которого я попытался отказаться. Однако, меня убедили в том, что это оплата за мой труд, и ею не надо пренебрегать.

Когда был опубликован спецкурс, в мой адрес из Опольской высшей педшколы пришло письмо, в котором просили сообщить номер счета, чтобы перевести причитающийся мне гонорар в размере 12600 злотых. Видимо, в Польше и представить не могли, что у меня нет банковского счета, а его действительно не было, так как класть туда было нечего, хотя я и считался в институте вторым человеком после ректора. Как-то уже в 1992-ом году мы немного поднакопили, я получил отпускные, и решили положить 5000 (тогда для нас это была солидная сумма) на сберкнижку, но случился дефолт, и все деньги пропали. Хотя за два дня до него президент России Б.Н. Ельцин, выступая по телевидению, убеждал страну, что дефолта не будет. С тех пор, даже если и появлялись какие-то деньги, Сбербанк я обходил стороной – никакого доверия

нет. В своем ответе Опольской высшей педшколе я написал: «Прошу указанную сумму перечислить в бюджет Общества польско-советской дружбы г. Ополе. Выражаю свою признательность за публикацию моей работы и надеюсь, что это послужит дальнейшему укреплению наших научных и дружеских связей».

Ополе – небольшой провинциальный городок, всего 120 тысяч жителей. Во время экскурсий по нему меня сопровождали София Хальска и Петр Гуз. С ними я побывал в костеле, где слушал органную музыку, в музеях, в театре. Выходя из театра, в фойе я задержался у галереи фотопортретов польских артистов. «Вы знаете кого-нибудь из них?» – спросили меня сопровождающие. «В России любят, как поет Анна Герман», – ответил я и показал на ее портрет. Когда мы были уже на улице, нас догнали и вручили мне аккуратно завернутый в бумагу портрет Анны Герман, который я видел в фойе. Он и сейчас стоит на книжном стеллаже в моем домашнем кабинете.

Потом мы зашли в книжный магазин, где оказалось много книг русских классиков и известных советских писателей, причем на русском языке. В то время в нашей стране был настоящий книжный бум, и купить хорошую литературу в магазинах было трудно. Страна была самой читающей в мире, чего не скажешь сейчас: мало кто читает, особенно в молодежной среде, да и читать-то особенно нечего, куда-то исчезли настоящие писатели и поэты. В магазине я приобрел толстенное учебное пособие «Pedagogika» на польском языке, несколько книг по своей проблеме и роман Ильи Эренбурга «Буря». Не остался в стороне и продуктовый магазин. Обедал я в студенческой столовой по выданным талонам, а вот завтракал и ужинал у себя в «гостевой» комнате, поэтому более других меня интересовал колбасный отдел. Ассортимент был большой и разнообразный, но все колбасы оказались одинаково невкусными. Продукты были достаточно дорогими. Меня поразило обилие фруктов и овощей в зимнее время, особенно польских и венгерских яблок. У нас тогда их можно было купить только в

Москве. Зато сейчас в Белгороде, пожалуй, лучше, чем тогда в Польше: в любое время года любые фрукты и овощи, правда, недешевые и почти все импортные. Вымытая картошка в сеточках, чистенькая, одна в одну, морковка и редиска в ярких пакетах – произведено в Израиле. А где свое-то? За державу стало обидно.

Помню, еще в 1966 году учащиеся Новоусманской средней школы Воронежской области, в которой я работал директором, в школьной теплице, зимой, гидропонным методом выращивали зеленый лук и каждую неделю возили на телеге в районную столовую и снабжали школьный общепит. А когда в августе 1968 года переехал в Белгород, на каждом углу стояли продавцы с дешевыми корочанскими яблоками. Куда все это делось?

Вскоре я был приглашен к ректору Опольской высшей педшколы (ныне университета), профессору Тадеушу Господареку. На встрече вместе со мной были директор института педагогики и психологии Теодор Мусиол и доцент Петр Гуз в качестве переводчика. Навстречу мне вышел худощавый брюнет средних лет – ректор Т. Господарек. Я передал ему привет от ректора Белгородского пединститута П.Г. Коняева, от его имени пригласил в Белгород. Т. Господарек поблагодарил и засмеялся: «Обязательно к вам приеду, если только успею. У нас нельзя занимать должность ректора более четырех лет. Только адаптировался, вошел во вкус и – до свидания» (и действительно, вскоре наш пединститут посетил уже новый ректор из Ополе – Кохман, который привез десять экземпляров моего спецкурса на польском языке).

Я рассказал о перспективах развития нашего вуза, об интеграции научных исследований, о планах сотрудничества. Ректор слушал и кивал головой, потом встал, достал из ящика стола большую бронзовую медаль «За образование и науку» в бордовой коробке и произнес: «В знак дружбы и сотрудничества вручаю Вам эту награду от Ученого совета Опольской высшей педшколы им. Силезских повстанцев». Затем поставил на стол бутылку «Наполеона», налил всем в бокалы граммов по пятьдесят – таким образом дружба и сотрудничество были закреплены.

Выходя из кабинета, доцент Петр Гуз приговаривал: «Какая честь, не каждого ректор так встречает». В коридоре нас встретили доцент Зигмунд Ломны и магистр Юзеф Подгурецкий (впоследствии доктор наук, профессор), и мы всей группой двинулись по улице. Наше шествие остановил попавшийся на пути бар.

– Давайте зайдём, я угощаю, – предложил Ломны.

Приглашение никого не заставило долго ждать. Внутри помещения бара было отделано под старину, потолок и стены деревянные, по углам – тележки с бочонками, на стенах – конские дуги, колеса и подковы. Нас встретили девушки с косами в старинных национальных костюмах. Мы заказали по пятьдесят граммов коньяка. Все, в той или иной мере, говорили по-русски, и так мы просидели, беседуя, около двух часов, благо, что в баре почти никого не было.

Я встречался со всеми преподавателями института педагогики и психологии, директором которого был профессор, доктор наук Теодор Мусиол. Институт мало чем отличался от кафедры педагогики и психологии, которой я заведовал, только в его структуре был еще и социально-педагогический факультет.

Преподавателям института педагогики и психологии Опольской высшей педшколы я рассказал, что при кафедре педагогики и психологии Белгородского пединститута создан проблемный Совет «Управление процессом воспитания и активизация познавательной деятельности учащихся», в который входят ученые, пожелавшие заниматься данной темой, независимо от того, на какой кафедре они работают, но прежде всего, педагоги, психологи и методисты, т. е. происходит консолидация вузовской науки.

Тезисно изложил основные аспекты данной проблемы, которая вызвала интерес у польских коллег. Некоторые выразили сомнение относительно применения словосочетания «управление воспитанием», так как управление – это кибернетическое понятие и применимо лишь к производству. Пришлось доказывать, что педагогика должна взять себе в союзники кибернетику, ведь

педагогика предполагает обратную связь, в этом и заключается суть управления. Познакомил с рядом сборников на данную тему, опубликованных как МГУ им. Ломоносова, так и Белгородским пединститутом, подарил Теодору Мусиолу свою монографию «Теория управления процессом воспитания».

В знак одобрения кто-то хлопал в ладоши, кто-то стучал пальцем по столу. Директор Т. Мусиол подарил мне научный сборник «Pedagogika» Опольской высшей педшколы со своей заглавной статьей (№ 9 – 1976 г.). Через год в этом сборнике в качестве заглавной будет опубликована моя объемная статья: «Логика перехода воспитания в самовоспитание как отражение специфики управления процессом нравственного воспитания». И среди поляков появились сторонники исследования нашей проблемы. Для очередного сборника «Проблемы управления процессом нравственного воспитания», который был намечен к выходу на июль 1976 года, я привез в Белгород две статьи: «А.С. Макаренко о поощрении и наказании в системе управления процессом воспитания» (Петр Гуз) и «Формирование умственных способностей и их место в изучении проблемы управления процессом воспитания» (София Хальска).

Очень интересной оказалась экскурсия в г. Краков – один из старейших городов Польши. Мне предоставили микроавтобус, и я отправился в двухдневную поездку вместе с Софией Хальской и еще одним преподавателем, который хорошо знал этот город. Сначала мы побывали в Краковском университете, потом в замке на Вавеле, который произвел на меня большое впечатление, а ближе к вечеру посетили католический собор. После долгого хождения по городу там можно было отдохнуть, посидеть на широкой деревянной скамье. При входе слева и справа я увидел небольшие черные кабинки и спросил у Софии, для чего они. София объяснила, что там сидят священники, которым можно исповедаться, и за определенную плату они отпустят грехи. Кстати, она тоже ходила в одну из этих кабинок. Я спросил: «Зачем?» – «А так, на всякий случай». До сих пор не могу понять, почему в

православном храме стоят, а в католическом сидят на скамейках. С интересом смотрю службы на Пасху и Рождество, которые транслируются по телевидению. Люди стоят в тесноте и духоте по несколько часов, в том числе, старики и дети. Я бы сейчас не выдержал. А они стоят, видимо, чтобы показать свое уважение к Всевышнему.

Не оставили без внимания мы и Поронино, недалеко от которого в 1913 – 1914 годах жил В.И. Ленин. Здесь проходило так называемое «Поронинское совещание» ЦК РСДРП с партийными работниками. К моменту моего посещения там был музей. Последним местом нашей экскурсионной поездки стал бывший концентрационный лагерь «Освенцим», в котором во время Второй мировой войны фашисты истребили около четырех миллионов узников разных национальностей – поляков, русских, евреев, цыган и др. Осмотр «Освенцима» оставил гнетущее впечатление.

Обратная дорога заняла четыре часа. Программа моей стажировки была полностью выполнена, можно было собираться домой. За два дня до отъезда ректор пригласил меня на прощальный ужин. Присутствовало человек двадцать, причастных к нашему сотрудничеству, в том числе, представитель городской власти и председатель отделения Общества польско-советской дружбы г. Ополе. Я внес свой вклад в трапезу, выставив на стол две бутылки «Столичной», чем вызвал бурное оживление в зале. Поднимались тосты за дружбу и сотрудничество, и все были уверены, что так всегда и будет.

На следующий день ко мне зашла доцент кафедры славистики Евгения Кухарска и пригласила меня и доцента Петра Гуза к себе на обед. Она свободно говорила по-русски, у нее было много знакомых в Москве и других городах СССР. А пригласила в гости, потому что собиралась на стажировку в Белгородский пединститут, на кафедру русского языка. Нам предстояло ехать вместе, и она просила сопровождать ее. В свои шестьдесят пять лет Петр Гуз был одинок и с удовольствием откликнулся на приглашение отобедать у Кухарской, тоже одинокой женщины бальзаковского возраста.

В квартире нас очень впечатлила кухня, заставленная различными деревянными поделками, среди которых лидирующее место занимали русские матрешки. Ели мы с Гузом почти молча, так как говорила все время хозяйка.

С возмущением она вспоминала о недавно проведенном в Опольской высшей педшколе ленинском субботнике:

- Я прямо в глаза сказала председателю профсоюза – они не дождутся, чтобы я убирала в парке мусор и собачье дерьмо, этим должны заниматься дворники, а не профессора с доцентами. А он меня решил воспитывать: «Пани Кухарска, всякий свободный труд облагораживает человека», – тоже мне, нашелся проповедник, – заключила Евгения Кухарска.

Под впечатлением от еды Петр Гуз вдруг вспомнил, что еще до войны во Львове он ел прекрасную ветчину, и такой он больше уже никогда и нигде не встречал. Так за обедом прошло часа два, потом мы поблагодарили хозяйку и договорились о завтрашней встрече на вокзале. Я попросил Кухарскую и Гуза помочь мне выбрать костюм. Они с удовольствием согласились, и мы отправились в магазин. Мне понравился серый костюм из интересной ткани «в елочку». Примерил – как будто на меня сшит. Вокруг стали собираться люди, цокали языками, приговаривали: «Dobrze! Bardzo dobrze!» (Хорошо! Очень хорошо!). Покупка состоялась.

На следующий день, уже в Варшаве, недалеко от вокзала я увидел длинную очередь мужчин у киоска. Каждый отходил с красной гвоздикой, перевязанной ленточкой. «Да ведь сегодня Международный женский день!» – вспомнил я и встал было в очередь, но меня опередила Евгения Кухарская и направила в первые ряды, объяснив очереди, что я из России, и мы опаздываем на поезд. Поляки одобрительно закивали и расступились. Я тоже купил гвоздичку и тут же вручил Кухарской. Окружающие заулыбались и захлопали в ладоши.

Однако, у вагона нас ждало разочарование: проводница никак не хотела впускать нас с гвоздикой, так как растения провозить

через границу запрещено. В конце концов она смилостивилась – все же восьмое марта, но вдруг опять затормозила, рассмотрев наши билеты, из которых следовало, что мы едем вдвоем в одном двухместном купе. «Мужчина и женщина не могут быть вместе», – несколько раз повторила она. Мои уверения, что я морально устойчив, и это прописано в официальной характеристике, на проводницу не подействовали. Пришлось обратиться к бригадиру поезда, он оказался русским. «Ради дружбы России и Польши – пропусти», – сказал он проводнице и засмеялся. Больше в дороге никаких неожиданностей не произошло, и через два дня мы были в Белгороде.

На вокзале нас встречал мой бывший студент, председатель студенческого профкома Николай Иванович Куриленко, который на протяжении всей своей жизни и какой бы пост ни занимал, был палочкой-выручалочкой. На стоянке нас ждала ректорская «Волга» – единственная в институте легковая автомашина, престижная по тем временам, так как иномарок тогда в городе не было. Е. Кухарска и Николай Иванович вышли у студенческого общежития, где гостье подготовили жилье, а я поехал домой. Наконец-то я оказался дома! Во время моего отсутствия Ольге помогала по хозяйству моя мама Мария Ефимовна, приехавшая из Воронежа, тогда ей было шестьдесят семь лет.

Я передал письменный отчет о стажировке ректору П.Г. Коняеву, а потом отчитался на очередном заседании Ученого совета.

В марте 1976 года был получен приказ министра просвещения РСФСР об открытии в нашем пединституте факультета педагогики и методики начального обучения. Область испытывала большую потребность в квалифицированных кадрах с высшим образованием для начальной школы. И хотя строительство пристройки № 2 шло быстрыми темпами, ожидать его окончания до конца года не приходилось. Поэтому по согласованию с облоно и отделом науки и учебных заведений обкома КПСС было решено временно разместить новый факультет в средней школе № 27, которая

находилась недалеко от пединститута и имела возможность предоставить ряд классов под аудиторию для студентов.

Деканом факультета была назначена кандидат педагогических наук Тамара Александровна Оксак, доцент кафедры педагогики и психологии, которая вплотную стала заниматься подготовкой к открытию нового факультета. Необходимо было комплектовать и кадровый состав, который был бы способен обеспечить надлежащую подготовку студентов. Для работы на данном факультете были переведены по их желанию опытные преподаватели И.П. Прокопьев, В.П. Пашенко, Л.С. Перетрухина, В.А. Кабанов, В.В. Кудряшов.

С 1 сентября Белгородский пединститут принял первых 50 студентов на новый факультет. Следует отметить, что институт развивался быстрыми темпами, но его продвижение сдерживалось отсутствием учебно-материальной базы. Поэтому возведение девятиэтажного общежития для студентов, девятиэтажного учебного корпуса и концертного (актового) зала приобрело значение настоящей народной стройки. Даже сотрудники обкома КПСС и облисполкома, включая первых руководителей области, по субботам участвовали в строительстве, что служило мощным стимулятором для строительных организаций.

По понедельникам на стройке проводились так называемые «летучки» – краткосрочные производственные совещания, на которых нередко присутствовал известный строитель, начальник Всесоюзного объединения «Центротяжстрой» Лев Николаевич Потапов. Институт был представлен ректором П.Г. Коняевым или проректорами Н.В. Камышанченко и Ф.Я. Эстисом. Мне также приходилось бывать на этих совещаниях.

Федор Яковлевич Эстис работал в должности проректора по административно-хозяйственной части, а затем инженером по технике безопасности, почти двадцать лет, с 1975 по 1993 год. Он очень много сделал для организации строительства учебных корпусов, общежития, столовой, концертного зала. Его требовательность, иногда доходящая до грубости, прощалась ему, перекрываясь деловыми качествами, приобретенными в годы

Великой Отечественной войны. Он проходил военную службу в должности начальника железнодорожной колонны особого резерва Главного командующего, обеспечивая доставку наиболее важных военных грузов.

Однажды на строительство учебного корпуса и концертного зала должен был приехать с ознакомительным визитом секретарь областного комитета КПСС В.П. Соболев. Предваряя его приезд, в институт прибыл заведующий отделом науки и учебных заведений Е.П. Сакулин, курировавший строящиеся объекты по партийной линии. П.Г. Коняев был в отпуске, и я исполнял обязанности ректора. Вместе с Ф.Я. Эстисом и высоким гостем мы отправились на стройку. Е.П. Сакулин стал измерять шагами площадь концертного зала и она почему-то показалась ему меньше проектной. По этому поводу между ним и Ф.Я. Эстисом завязалась дискуссия, причем на повышенных тонах. Кончилось это тем, что Евгений Петрович предложил освободить Ф.Я. Эстиса от занимаемой должности.

- Была без радости любовь, разлука будет без печали! – сказал в ответ Федор Яковлевич. А секретарь обкома так и не приехал... Молча разошлись по своим местам.

Преподаватели и студенты не были безучастными наблюдателями строительной эпопеи. После занятий, а также в выходные дни они были заняты на подсобных работах: подносили кирпич и цементный раствор, убрали строительный мусор. Был составлен график, в соответствии с которым студенты в учебное время трудились на объектах. В конечном итоге строительство было завершено и спортивный комплекс, включая футбольное поле, был окольцован учебными корпусами и общежитиями.

Когда проректор по учебной работе В.А. Пятин был назначен ректором Астраханского пединститута, мне, как его преемнику, было предложено возглавить Белгородское областное отделение Педагогического общества России. Моими помощниками – ответственными секретарями этой общественной организации – были поочередно известная белгородская писательница Наталья

Глебовна Овчарова, участник Великой Отечественной войны Зоя Владимировна Колесникова и более двадцати лет – Людмила Александровна Королева, выпускница физико-математического факультета, которая впоследствии долгое время возглавляла отдел аспирантуры и послевузовского профессионального образования.

Главным назначением Педагогического общества было изучение педагогического опыта и пропаганда педагогических знаний через различные средства массовых коммуникаций, включая печать. Поэтому Педагогическое общество имело право издавать научно-педагогическую и методическую литературу (как я уже отмечал, таким правом не обладал тогда даже сам институт). Для областного отделения Педагогического общества была выделена большая комната в новой пристройке, где оно и находилось более тридцати лет до упразднения в 2012 году.

Вся работа общества осуществлялась через президиум, в том числе и проведение научно-практических конференций, а также опубликование научно-методической литературы. В президиум входили представители обкома КПСС, облоно, обкома профсоюза работников просвещения, директор областного института усовершенствования учителей, ряд директоров средних школ, ученые пединститута.

Пиком деятельности областного отделения педагогического общества можно считать время организации и развития сельских школ-комплексов на Белгородчине. Первопроходцами в этом деле стали педагогические коллективы Бессоновской (1974 г.) и Яснозоренской (1975 г.) средних школ, поддержанные руководителями колхозов им. Фрунзе и «Знамя», а также Белгородским районным комитетом КПСС, который тогда возглавлял недавно ушедший из жизни Николай Алексеевич Сурков – великолепный организатор, талантливый человек и прогрессивно мыслящий руководитель.

Созданная структурная организация сельской школы представляла собой многопрофильное объединение общеобразовательной школы, внешкольных и культурно-просветительных учреждений различных ведомств (музыкальных,

художественных, спортивных школ, хореографических студий, станций юных техников и натуралистов), которые входили в комплекс на правах специализированных подразделений. Ряд учебно-воспитательных комплексов включали в себя производственный комбинат, детский сад и начальную школу.

Суть инновационных изменений сельской школы состояла в комплексном построении всей учебно-воспитательной работы, в органическом соединении общего и вариативного внешкольного образования, что в конечном итоге способствовало гармоничному развитию личности и нейтрализовало стихийное влияние на нее.

Мощный импульс к развитию школ-комплексов в нашей области был дан в выступлении первого секретаря Белгородского обкома КПСС Михаила Петровича Трунова на партийном пленуме в октябре 1976 года. Руководители колхозов и совхозов, партийные организации, отделы народного образования, отделы культуры, педагогический институт и школы были консолидированы для решения одной проблемы – организации и развития учебно-воспитательных комплексов.

Мы стали проводить научно-практические конференции, обучающие семинары, различные тренинги с выездом непосредственно на места – в сельские школы – для оказания методической помощи учителям и руководителям сельскохозяйственных предприятий в налаживании творческого взаимодействия.

Я стал часто бывать в Яснозоренской школе-комплексе, которой руководил Михаил Петрович Щетинин, инициатор этого движения в России. В свое время он закончил музыкально-педагогический факультет и замечательно играл на многих инструментах, особенно на аккордеоне. Улыбчивый, внешне привлекательный, обаятельный человек он легко очаровывал заезжих корреспондентов, особенно женщин, которые публиковали о нем восторженные отзывы в центральной печати.

Глава 13. НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ – ПРОРЕКТОР ПО НАУКЕ

Весной 1977 года ректор Петр Григорьевич Коняев предложил мне перейти на должность проректора по научной работе. Он аргументировал это тем, что сейчас акцентируется внимание на приближении науки к практике работы школ и необходимостью организации проведения научных исследований, связанных со школами-комплексами.

– Поживем-увидим, – уклонился я от прямого ответа на предложение ректора, однако ненадолго.

Через несколько дней ко мне в кабинет зашел Е.П. Сакулин, хотя обычно он приглашал для разговора к себе в обком. Он повторил предложение Петра Григорьевича, но уже в более категоричной форме.

– А ко мне, как к проректору по учебной работе есть претензии? – спросил я.

– Претензий нет, но для дела так будет лучше, – твердо сказал Евгений Петрович голосом, не терпящим возражений.

– Кто же, если не секрет, займет мое место? – поинтересовался я.

– Планируется предложить эту работу декану из технологического института строительных материалов Николаю Васильевичу Камышанченко, – закончил разговор высокий гость.

После этого я зашел к ректору и сказал, что согласен на должность проректора по научной работе, так как дальше сопротивляться было бессмысленно. В связи с новым назначением я решил покинуть пост заведующего кафедрой педагогики и психологии, учитывая, что теперь придется заниматься наукой в рамках всего института. С 1978 года кафедрой стала заведовать доцент В.К. Иванова.

Тем временем пришел приказ Министерства просвещения РСФСР об открытии на базе Белгородского государственного

педагогического института им. М.С. Ольминского исторического факультета с 1 сентября 1977 года для обучения по специальности «история, обществознание, английский язык». Об этом мы вместе с руководством облоно давно мечтали! Деканом нового факультета был назначен Евгений Иванович Лукашенко, которого я сменил на должности проректора по научной работе.

Лето 1977 года выдалось жарким. Так как я еще исполнял обязанности проректора по учебной работе, то вместе с ректором, ответственным секретарем приемной комиссии и деканами принимал непосредственное участие в приемной кампании. Принимали на 1 курс и 50 абитуриентов-историков. Конкурс был 5 человек на 1 место. К этому времени из Курского пединститута к нам перевелись первые преподаватели нового факультета: кандидат исторических наук Е.В. Дворецкий и его супруга А.А. Дворецкая.

Официально, как и всегда мне предоставили отпуск, но я им никогда не пользовался – ни разу не отдыхал ни в санатории, ни в доме отдыха, но зато чувствовал себя свободным человеком и мог находиться в институте не целый день, а по собственной воле. Обычно я ездил с секретарем партийного бюро института Чеботаревым Владимиром Севастьяновичем к студентам, работавшим в строительных отрядах. Тогда такая форма деятельности в летнее время была очень распространена в нашем институте, как и агитационные бригады, которыми руководил председатель профкома Николай Иванович Куриленко. Посещал и летние пионерские лагеря, которые теперь называются оздоровительными. В них старшими вожатыми и воспитателями работали наши студенты.

В воскресенье я любил ходить на колхозный рынок, где было много фруктов, ягод и овощей, как говорят сейчас, от местного товаропроизводителя. Всегда заходил в тот уголок базара, где продавали животных, птиц, аквариумных рыбок. Однажды увидел там молодого человека, который держал в руках небольшую мохнатую собачку. Свесив одно ухо, она просительно смотрела на меня. Устоять перед этим взглядом я не смог.

– Сколько хочешь? – спросил я у парня.

– Десять рублей, – ответил он.

– Поехали со мной, – предложил я. – При себе денег у меня нет, но собаку возьму.

Мы поехали к нам домой, где собачка по имени Зита перешла в мои руки вместе с поводком, специальным шампунем и резиновым кольцом для зубов. Дома неожиданной покупке были рады. Не менее рада была и Зита, которая крутилась под ногами и звонко лаяла. Всеобщая радость оказалась недолгой. Зиту надо было не только кормить, но и утром, и вечером выводить на прогулку. Всем членам семьи сразу стало некогда. Дочь Елена торопилась в школу, сын Евгений – в институт. Я остался крайним, но меня тоже хватило на неделю. Местные собаки узнали время нашего с Зитой выхода и караулили нас у подъезда. Затем вместе со сворой собак, сопровождавших нас, мы двигались по двору. Соседи с любопытством наблюдали за этой процедурой. Зите нравилось кобелиное сообщество и она никак не хотела возвращаться домой, визжала и упиралась.

Через некоторое время я встретил в коридоре института заведующего кафедрой физвоспитания Василия Васильевича Кудряшова.

– Вы собак любите? – Неожиданно спросил я у него.

– Люблю, – опешив от такого вопроса от проректора, удивленно ответил он. – Вот, собирался приобрести, ребята просят.

– Собака есть! Пошли ко мне домой! – Я от радости даже засмеялся.

– Да у меня денег нет, она наверное, дорогая, – замялся Василий Васильевич.

– Это подарок! – Успокоил я его.

Вскоре Василий Васильевич уводил из нашей квартиры Зиту вместе с шампунем и резиновым кольцом.

Но прошел год, и рано утром к нам в дверь кто-то позвонил. На пороге стоял Василий Васильевич и улыбался. В руках у него был кудлатый щенок.

– Это Вам в подарок от Зиты и тоже Зита, – весело сказал он. И все началось сначала...

Весной 1977 года я составлял проект очередного плана учебно-воспитательной работы института на предстоящий учебный год для утверждения на Ученом совете. План сохранился у меня. Он был издан тиражом 200 экземпляров и был всем доступен. В нем отражены задачи коллектива, определено содержание работы, сроки проведения мероприятий, ответственные исполнители и т. д. Назову только некоторые разделы плана:

- Кадры и повышение их квалификации.
- Повышение научного, идейно-политического и методического уровня учебного процесса.
- Организация самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов.
- Воспитательная работа во внеучебное время.
- Работа заочного отделения.
- Заседания Ученого совета института.
- Заседания ректората.
- Совещания деканов и заведующих кафедрами.
- Список комиссий Ученого совета института.
- Список членов Ученого совета института.
- Список членов ректората.
- Список членов профсоюзного комитета.

Такой план-справочник пользовался большим спросом не только среди руководящих работников института, но и многих преподавателей.

Осенью 1977 года П.Г. Коняев предложил мне выехать в Министерство просвещения РСФСР для утверждения в должности проректора по научной работе. Находясь в Министерстве, зашел к заместителю начальника Главка. Вместо хорошо знакомого мне Виталия Александровича Сластенина эту должность занимал уже Жильцов Петр Алексеевич – тоже приятный, доброжелательный человек. Разговорились, нашлось много общих тем. Он тоже оказался педагогом, занимался проблемой трудового воспитания учащихся во внеклассной работе. Вместе отправились к начальнику

Главка Дмитрию Михайловичу Забродину. На краю стола у него в кабинете стояло большое блюдо с виноградом.

– Чай пить будешь? – по-домашнему спросил он. – Нет? Тогда ешь виноград. К Министру или его заместителю мы не пойдём, все и так ясно. Жильцов пока подготовит приказ, а ты у меня посиди.

На этом процедура утверждения была завершена, а уже через час я шагал по Москве.

В Белгороде предстояло пройти еще согласование в областном комитете КПСС. На бюро обкома мы зашли вместе с заведующим отделом науки и учебных заведений Е.П. Сакулиным, который стал меня представлять.

– Не надо, мы его знаем, – махнул рукой первый секретарь обкома М.П. Трунов. Обращаясь ко мне, он рекомендовал обратить самое пристальное внимание на школы-комплексы, посмотреть, не вредят ли творческие студии и кружки учебному процессу, не увлеклись ли мы всем этим чрезмерно.

– Помогайте директору Яснозоренской школы Щетинину, постарайтесь повнимательнее вникнуть в его работу, – напутствовал меня Михаил Петрович.

На эту же тему продолжился разговор и в кабинете Е.П. Сакулина. Евгений Петрович посоветовал привлекать как можно больше преподавателей к исследовательской работе в школах-комплексах, отметив, что по этой проблеме можно защищать не только кандидатские, но и докторские диссертации.

Ректору П.Г. Коняеву я рассказал о своих встречах в Министерстве и обкоме КПСС и мы решили провести совещание деканов и заведующих кафедрами, посвятив его школам-комплексам, а также запланировали межвузовскую конференцию по этой проблеме. С 1 января 1978 года я официально стал проректором по научной работе, а проректором по учебной работе был назначен кандидат физико-математических наук, доцент Николай Васильевич Камышанченко, который впоследствии 11 лет руководил работой института, а затем и университета, защитил докторскую

диссертацию, получил высокое звание заслуженного работника высшей школы РФ.

В апреле 1978 года была проведена конференция «Комплексный подход в управлении процессом воспитания школьников» с участием преподавателей и работников школ не только Белгородской области, но и Москвы, Киева, Харькова, а также Института педагогики Высшей педагогической школы им. Силезских повстанцев из г. Ополе (Польша). Таких конференций, да еще с международным участием, в Белгороде раньше никогда не было. По итогам работы конференции был издан сборник материалов, рассматривающих проблему комплексного подхода в управлении процессом воспитания и пути его осуществления в практической деятельности¹⁸.

К этому времени при институте в соответствии с приказом Министерства просвещения была создана научно-исследовательская лаборатория, которая руководила экспериментальной работой в школах, связанной с выявлением оптимальных условий в решении задач всестороннего, гармоничного формирования личности. Как определенный итог опытной работы, проводимой в школах Белгородского района, в сборнике были представлены материалы доцента П.Ф. Чепикова «Деятельность партийных организаций по созданию сельских школ-комплексов», доцентов И.И. Августевича и М.В. Селезневой «Некоторые особенности социально-психологического климата в начальных классах Яснозоренской средней школы». Особый интерес вызвала статья педагога-новатора М.П. Щетинина «Организация оптимального режима школ-комплексов – важное условие управления процессом воспитания». Были опубликованы и работы польских педагогов Зигмунда Ломны, Софии Хальской, Юзефа Подгурецкого.

Все материалы сборника били в одну цель – обосновать приоритет школы-комплекса в сравнении с обычной школой во всестороннем развитии личности.

¹⁸ Комплексный подход в управлении процессом воспитания школьников / Под общей редакцией Е.В. Тонкова. – Курск, 1978.

А между тем на 30-31 мая 1979 года Министерство просвещения России наметило провести на базе нашего института Всероссийское координационное совещание руководителей педагогических учебных заведений «Улучшение подготовки будущих учителей к воспитательной работе в современной школе». Мне было поручено редактировать тезисы выступлений участников совещания. В состав редакционной коллегии вошли также Д.М. Забродин, П.А. Жильцов, П.Г. Коняев.

Особую активность в организации совещания принимал Е.П. Сакулин, вплоть до публикации программы совещания, размещения участников, разработки маршрутов ознакомления со школами. Совещание было решено проводить в актовом зале городского дворца пионеров.

Отредактированные тезисы выступлений (их оказалось 27) я отвез в Министерство для согласования, где с ними ознакомились и вернули для опубликования. Белгород не случайно был определен в качестве места проведения координационного совещания, так как Белгородская область уже к тому времени была неоднократным победителем Всероссийского соревнования по подготовке школ к новому учебному году.

На совещании после выступления начальника Главного управления вузов Д.М. Забродина обстоятельный доклад сделал академик-секретарь Академии педагогических наук СССР профессор Ю.К. Бабанский на тему «Проблемы психолого-педагогической подготовки будущих учителей к воспитательной работе в современной школе». Ректор института П.Г. Коняев поделился опытом работы по подготовке студентов к воспитанию учащихся на основе комплексного подхода. Я в своем выступлении остановился на совместной деятельности вуза и сельской школы в подготовке студентов к воспитательной работе.

Прежде всего я подчеркнул, что наличие у института, органов народного образования и учителей единого научного направления является объединяющей основой связи вуза со школами. Коллективно разрабатывая единую научную проблему,

преподаватели вуза и учителя становятся единомышленниками в решении поставленных задач. Кафедры института и сельские школы-комплексы определили совместные действия, установили контакты, способствующие совершенствованию учебно-воспитательного процесса. Здесь не должно быть шаблона. План совместной работы составлялся в зависимости от квалификации педагогических кадров в школе, материальной базы, проблем, над решением которых работает школа.

Кроме того, мной был обозначен вопрос о базовой школе как в городе, так и в сельской местности, которая могла бы служить научно-исследовательской лабораторией, базой для проверки внедрения новых идей и методов обучения и воспитания. Рассказал о системе подготовки руководящих кадров для школы. По предложению облоно нами был составлен перспективный план подготовки резерва руководящих кадров для школ на десять лет. Совместно с обкомом ВЛКСМ рассматривался вопрос о подготовке резерва организаторов внеклассной и внешкольной работы, был разработан соответствующий спецкурс «Воспитательная работа в школах-комплексах».

В своих выступлениях участники совещания (ректоры вузов и директора педучилищ) делились опытом своей работы, предлагали пути решения рассматриваемой проблемы.

В начале октября 1980 года на нашей базе проводилось уже Всесоюзное совещание заместителей министров просвещения республик, руководителей краевых и областных отделов народного образования. Оно также было посвящено организации и развитию школ-комплексов. К тому времени они получили новое наименование, так как у кого-то из функционеров слово «комплексы» ассоциировалось с сельскохозяйственной тематикой. Поэтому доклад, с которым на совещании выступал заведующий областным отделом народного образования Иван Стефанович Соловецкий назывался уже с учетом руководящих пожеланий «Развитие сельских школ Белгородской области, объединенных с внешкольными учреждениями». В совещании принимал участие

заместитель министра просвещения СССР Ф.Е. Штыкало. Было решено заслушать доклад Ивана Стефановича, а затем разъехаться по школам, чтобы на следующий день обменяться впечатлениями.

Мне было поручено сопровождать гостей в Бехтеевскую среднюю школу Корочанского района. Туда же должны были ехать Ф.Е. Штыкало и И.С. Соловецкий, но они направились куда-то в другое место, и я остался с гостями один. На границе района нас встретили первый секретарь райкома партии А.В. Четвергов и председатель райисполкома М.А. Деркач. Девушки в народных костюмах преподнесли гостям хлеб-соль на рушнике. В отсутствие заместителя министра каравай пришлось принять мне. В школе мы познакомились с учебными кабинетами, классами для внеурочной деятельности. Мария Афанасьевна Деркач подробно рассказала о проводимой работе. Председатель местного колхоза Герой Социалистического Труда А.Д. Михайлов подтвердил важность взаимодействия колхоза и школы в воспитании подрастающего поколения.

На этом знакомство со школой закончилось. Директор школы попыталась пригласить гостей на обед в школьной столовой, но А.В. Четвергов предложил пообедать на воздухе. Приехали на опушку леса. Там уже горел костер, а на огне стояла огромная сковорода диаметром метра полтора – я такой никогда раньше не видел. Подошла женщина с ведром яиц и стала жарить яичницу на сале. А.В. Четвергову принесли аккордеон – он оказался прекрасным музыкантом, играл превосходно. После двухчасового общения на природе мы поблагодарили гостеприимных хозяев, сели в автобус и отправились в обратный путь. Всю обратную дорогу в автобусе звучали песни.

По итогам совещания был опубликован сборник материалов, в котором обобщался опыт взаимодействия сельских школ с внешкольными детскими учреждениями¹⁹. После ухода на пенсию кремлевского реформатора прежнее название «школы-комплексы»

¹⁹ Перспективы развития сельских общеобразовательных учреждений / Под ред. Сунцова Н.С. Составители В.Я. Коровина, Е.В. Тонков. – М., 1982.

вновь возродилось, только в иной формулировке – учебно-воспитательные комплексы.

Во все годы Советской власти начало учебного года сопровождалось участием студентов и сельских школьников в сельскохозяйственных работах. Еще в 50-е годы, обучаясь в Воронежском университете я вместе со своими однокашниками неоднократно выезжал в колхоз. Эта практика имела место и в Белгородском пединституте. Руководящими органами доводилась разнарядка – количество студентов, направляемых на уборку урожая. Постоянно работали студенты и на Белгородском консервном комбинате. Нередко к уборке сахарной свеклы привлекали и преподавателей, а также учебно-вспомогательный персонал.

Запомнилась поздняя осень 1978 года. После традиционной демонстрации 7 ноября, посвященной очередной годовщине Октябрьской революции, коллектив института выехал на уборку сахарной свеклы. Завывала метель, земля была мерзлой, припорошенной снегом и твердой как камень. Мы должны были извлекать свеклу из мерзлой земли железными прутами с загнутыми концами и складывать в кучи. Производительность труда была низкой и польза от нашей работ не очень значительной, но главное было – отчитаться. Приятнее было убирать яблоки в совхозе «Комсомолец». Тем более, что там разрешали каждому набрать бесплатно сумку яблок с собой в качестве гонорара за работу. Но наш народ сумочкой не ограничивался. Помню, как кассир-бухгалтер соорудила из своего пальто импровизированный мешок, наполнила до отказа яблоками и таким образом шествовала к автобусу.

Привлекали нас и к заготовке сена. В институт приезжала миловидная женщина, секретарь Свердловского райкома КПСС, и предлагала каждой кафедре накосить хотя бы по небольшому стожку сена. Но так как на асфальте трава не росла, приходилось преподавателям выезжать за город и косить траву, чтобы выполнить свой долг.

В последние годы вузы к таким работам не привлекают – либо техники больше стало, либо фермеры сами справляются, либо убирать стало нечего...

В связи с развитием института менялась и его структура. В 1979 году были открыты кафедры: педагогики начального обучения (зав. кафедрой И.П. Прокопьев) и психологии (зав. кафедрой Н.Е. Анкудинова). Деканом факультета педагогики и методики начального обучения был избран доцент Фролов Петр Тимофеевич, возглавлявший до этого Воронежский областной институт усовершенствования учителей. Он был достаточно известным в педагогической среде человеком, «Литературная газета» писала о нем восторженные статьи и сравнивала с Пьером Безуховым.

В этом же году приказом Министерства просвещения РСФСР была открыта кафедра истории СССР (зав. кафедрой доцент Ф.П. Тройно). На работу был принят кандидат исторических наук Е.А. Молев, определил свою учебную нагрузку на историческом факультете и я в соответствии с базовым образованием – учитель истории и обществоведения. В составе кафедры была образована секция английского языка (руководитель секции – кандидат филологических наук доцент И.Г. Дегтярь).

К открытию кафедр тогда относились очень серьезно. Перед Министерством необходимо было обосновать потребность создания кафедры и сделать это было не так просто. Теперь открытие кафедр стало прерогативой Ученых советов вузов, поэтому этот процесс претерпел существенные изменения, не всегда к лучшему, нередко под эгидой конъюнктурных соображений.

Произошли изменения и в трудовой деятельности моей супруги Ольги Николаевны. Руководитель педагогической практики Н.Т. Ковалева была избрана по конкурсу старшим преподавателем кафедры истории СССР, а на ее место перешла работать Ольга Николаевна, как оказалось, на долгие 20 лет.

Первого марта 1980 года институту было вручено переходящее Красное Знамя Министерства просвещения и ЦК

профсоюза за победу в социалистическом соревновании среди педагогических вузов России. Это была очень престижная по тем временам форма поощрения. Вручать знамя приехал наш бывший ректор, начальник Главка Д.М. Забродин, который в 1981 году будет назначен заместителем министра. Наградами были отмечены многие преподаватели. Для организации дружеского приема высоких гостей П.Г. Коняев предложил проректорам пожертвовать свои премии, что и было с пониманием сделано. Каких-либо представительских расходов тогда не было. Неофициальная часть торжественного мероприятия прошла в теплой обстановке, а Дмитрий Михайлович прекрасно исполнил посвященную партизанам песню «Шумел сурово брянский лес». Мы с удовольствием ему подпевали. Он рассказал, что в подростковом возрасте с августа 1942 года вместе со своим старшим братом Иваном воевал в партизанском отряде.

Ежегодно в январе на Ученом совете института я делал доклад о научно-исследовательской работе за прошедший год, брошюровал его в областной типографии и представлял в Министерство. В отчете два основных блока вопросов – подготовка кадров высшей квалификации и научно-исследовательская работа, в центре которой многие годы оставалась деятельность кафедр, связанная с учебно-воспитательными комплексами.

На ВДНХ СССР в павильоне «Народное образование» в октябре 1981 года была открыта экспозиция, где был представлен опыт Белгородской области по развитию учебно-воспитательных комплексов, в том числе показана роль облоно, нашего института и Белгородского отделения Педагогического общества в этом процессе.

В работе доцента И.И. Августевича на большом фактическом материале была обоснована важная социальная роль и педагогическое значение сельских учебно-воспитательных комплексов. Доцент В.К. Иванова представила свою концепцию по комплексному подходу и воспитанию в системе УВК. Она выделила три направления деятельности – содержательно-информативную, процессуально-деятельностную и организацион-

но-управленческую, разработала критерии подхода к каждому из этих направлений. Доцент кафедры литературы В.А. Овчинников показал, как сопоставление произведений литературы, живописи, музыки формирует чувства, утверждает гражданственность и патриотизм. В исследованиях доцента кафедры ботаники А.А. Сиротина и зав. кабинетом трудового обучения и профориентации института усовершенствования учителей В.К. Невлева была выявлена закономерность положительного влияния занятий искусством на отношение к труду, которые придают ему творческий характер.

В сельских школах области был создан научный совет по опытнической работе в ученических производственных бригадах. В него вошли сотрудники педагогического и сельскохозяйственного институтов, областной станции юных натуралистов. В тесном контакте с агрономической службой колхоза им. Фрунзе Белгородского района, которым и тогда руководил легендарный председатель дважды Герой Социалистического Труда Василий Яковлевич Горин, проводили исследовательскую работу учащиеся Бессоновского УВК. Василий Яковлевич неоднократно повторял, что интеллектуализация трудового процесса помогает воспитывать настоящего земледельца-труженика.

С колхозом «Красный путиловец» Валуйского района сотрудничали учащиеся Шелаевского УВК, директором которого является многие годы народный учитель СССР Василий Прокофьевич Подерягин.

Важным направлением исследования было физиолого-гигиеническое обоснование оптимального двигательного режима учащихся. В нем принимали участие преподаватели кафедр теоретических основ физического воспитания, спортивных дисциплин, анатомии и физиологии. Была выявлена недостаточная двигательная активность школьников, так как в спортивных секциях занимались только 13-17% учащихся. В исследованиях, которые проводили Р.А. Ахундов, Е.В. Воронин, М.П. Спирин, Е.В. Хохрякова, был разработан оптимальный двигательный режим

для учащихся, который способствовал укреплению их здоровья и улучшению самочувствия.

К этому времени на двух факультетах (историческом, русского языка и литературы) открылась вторая специальность – методист воспитательной работы. Студентам был предложен выбор дополнительных профессий, связанных с организацией внеурочной работы в школах-комплексах. Выпускникам читался спецкурс по организационно-педагогическим основам деятельности УВК. Совместно с НИИ теории и истории педагогики АПН СССР была разработана и внедрена экспериментальная программа для педвузов «Методика воспитательной работы», в которой выделен специальный раздел «Воспитательная работа в средних школах (учебно-воспитательных комплексах)».

15 сентября 1980 года состоялось торжественное открытие подготовительного факультета для иностранных граждан, в то время – единственного в стране. На факультете осуществлялось обучение иностранцев русскому языку для продолжения учебы в вузах по избранной специальности. В основном, это были граждане из Азии, Африки и Латинской Америки. Деканом факультета стал Анатолий Платонович Уваров, который проработал в этой должности 14 лет. Первыми преподавателями факультета были Р.Р. Борзых, Л.Н. Борисова, С.С. Кулик, С.И. Наддел, Т.А. Оксак, а также И.Б. Игнатова. Сегодня Ирина Борисовна – ректор Белгородского института искусств и культуры, депутат городского Совета, доктор педагогических наук, профессор.

Открывал факультет я, а с приветственным словом к слушателям обратилась на английском языке выпускница факультета иностранных языков, Ленинский стипендиат Виктория Тарабаева, которая в настоящее время является директором педагогического института НИУ «БелГУ», доктором социологических наук, профессором.

В целом слушатели отличались трудолюбием и непосредственностью. Многие из них к концу года уже могли говорить по-русски. Особенно хорошо им удавались концерты

художественной самодеятельности, которые проходили во Дворце культуры «Энергомаш». Одно время факультет заполнили посланцы дружественного Вьетнама. Больше всего усердия они проявляли в скупке алюминиевой посуды и отправке ее на родину. Скупали ящиками хозяйственное мыло и даже граненые стаканы. Вскоре в магазинах Белгорода возник дефицит основных хозяйственных товаров. Кроме того, вьетнамцы очень любили жарить селедку без масла, от чего по общежитию распространялся невыносимый запах.

Как-то заведующий отделом науки и учебных заведений обкома КПСС Е.П. Сакулин зашел ко мне в кабинет и попросил позвать А.П. Уварова. Он стал упрекать его в низком контроле за поведением иностранных студентов.

– Как Вы могли допустить, что принцесса из африканской страны забеременела? – грозно спросил он декана. – Вы понимаете, что это может привести к международным осложнениям?

– Не досмотрели, – признал Анатолий Платонович. – Кстати, принцессу уже отправили рожать домой.

Евгений Петрович Сакулин много внимания уделял работе института, был строг и придирчив, но совсем другим – улыбчивым и доброжелательным – был в неформальной обстановке. Как-то в начале лета мы с супругой возвращались домой с дачи на рейсовом автобусе (машины у меня никогда не было – только служебный мотоцикл, когда работал заведующим районо в Воронежской области). В автобус еле втиснулся и Евгений Петрович.

– А почему с пустыми руками, где урожай? – весело спросил он. – Могу поделиться.

С этими словами он торжествующе вручил нам кабачок. Это было в начале июня, когда у нас они еще только зацвели.

В то время партийные органы плотно опекали не только производственные объекты, но и учебные заведения. Однажды, когда я исполнял обязанности ректора в связи с отпуском Петра Григорьевича Коняева, мне позвонили из приемной первого секретаря обкома КПСС и сказали, что надо срочно прибыть к

Михаилу Петровичу. Погода была теплой, и я пришел на работу без пиджака. В таком виде в обком являться было нельзя – требования к дресс-коду были жесткие. Побежал домой, а ключи забыл. Дома никого не оказалось. Пришлось плечом выдавить дверь в квартиру, благо, в те времена о металлических дверях и представления не имели. Повязал галстук, схватил пиджак, дверь прикрыл кое-как и поехал на троллейбусе в обком. Служебная машина была только у ректора. Михаил Петрович Трунов встретил меня приветливо, поинтересовался здоровьем и сказал:

– Завтра в область приезжает секретарь ЦК КПСС Андрей Павлович Кириленко. Будет ехать на свою родину, в Алексеевку. Не исключено, что захочет посетить институт, будьте готовы.

На этом разговор закончился, и я помчался домой ремонтировать дверь в квартиру, размышляя о превратностях судьбы – неужели все это нельзя было сказать по телефону? Кое-как закрыв дверь, я поспешил в институт и зашел к проректору по административно-хозяйственной работе Ф.Я. Эстису. Объяснил ему задачу, и все пришло в движение – стали мести двор, белить бордюры и деревья, мыть лестницы и вестибюль. Комендант учебного корпуса Вера Григорьевна Сахарук пошла выбивать четырехметровую красную дорожку, которая использовалась в торжественных случаях. Пригласил секретаря парткома В.Е. Харченко, обсудил с ним программу действий, предупредил деканов.

На следующий день стали ждать гостя. Из обкома позвонили – выехал. Мы с секретарем парткома вышли на крыльцо, Вера Григорьевна постелила перед входом красную дорожку. Минут сорок прождали – никого нет. Свернули дорожку и разошлись. Вдруг кто-то сообщил – едут. Опять выскочили, постелили дорожку. Вдоль трассы появились милиционеры в белых перчатках. Мимо пронеслась вереница черных автомобилей, и все стихло. Не заехал. Вера Григорьевна, убирая дорожку, что-то про себя проворчала.

Партийные органы никогда не оставляли меня без поручений. Некоторые из временных перешли в постоянные – председатель комиссии по проведению празднования 1 Мая и дня Октябрьской революции; ответственный за наглядную агитацию; председатель участковой избирательной комиссии.

Во время праздничных демонстраций коллектив института вооружался плакатами, лозунгами, портретами руководителей партии и государства. Собирались у института, а затем в сопровождении духового оркестра шествовали по ул. Б. Хмельницкого к железнодорожному вокзалу, а уже потом – на площадь Революции (теперь Соборная), где с трибуны нас приветствовало областное начальство.

К каждому празднику придумывалась «изюминка». Как-то секретарь комсомольской организации Юра Питинов (сегодня Юрий Никитович руководит университетским профкомом) пришел на демонстрацию в матросском бушлате и бескозырке с лентами. Рядом с ним – солдат с винтовкой и рабочий в кожаной тужурке.

На майские праздники факультет педагогики и методики начального обучения вышел в форме педагогических отрядов (белый верх – черный низ, красный галстук, на голове пилотка, в руках барабан). Было очень эффектно.

С этими праздниками связан один забавный эпизод. После окончания демонстрации по существовавшей традиции большинство людей отмечали праздник торжественным обедом. На одну из таких трапез нас с Ольгой Николаевной пригласили к себе домой наши сваты – Петр Дмитриевич и Вера Алексеевна Кониковы, на дочери которых Галине, выпускнице Харьковского авиационного института, был женат наш сын Евгений, окончивший к тому времени технологический институт и работавший в милиции. В это время в пединституте проходил стажировку доктор Прюсс из Гюстровской высшей педагогической школы (Германия).

С любезного разрешения хозяев мы пригласили его с собой в гости. Войдя в квартиру, доктор Прюсс с загадочной улыбкой вручил хозяйке Вере Алексеевне сверток в серебристой фольге.

Она, естественно, подумала, что это сувенир из Германии и, сгорая от любопытства, поспешила распаковать подарок. Вдруг Вера Алексеевна стала беззвучно смеяться, вытирая слезы. Подарком из-за рубежа оказался батон копченой колбасы. Гость вначале ничего не понял, но когда он вошел в гостиную и увидел роскошный стол, заставленный всякими деликатесами, он покраснел и стал извиняться.

Действительно, в 80-е годы в белгородских магазинах колбасу редко можно было увидеть, но Петр Дмитриевич занимал ответственный пост в агропромышленном комплексе области и получал так называемый «паек», который полагался руководящим работникам и продавался в специальном магазине. В паек входили продукты, которыми сегодня никого не удивишь, – колбаса, мясо, чай, кофе, консервы из лосося и осетровых рыб, икра, шоколадные конфеты, но рядовым гражданам они были практически недоступны. Так что, если бы доктор Прюсс принес свой презент ко мне домой, он оказался бы весьма кстати.

Важным моим партийным поручением было руководство участковой избирательной комиссией. Моим заместителем был заведующий кафедрой спортивных дисциплин М.П. Спирин (ныне Почетный профессор НИУ «БелГУ»), а секретарем – ассистент международного факультета С.С. Кулик. Главная задача состояла в том, чтобы все проголосовали. Выборы начинались в 6 часов утра и заканчивались в десять вечера. Подсчет голосов и заполнение протоколов продолжалось до глубокой ночи, а затем все документы отвозились в Свердловский райисполком (в Белгороде тогда, как и сейчас, было два района, только назывались они Свердловский и Октябрьский. Кстати, федеральные суды, несмотря на переименование районов в Западный и Восточный округа, сохранили прежнее наименование).

В день выборов приходилось идти на участок к 5 часам утра. Размещался он в центральном корпусе пединститута, где сейчас находится приемная комиссия. Проверялся ящик для голосования (тогда он назывался «урна»), раскладывались бюллетени и списки

избирателей. Первыми, как всегда, начинали приходить пенсионеры, которые, исполнив гражданский долг, торопились в буфет. В день выборов там обычно продавали дефицитные по тем временам продукты. В институтском буфете удавалось приобрести и мне пару кружков «краковской» колбасы. Через каждый час надо было докладывать в инстанции о ходе голосования. Ближе к вечеру М.П. Спирин брал избирательную урну и ездил по квартирам тех, кто не смог или не захотел идти на выборы – добивались почти 100% явки. Выборы были безальтернативными, поэтому главное было добиться высокой активности избирателей.

В середине 1982 года в соответствии с договором о сотрудничестве мне предложили отправиться на стажировку в Гюстровскую высшую педагогическую школу. Немецкие коллеги заинтересовались проблемой управления процессом нравственного воспитания, которая была мне близка в научном плане. Кроме того, я неплохо знал немецкий язык. С помощью преподавателя кафедры немецкого языка Татьяны Белоусовой я перевел лекцию «Управление процессом нравственного воспитания», так как решил читать ее на языке принимающей стороны.

В начале ноября поездом «Москва-Берлин» я выехал в командировку. В Берлине меня встретили коллеги из Гюстрова и на автомобиле мы отправились к месту назначения. Разместили меня в комнате для приезжих студенческого общежития. В холодильнике, который дребезжал так же, как и в Ополе, я обнаружил вареное яйцо и кусок ливерной колбасы. На журнальном столике лежал план моего пребывания, отпечатанный на немецком языке. Ознакомившись с его содержанием, я лег отдыхать. Утром пришла молодая девушка, ассистент кафедры педагогики. Она хорошо говорила по-русски. Принесла мне талоны на обед и предложила погулять по городу.

Гюстров оказался небольшим провинциальным городом с населением всего 40 тысяч жителей. Из достопримечательностей я отметил только дворец средневековой постройки, на первом этаже которого располагался ресторан. В телефонной будке на улице я с удивлением обнаружил справочник и подумал, как долго он

пролежал бы в кабине белгородского телефона-автомата. Но это было не все. Девушка бросила монету в автомат и предложила мне набрать номер своего домашнего телефона. Через минуту я уже разговаривал со своей супругой. В России тогда это трудно было представить, причем оказалось, что телефонный кабель был протянут еще во времена фашистской Германии.

На следующий день я побывал на заседании кафедры, познакомил коллег с темой исследования, лекционным курсом. Затем они стали обсуждать свои кафедральные вопросы. Немецкие коллеги поинтересовались, понимаю ли я, о чем идет речь. Здесь меня ждало разочарование. Я знал многие слова и в целом мог понять содержание разговора, но вступить в диалог для меня оказалось делом чрезвычайно сложным. Сказывалось полное отсутствие разговорной практики. В институте мы неоднократно открывали бесплатные курсы для преподавателей по изучению иностранных языков, но, к сожалению, эти начинания не имели ожидаемого эффекта, так как для владения языком необходимо повседневное общение и постоянные занятия, а не разовые акции, пусть даже и с выездом за границу. Иначе – это пустая трата денежных средств и времени.

Сотрудники кафедры с интересом отнеслись к моей персоне, пообещали побывать на моих лекциях. Профессор Вернер Науманн пригласил меня в замок на обед. Впоследствии выяснилось, что обед входил в программу пребывания и был оплачен принимающей стороной. Тратить личные деньги на эти цели у немцев не принято. Подали борщ в широкой чашке, отдаленно напоминающий наш, отбивную с картофелем и сухое вино. Пообщались часа полтора, после чего Науманн подарил мне свою книгу «Didaktik».

На мою первую лекцию пришли не только студенты, но и преподаватели, всего человек 75. Лекция была рассчитана на два академических часа, и читал я ее на немецком языке. После ее окончания все дружно стучали по столам в знак одобрения. Затем стали задавать вопросы, но на немецком я отвечать на них не мог, помогал переводчик. Эта лекция была опубликована в сборнике научных трудов Гюстровской высшей педагогической школы.

Остальные лекции я читал на русском языке с помощью переводчика.

В соответствии с планом стажировки я также посетил г. Росток, порт на Балтийском море. Меня сопровождал один из преподавателей, с которым мы на его машине доехали до вокзала и пересели на поезд, хотя Росток находится не так далеко от Гюстрова. Я спросил, почему не поехали на машине, на что сопровождающий ответил, что бензин очень дорогой. Посетили местный университет, погуляли по берегу моря и отправились обратно.

Запомнился прием у ректора Гюстровской высшей педагогической школы профессора Г. Люттера. Пришел в 14 часов 57 минут, постучал в дверь приемной. Открылось окошко и выглянула секретарь:

– Вам назначено на 15 часов. Еще три минуты!

После этого окошко захлопнулось. Ровно в 15-00 дверь открылась и меня впустили к ректору. Это был лысоватый, плотный мужчина средних лет с хитринкой в глазах, внешне очень напоминающий Мюллера в исполнении Леонида Броневского из фильма «Семнадцать мгновений весны». На журнальном столе находился поднос с закусками и бутылка вина.

– Сразу приступим к делу, – предложил ректор, пригласив меня к этому столу и разливая в бокалы вино. – Первый тост за дружбу между нашими народами!

– Второй тост за дружбу между нашими вузами, – также произнес ректор. – А теперь побеседуем.

Разговор продолжался около двух часов, после чего я поблагодарил профессора Г. Лютера за теплый прием и пригласил его посетить наш институт.

Программа стажировки предусматривала и посещение Дрездена. Но если в Польше из Ополе в Краков меня возили на микроавтобусе, то здесь было по-другому. На поезде я самостоятельно должен был поехать в Дрезден, а оттуда в Берлин для отъезда домой. В Берлине меня ожидал преподаватель, который

направлялся на стажировку в наш институт на кафедру немецкого языка. Действуя в соответствии с намеченным планом, я поехал поездом в Дрезден. Был конец ноября, смеркалось, а мне надо было найти общежитие университета, где предполагался мой ночлег. Кое-как я его нашел и там, действительно, для меня была заказана комната, где я и переночевал.

Утром ко мне зашел пожилой человек, преподаватель университета, и сказал, что ему поручено провести мне экскурсию по городу. Я отметил хорошее знание им русского языка.

– Два года пробыл у вас в плену до конца войны, да еще три года после войны. Поневоле научишься, – усмехнулся он. – Сейчас вот жду пенсию, но она у нас дается с 65 лет.

– А как на пенсии жить собираетесь? – спросил я.

– У нас она мало чем отличается от зарплаты, составляет 90%, поэтому жду ее с нетерпением, – ответил мой собеседник.

– Вот тебе и побежденная Германия, – подумал я, вспоминая мизерные пенсии своих ушедших на заслуженный отдых коллег.

Побывали с ним в Дрезденской галерее, осмотрели другие достопримечательности старинного города, после чего я отправился поездом в Берлин. Немного не доехав, решил посетить Потсдам, так как свободное время еще было. В городе встретил советского офицера в форме, который ехал на велосипеде. Я спросил у него, как добраться до музея Потсдамской конференции. Он заулыбался, показал дорогу и сказал, что он родом из Брянска – почти земляки. Осмотрев музей, я продолжил свой путь в Берлин. Столица социалистической Германии уже готовилась к Новому, 1983 году. Всюду продавались елочные украшения, различные сувениры, все куда-то спешили. У меня было приподнятое настроение – я возвращался домой! Быстро дошагал до Бранденбургских ворот, за которыми начинался Западный Берлин.

Нельзя было и предположить, что буквально через несколько лет рухнет казавшаяся незыблемой стена, разделявшая два немецких государства, и похоронит под своими обломками все социалистическое содружество, а вместе с ним и Советский Союз,

и многие идеалы, в которые мы так верили, а может быть, еще и продолжаем верить...

На вокзале я встретился со своим спутником, который направлялся на стажировку в Белгородский пединститут. Перрон уже наполнялся пассажирами, многие из них были в шапках-ушанках и с большой поклажей. По этим неизменным атрибутам я легко узнавал своих родных соотечественников. Поезд медленно тронулся, увозя нас в новый 1983, год, год новых надежд на лучший завтрашний день.

Глава 14. ПЕРЕСТРОЙКА В ВУЗЕ И ШКОЛЕ !?...

1983 год можно назвать годом особенным, годом Ю.В. Андропова. В конце 1982 года умер Генеральный секретарь КПСС Л.И. Брежнев, который возглавлял государство около 18 лет. В период его правления жизнь страны протекала без особых изменений, если не считать непонятного введения наших войск в Афганистан в 1979 году.

К очередям мы привыкли с рождения, но всегда были одеты-обуты (в основном, в продукцию отечественного производства) и не голодали. По утрам я с трехлитровым бидончиком ходил к гастроному «Восход», где стояла бочка с разливным молоком, и за 60 копеек наполнял свою посуду. Потом покупал килограммовую буханку хлеба за 16 коп. и батон за 22 коп. Позавтракав, отправлялся на работу – десять минут ходьбы. Леонид Ильич Брежнев не призывал «догнать и перегнать Америку», и мы тоже не торопились. Импортные вещи (одежду, обувь, косметику и т.п.) можно было купить только по счастливой случайности или в Москве, отстояв огромные очереди, но зато картофель, морковь и редис из-за границы, как сейчас, не завозили.

После смерти Л.И. Брежнева Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Ю.В. Андропов (кон. 1982 – нач. 1984 г.). Это был интеллигентный человек, знал английский язык, разбирался в экономике. Он решил, прежде всего, усилить трудовую дисциплину и в этом плане отличился определенной жесткостью. На предприятиях и в учреждениях создавались комиссии народного контроля. Стала вестись борьба со спекуляцией, т. е. перепродажей товаров по завышенной цене, что сейчас называется предпринимательством. Помню, как одну нашу лаборантку привлекли к уголовной ответственности и осудили за то, что она ездила в Москву, стояла в очередях, покупала дефицитные товары, а

потом перепродавала их в Белгороде. Члены народного контроля следили за соблюдением трудового режима не только на рабочих местах, они появлялись, например, в магазинах, кинотеатрах, парикмахерских и интересовались, почему работоспособные граждане находятся в рабочее время в неполюженном месте, а потом сообщали по месту работы. Мой сын и его коллеги, будучи тогда сотрудниками отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности белгородской милиции, измеряли площадь дачных домиков и проверяли документы на покупку использованных стройматериалов. Виноводочная продукция стала продаваться с 14.00 до 21.00.

В нашем педагогическом институте также была создана комиссия народного контроля. Ее председателем стал доцент кафедры ботаники А.А. Сиротин. На комиссию возлагался широкий круг обязанностей, в том числе, организация борьбы с коррупцией, пресечение взяток за сдачу экзаменов и зачетов, объективность зачисления абитуриентов. Проректор по учебной работе Н.В. Камышанченко каждое утро стоял при входе на второй этаж, наблюдая за своевременностью явки преподавателей и студентов на занятия. Вопросы трудовой дисциплины нашли свое отражение и при проведении ректоратов, и на партийных собраниях института. Своим руководством Ю.В. Андропов как бы встряхнул общество от долговременной спячки, дал импульс жизнедеятельности страны.

При жизни Андропова (к сожалению, он умер 4 февраля 1984 года в возрасте 69 лет) был опубликован проект ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», в котором указывалось, что «более весомый вклад в повышение уровня и результативности работы школы призвана вносить педагогическая наука. Очень важно усилить ее связь с жизнью, с практикой школы».

Ректорат и партком института проанализировали тематику научных исследований преподавателей, сократили мало-перспективные, не имеющие практического применения темы.

Советом вуза было утверждено девять госбюджетных коллективных и шесть хоздоговорных тем. Одной из магистральных тем Министерством просвещения РСФСР была утверждена тема «Совершенствование качества подготовки учителя к работе в сельской школе», которая объединила преподавателей одиннадцати кафедр. По согласованию с облоно (заведующий И.С. Соловецкий) для экспериментальной и методической работы были определены пять опорных сельских учебно-воспитательных комплексов. В «Белгородской правде» от 1 февраля 1984 года в рубрике «Обсуждаем проект ЦК КПСС о реформе школы» была опубликована моя обширная статья «Ученые – педагогам». На пленуме Белгородского областного отделения педагогического общества РСФСР состоялся большой разговор с участием руководителей детских дошкольных учреждений, учителей, ученых пединститута о подготовке детей к школе и ходе эксперимента «Школа – детский сад».

Проректоров по науке вузов России пригласили в Москву на совещание-семинар по вопросу перестройки школы. С заглавным докладом выступил зам. министра просвещения РСФСР Д.М. Забродин: «... И хотя мы неоднократно подчеркивали важность приближения вузовской науки к практике, в Белгородском пединституте (проректор по науке Тонков) умудрились утвердить тему доцента кафедры зоологии «Исследование тропы лося в Алексеевском районе». А в области восемнадцать районов! Так что? Восемнадцать лет будем исследовать, куда двигался лось? Кому это надо?», – заключил он под дружный смех и добавил: «Евгений Вячеславович Тонков, прошу зайти ко мне после совещания!».

После совещания в подавленном настроении я направился к Забродину, у которого бывал неоднократно, когда он был начальником ГУВУЗа, а с 1981 года Дмитрий Михайлович стал зам. министра просвещения РСФСР. Помнится, еще в августе 1968 года, будучи ректором Белгородского пединститута, он принимал меня на работу. Это был солидный мужчина, на пять лет старше меня,

строгий, но по натуре добрый. Я зашел в приемную и сообщил секретарю-референту о цели моего визита. Женщина, улыбаясь, провела меня в просторный кабинет с высокими потолками.

– Проходи, садись, – сказал Дмитрий Михайлович. – Вера Алексеевна, принесите нам чайку, – обратился он к секретарю.

– Мне не до чая, – парировал я.

– Что так? – усмехнулся Дмитрий Михайлович.

– Я считал, что Вы, наоборот, приведете нас в пример с нашими комплексными темами, с вовлечением в них всего педагогического состава, а Вы выхватили из отчета вашей инспектрисы одну злополучную индивидуальную тему, а о школах-комплексах она вообще не слышала, – с обидой говорил я.

– Успокойся, – улыбнулся Дмитрий Михайлович, – это, чтобы вы особо не зазнавались. Давай-ка все же попьем чайку с сушками, да расскажи мне о делах пединститута, я по нему скучаю.

Д.М. Забродин работал зам. министра просвещения РСФСР по 1989 год, затем занимал другие ответственные посты, а с 30.04.2002 г. был советником Белгородского госуниверситета с представительством нашего вуза в Москве. К сожалению, несколько лет назад он умер.

Как всегда, перед отъездом из столицы, я заехал к своему двоюродному брату Владимиру (сыну старшего брата моего отца), теперь уже на Лосиноостровскую, в новую квартиру. До этого он с женой и двумя детьми жил в центре Москвы, в переулке Дурова, откуда была видна башня Кремля. Дом был деревянный, постройки конца XIX века. Располагался он в глубине двора и состоял из четырех так называемых двухкомнатных квартир с общими кухней, туалетом и душем. По стенам туалета и душевой стекали струйки ржавой воды от старых железных труб. Перегородки между квартирами были из фанеры, обклеенной с двух сторон обоями, поэтому слышимость в доме была идеальной. Когда я приезжал для работы в Ленинке, мне отводили топчан у соседской стенки. По ночам из-за нее раздавался такой храп, что уснуть было невозможно.

Брат Володя был старше меня на шесть лет, работал инженером на «номерном» заводе, а его жена Рита – воспитательницей в детском саду. Зарплата у супружеской пары была мизерной. Выручала Рита, которая вечером приносила с работы еду, оставшуюся от обеда, если кто-то из детей не явился в группу: картофельное пюре, вареные макароны, иногда даже котлеты.

После долгого сидения в Ленинской библиотеке, где я работал над кандидатской диссертацией, я любил гулять по старому Арбату. Это были 60-ые годы – годы весенней оттепели, когда стало возможным высказывать свои мысли в стихах, прозе и других средствах массовой коммуникации. В Политехническом музее при переполненном зале звучали стихи Р. Рождественского, В. Вознесенского, Б. Ахмадуллиной, Е. Евтушенко. На Арбате художники продавали свои картины, шел обмен книгами, марками и монетами, из окон звучали песни В. Высоцкого и Б. Окуджавы. Люди собирались кучками, обсуждали интересующими их проблемы. Разговоры подогревались разливным пивом из стоящей рядом бочки и горячими пирожками.

Теперь брат жил далеко от привычных мест, но зато в благоустроенной трехкомнатной квартире пятиэтажного дома. Меня всегда встречали с радостью. А я всегда приносил сыр, колбасу, другие продукты, иногда бутылку вина. За рюмкой брат мог до полуночи беседовать на самые разные темы, особенно о международной и внутренней политике СССР, я же не любил эти бесполезные разговоры. На этот раз я не мог долго задерживаться, и Володя проводил меня к вечернему поезду «Москва – Белгород». На прощание он вручил мне коробку с пушистым сибирским котенком. Дома все были очень рады, котенка назвали Тюпой, и со временем он вырос в большого и очень красивого кота.

Прийдя в институт, я пригласил зав. кафедрой зоологии Александра Семеновича Будниченко (он был первым доктором наук, прибывшим в наш пединститут еще в 1969 году), а также исследователя «тропы лося» доцента N и поздравил их с тем, что

теперь вся Россия знает, как наша кафедра зоологии приближает науку к практике. «Но ведь это только одна тема, – оправдывался Александр Семенович, – а лося тоже надо изучать». А «исследователь» N, покраснев, опустил голову. Кстати, он до сих пор работает в БелГУ, что уж он сейчас изучает – не знаю.

Исходя из требований времени, целый ряд кафедр включился в хоздоговорную тематику. Правда, педагогическому вузу в этом плане приходилось сложнее, чем техническому или сельскохозяйственному. Белгородский пединститут нашел свою нишу в колхозе им. Жданова Старооскольского района, которым руководил умный и знающий человек, Вячеслав Николаевич Кузнецов. Нашими учеными (рук. Группы – доцент кафедры ботаники А.А. Сиротин) был внедрен новый метод биологического контроля за состоянием озимых культур, даны рекомендации по ремонту посевов. А.А. Сиротин и сейчас трудится на кафедре, ему присвоено ученое звание профессора. Я неоднократно встречался с председателем колхоза им. Жданова В.Н. Кузнецовым, с ним было легко и приятно вести разговор, он прекрасно понимал, что без науки сложно развивать сельскохозяйственное производство. С его колхозом на три года был заключен хозяйственный договор «Внедрение зональной научно обоснованной системы земледелия» на солидную, по тем временам, сумму – 100 тыс. руб. Однако, не все руководители сельскохозяйственных и промышленных предприятий позитивно относились к нашим предложениям, им нужен был желаемый результат сразу, здесь и сейчас.

Естественно, работа педагогического вуза имеет свою специфику. Мы вели поиск, в основном, по двум направлениям: «Теоретическая и практическая подготовка учителя к работе в сельской школе» и «Целостный подход к учебно-воспитательному процессу в учебно-воспитательных комплексах». При этом мы обращали внимание на ошибочность взглядов тех преподавателей, которые считали, что их основная работа заключается только в обучении студентов. Без активного участия в научной деятельности

вузовский преподаватель не сможет давать студентам качественные знания, поэтому он должен вносить свою лепту в общую копилку науки. Но это требование не должно быть усредненным. Я убежден, что не всякий преподаватель может писать монографии и статьи в иностранных сборниках. Для одних вполне реальной задачей может быть разработка фундаментальных проблем, для других – прикладного характера, связанных с составлением методических рекомендаций и учебных руководств, для третьих – прямое участие в решении производственных задач, внедрение новшеств в народное хозяйство. Таким образом, надо учитывать реальные возможности и способности каждого преподавателя, специфику той или иной кафедры. Я всегда придерживался этого мнения. И когда на Ученом Совете в марте 2010 года был поставлен вопрос об обязательности для каждого преподавателя публиковаться в рецензируемых изданиях, я выступил против. Меня поддержали мой сын – доктор юридических наук, профессор и Ю.Р. Колобов, доктор технических наук, профессор, а за ними и большинство членов Ученого Совета.

По итогам каждого года в Белгородском пединституте проводились научные конференции. У меня сохранилась программа такой конференции за 1983 год. На пленарном заседании слушали мой доклад «Содержание научно-исследовательской работы, ее эффективность и результативность в свете проекта реформы школы», «Проблемы активизации двигательного режима учащихся сельских школ» (Р.А. Ахундов, зав. кафедрой теоретических основ физвоспитания), «Д.И. Менделеев – ученый и педагог (к 150-летию со дня рождения)» (Л.В. Колчанова, ст. преподаватель кафедры химии). После заслушивания докладов преподаватели работали по 26-ти секциям, где они докладывали по темам своих исследований. Руководили секциями ведущие ученые, в основном, заведующие кафедрами, лучшие доклады публиковались в научных сборниках.

Делая доклад на научной конференции, я, прежде всего, обратился к цифрам о кадровом составе вуза на конец 1983 года. Из 308 преподавателей 5 имели степень доктора наук, а 122 – кандидата

наук. В институте не было своих специализированных диссертационных Советов, поэтому преподавателям приходилось защищаться в ведущих вузах страны. Каждая защита была событием не только для самого защитившегося, но и для всего вуза, а поздравление вывешивалось на видном месте в вестибюле первого этажа. В год защищалось пять-шесть кандидатских диссертаций, а докторские еще только писались. Поэтому к докторам наук относились с превеликим уважением. Это доктора биологических наук Александр Семенович Будниченко и Петр Васильевич Полетаев, доктор философских наук Аркадий Владимирович Маргулис, доктора филологических наук Валентин Николаевич Перетрухин и Марина Васильевна Федорова.

М.В. Федорова прибыла к нам в 1981 году, после работы в целом ряде вузов, но я помнил ее еще будучи школьником. Худощавая брюнетка с пронзительными карими глазами, в солдатской гимнастерке с орденскими колодками и гвардейским значком на груди, неоднократно заходила к нам домой для консультаций по курсовой работе, а затем и по кандидатской диссертации. Мой отец, Вячеслав Алексеевич, в то время был деканом историко-филологического факультета Воронежского педагогического института, преподавал древнерусскую литературу и фольклор. Марина Васильевна всегда очень тепло отзывалась о нем, а при встречах со мной начинала пространные ономастические беседы о происхождении фамилии «Тонков» и причинах «оканья» моего отца.

В.Н. Перетрухин и А.В. Маргулис были первыми докторами, возвращенными уже у нас. Прежде всего, они отличались своей эрудицией. Я с большим удовольствием посещал их учебные лекции, слушать было очень интересно, но записывать студентам было сложновато, о чем я не раз говорил. Эти ученые любили отстаивать свою точку зрения по любым вопросам не только «про себя», но и вслух. Мы относились друг к другу с симпатией,

поэтому, если возникали какие-то спорные ситуации, то я давал им возможность «выпустить пар» у меня в кабинете. На партийных собраниях и заседаниях Ученого Совета они тоже могли «завести публику». Я их называл «два бойца». К сожалению, в 1985 году в возрасте 57 лет В.Н. Перетрухин неожиданно умер от сердечного приступа, а А.В. Маргулис через некоторое время переехал в Подмоскowie.

Объем печатной продукции с каждым годом увеличивался, и в 1983 году он составил 87 п.л. против 62 п.л. в 1982 году. Этому способствовало проведение межвузовских всероссийских научно-практических конференций и, соответственно, публикация сборников. В 1983 году, к своему 50-летию, я опубликовал через Министерство просвещения РСФСР учебное пособие «Управление процессом нравственного воспитания старших школьников» (6 п.л.), а Гюстровской высшей педагогической школой (Германия) была напечатана на немецком языке статья «Управление и руководство процессом нравственного воспитания (1 п.л.) из цикла лекций, прочитанных мною в этом вузе.

Мое 50-летие и 25-летие моей педагогической деятельности прошли незаметно. Когда я уже собрался уходить домой, в кабинет, запыхавшись, вбежали Юрий Алексеевич Набережных, проректор по международным связям и Наталья Беседина, секретарь комитета ВЛКСМ (сейчас она доктор наук, профессор); поздравили и вручили иллюстрированную книгу «Аквариумные рыбки». В то время у меня в кабинете стоял круглый аквариум, и если кто-то из посетителей был чем-то взволнован, я предлагал посидеть и посмотреть на спокойно плавающих рыбок. Некоторым помогало. Следом, улыбаясь, зашел Василий Иванович Иванов, старый кадровик, участник Великой Отечественной войны: «Как я их раздраконил? – засмеялся он. – Звоню и говорю, вы что сдурели? Ведь у Тонкова сегодня юбилей!»

Ректор Петр Григорьевич Коняев в это время отдыхал в пансионате общества «Знание» и прислал открытку.

В феврале 1984 года новым Генеральным секретарем КПСС был избран Константин Устинович Черненко, 1911 г.р. Однако, поруководил страной он не более года, часто болел и в 1985-ом году умер. Чем было вызвано его избрание на этот пост до сих пор остается для меня «тайной мадридского двора».

Главой государства с 1985-го по 1991-ый год, т.е. до его распада, стал Михаил Сергеевич Горбачев, 1931 г.р. Достаточно молодой (54 года), энергичный, коммуникабельный, свободно выступавший «без бумажки», он отличался от других руководителей и вошел в историю как инициатор перестройки, хотя не совсем было понятно, что перестраивать и зачем. Врагом № 1 нашего общества М.С. Горбачев считал пьянство и в этом плане пошел дальше Андропова. Вино-водочная продукция исчезла из свободной торговли и стала продаваться только по талонам, которые выдавались раз в месяц на каждого взрослого гражданина. Был объявлен сухой закон, в Крыму стали выкорчевывать элитные виноградники. Выдавали талоны и в нашем пединституте, 1 талон – 1 бутылка водки. И теперь даже те, кто вообще не пил, покупали ее так, на всякий случай.

Помню, как после приема делегации из Вьетнама, ко мне подошел ее руководитель и достал из портфеля бутылку вьетнамской водки в качестве подарка. «Спасибо, но я не пью», – сказал я. «У вас сейчас дефицит с этим продуктом, примите, пожалуйста!» Так она и простояла у меня в сейфе лет двадцать.

Запретами М.С. Горбачев пьянство не остановил, а вот раздражение части общества было налицо, народ стал травиться суррогатами, оживились спекуляция и самогонварение. Безалкогольные комсомольские свадьбы также себя не оправдали и не прижились. Видно, слишком глубоки у нас в стране традиции употребления спиртного, а вот культуры употребления явно не хватает.

С новой силой зазвучали призывы к перестройке высшей и средней школы. С тех пор прошло 30 лет, мы все еще

перестраиваемся, а качество образования от этого не улучшается, а наоборот. Перестройка, прежде всего, просматривалась в тематике партийных собраний, совещаний, Ученых Советов. Всё в свете реформы высшей и средней школы, в свете проектов декабрьского или февральского пленумов ЦК КПСС. За неукоснительным выполнением этих постановлений строго следила недавно прибывшая к нам на должность секретаря парткома Татьяна Николаевна Кузнецова, работавшая до этого инструктором отдела науки и учебных заведений Белгородского обкома КПСС. В свое время она сама окончила наш пединститут. В июне 1985 года на заседании парткома был утвержден план мероприятий по ускорению научно-технического прогресса на 1986–1990 годы. Он предусматривал расширение и хоздоговорной тематики. В частности, кафедра политэкономии должна была заниматься социально-экономическими проблемами развития регионального агропромышленного комплекса, кафедра научного коммунизма – исследованием факторов стабилизации производственного коллектива и повышения дисциплины труда на одном из предприятий Белгорода. Перспективным оказался договор, заключенный с Шебекинским химическим заводом, по разработке и внедрению способов доочистки сточных вод с помощью высшей растительности.

Ускорение научно-технического прогресса непосредственно связывалось с совершенствованием подготовки кадров. Поэтому предполагалось повышение качества учебного процесса, эффективное использование электронно-вычислительной техники и учебно-методических кабинетов. В плане перестройки я предложил обратить внимание на эффективность чтения лекций, которые являются одной из важных форм учебного процесса. Посещение лекций преподавателей и их анализ показывали, что, чаще всего, лекции не несут новой информации, не активизируют студентов, а лектор имеет своей целью просто выполнить учебный план, т. е. прочитать отведенное ему количество часов, именно прочитать, не

отрываясь от конспекта. Я считал, что следует придавать большее значение не количеству прочитанных часов, а их качеству, связанному с проблемным чтением лекций, насыщенных изложением новых данных, постановкой поисковых вопросов. Лекция должна быть «работающей» и со стороны преподавателя, и со стороны студента, и занимать ведущее место среди всех форм организации учебной работы. А для этого важными являются еще два условия: чтобы преподаватель читал не более четырех часов в день, а студент был занят аудиторными занятиями, как максимум, шесть часов. В противном случае, устанут и преподаватель, и студент, снизится интеллектуальная деятельность. Сокращение обязательных аудиторных занятий должно идти параллельно организации самостоятельной работы студентов, их потребностной занятости в библиотеке, читальном зале, лаборатории, в школе, на предприятии, в студенческом конструкторском бюро. Ректорат и деканаты пытаются выделять для студентов старших курсов один свободный день в неделю, называя его днем самостоятельной или научной работы. Однако, практика показывает, что как бы его не называли, он чаще всего превращается для студентов во второе воскресенье с отъездом домой. Поэтому самое важное – это формирование личностного отношения студентов к учебной деятельности, чтобы они сами стремились найти лишнее время для полезной занятости. Лекция должна иметь эмоциональную «заряженность», именно этим отличались лекции профессоров В.Н. Перетрухина и А.В. Маргулиса, доцентов И.И. Августевича, Н.Е. Анкудиновой, А.П. Уварова. Несколько позже я изложил свои мысли на итоговой научной конференции преподавателей пединститута, а затем и в газете «Белгородская правда» от 9 августа 1986 года.

В марте 1986 года я был командирован на очередную межвузовскую конференцию, организованную Московским госуниверситетом. Еще до отъезда мы договорились в ректорате о проведении Ученого Совета, посвященного 60-летию ректора Петра

Григорьевича Коняева. Его юбилей совпадал с Днем парижской Коммуны – 18 марта. Я вернулся из Москвы в субботу, 16-го марта. Дома никого не было, а на столе лежала записка: «Я на субботнике. Оля». На территории пединститута бурно кипела работа: подметали, красили, убирали мусор, белили стволы деревьев. В помещениях тоже шла уборка. Ко мне подошел проректор по учебной работе Н.В. Камышанченко и сообщил:

– У нас новый ректор.

– Кто? Почему?

– Петр Григорьевич теперь пенсионного возраста. Министерство просвещения рекомендовало доцента из Нижнего Новгорода Льва Николаевича Шапошникова, 1949 г.р., то есть ему 37 лет.

Меня это сообщение удивило и озадачило. Петр Григорьевич – участник Великой Отечественной войны, проработал в своей должности 12 лет, за заслуги на этом поприще был награжден двумя орденами. Он многое сделал для развития материально-технической базы института, для открытия новых факультетов и кафедр; пединститут стал вузом I-ой категории, на его базе прошло много всесоюзных конференций и совещаний. Но, работая на руководящих постах почти всю свою жизнь, я убедился в том, что главное не то, как ты работаешь, а то, как ты покажешься тем, кто там, наверху. Важно, чтобы твой голос всегда звучал в унисон с их хором, чтобы ты всегда поддерживал их мнение, каким бы парадоксальным или нелепым оно не было. Не менее важное значение имеют дружеские и родственные связи. С Петром Григорьевичем Коняевым у меня всегда были равные отношения, спорные вопросы мы решали сообща. Несмотря на разницу в возрасте (он старше меня на семь лет), общались друг с другом на «ты».

И вот 18 марта, в 210-ой аудитории собрался Ученый Совет. Никто из руководителей других вузов не пришел, ведь П.Г. Коняев уже не был ректором. Вручили юбиляру памятный адрес, Н.Е. Черкашен от профсоюза – настольные часы. И Петр

Григорьевич Коняев перешел на должность доцента кафедры философии. А потом, с 2002-го года и на протяжении десяти лет, мы вновь работали вместе – советниками ректора.

На следующий день, 19 марта 1986 года меня пригласил для знакомства новый ректор Л.Н. Шапошников. Наши кабинеты находились рядом: общая приемная, направо – кабинет ректора, налево – мой, правда, в четыре раза меньше. Когда я вошел, ректор встал из-за стола поздороваться, взгляд его был строгий, даже угрюмый, видимо, таким образом он хотел придать солидности своей должностной фигуре:

– Я ознакомился с Вашим личным делом, стаж работы у Вас солидный и школьный, и вузовский. Прошу рассказать о сфере Вашей деятельности и ее результатах.

– К этому времени на тридцать одной кафедре семи факультетов института работает 344 преподавателя, из них 140 – дипломированные. Недавно защитили докторские диссертации Ф.П. Тройно, зав. кафедрой СССР и И.П. Прокопьев, зав. кафедрой педагогики начального обучения. Из Магнитогорского педагогического института к нам прибыли перспективные преподаватели: кандидат педагогических наук И.Ф. Исаев и кандидат психологических наук Н.И. Исаева. С каждым годом улучшается качественный состав преподавательских кадров, увеличивается объем печатной продукции. В настоящий момент готовится международная конференция с участием польских ученых из Опольской высшей педагогической школы.

К концу беседы с лица Льва Николаевича исчезла суровость, и он рассказал немного о себе: работает над докторской диссертацией по философии, жена – музыкальный работник, двое маленьких детей. Еще сказал, что все родственники и друзья остались в Нижнем Новгороде, поэтому адаптироваться в Белгороде будет сложновато. На этом мы пожали друг другу руки и расстались. Такие беседы ректор провел с каждым проректором. В течение всего времени, пока Л.Н. Шапошников руководил институтом (с марта

1986 г. по апрель 1989 г.), при работе с ним я не испытывал никакой напряженности – ректор и все проректоры работали сообща.

В то время призывов о перестройке школы, как общеобразовательной, так и высшей, было предостаточно, причем призывали все, начиная от министерств и ведомств и заканчивая низовыми подразделениями. Создавалось впечатление, что мы кого-то призывали, кого-то критиковали за медленные темпы перестройки, но только не себя. На мой взгляд, мы забывали, что эти кто-то – это мы сами и вместе взятые, и каждый в отдельности. Любая, самая прогрессивная, идея, любой, самый революционный, лозунг остаются благими пожеланиями, если они не подкрепляются реальными, практическими делами. Однако, тогда мы об этом мало задумывались, а слов, к сожалению, всегда больше, а дел меньше. Причем, разобраться в словословии сложнее всего было учителю – центральной фигуре в реализации школьной реформы. К примеру, в то время очень много говорилось и печаталось о педагогах-новаторах, таких как Л.А. Никитина, С.Н. Лысенкова, В.А. Караковский, Ш.А. Амонашвили, В.Ф. Шаталов, Б.П. Никитин, Е.Н. Ильин, И.П. Волков, М.П. Щетинин. О своем опыте они рассказывали по радио и телевидению, их работы публиковались. «Учительская газета» от 16.10.1986 г. посвятила их деятельности целую страницу под рубрикой «Педагогика сотрудничества». Сейчас, к сожалению, о педагогах-новаторах говорят редко и мало. А в то время всем учителям вменялось в обязанность обобщать опыт передовых учителей, но, при этом, кого именно и как обобщать не говорилось.

В журнале «Народное образование» была опубликована разгромная статья об эксперименте М.П. Щетинина (1987, № 6), и, в то же время, журнал «Огонек» (1987, № 29) приглашал на встречу с Михаилом Петровичем Щетининым – автором проекта «Школы радости и света». Получалось нечто вроде перебранки, в которой забыли о предмете возникшего спора. Нельзя не согласиться с Ю.К. Бабанским (см. «Советская педагогика», 1987, № 2, С. 6), который в

каждом конкретном опыте выделяет признаки всеобщего, особенного и единичного. Всеобщее он относит ко всем учителям всех предметов. Оно может быть перенесено, по мнению автора, в любые условия работы, так как в нем заключена общепедагогическая и общедидактическая идея. Особенное в опыте учителей характерно для определенного возраста детей или учебных предметов, поэтому не всегда даст желаемый результат. Наконец, в передовом опыте проявляются единичные и индивидуальные особенности учителя, которые присущи именно ему, часто не повторяемые в чужом опыте. И все эти признаки в каждом конкретном опыте надо вычленять, если действительно хотим взять его на вооружение. В противном случае, будет чистое прожектерство, опoшление любого педагогического опыта, любой педагогической идеи.

Именно так получилось с опытом М.П. Щетинина. Идея школ-комплексов была взята как признак всеобщего и стала реальностью, нашла отражение в Проекте реформы общеобразовательной школы, где говорилось: «Создать в экспериментальном порядке учебно-воспитательные комплексы, дающие возможность органически соединить общее образование с музыкальным, художественным, физическим развитием». В 1986 году в Белгородской области из 245 сельских средних школ 180 работали в режиме учебно-воспитательных комплексов и воплотили эту идею в жизнь. Взять ее на вооружение могла любая школа при наличии соответствующей материальной базы и кадров, способных обеспечить детям занятость не только в первую, но и во вторую половину дня. Однако, и здесь нужны были индивидуальные коррективы. И, кроме того, соответствующая направленность советских партийных органов, руководителей хозяйств, их жгучая деловая заинтересованность, что было характерно для Белгородчины. Вот почему за провозглашением лозунга о распространении и внедрении передового педагогического опыта, в том числе, и педагогов-новаторов, должна стоять вдумчивая, кропотливая работа. Причем,

она должна быть тесно связана с повышением методического мастерства учителей, с повышением их общей педагогической культуры.

Важное место в этом деле занимало педагогическое общество, среди активных членов которого выделялись преподаватели пединститута: И.И. Августевич, И.П. Прокопьев, И.Ф. Исаев, П.Т. Фролов, С.П. Гринева, Н.Е. Анкудинова, И.В. Рыбкина-Вейнгольд, Л.М. Дьяченко, О.Г. Левина, Е.В. Воронин, которые составили костяк лаборатории по изучению работы школ-комплексов на Белгородчине.

Как-то меня как председателя областного Совета педагогического общества, вместе с ответственным секретарем этой общественной организации Л.А. Королевой, пригласили в Москву, на заседание Президиума центрального Совета педагогического общества России с отчетом о работе педагогического общества Белгородской области по изучению и распространению опыта работы сельских школ-комплексов. На Президиум, который возглавлял академик Ю.К. Бабанский, собрался весь цвет педагогической науки, человек пятнадцать. Много вопросов задавали: профессор Военной академии А.В. Барабанщиков в генеральской форме, профессор Т.Е. Конникова, профессор Е.В. Бондаревская. В конечном итоге, постановили одобрить наш опыт и рекомендовать к распространению по всем регионам России. В перерыве заседания ко мне подбежала куратор центрального совета по Белгородской области и спросила: «Евгений Вячеславович, Вас чем лучше наградить, значком «За активную работу в педобществе» или премией?». – «Лучше премией, значков у меня предостаточно», – ответил я. В конце заседания мне вручили премию (800 руб.), а Л.Н. Королевой – значок.

Изучение, обобщение, распространение педагогического опыта обычно считают уделом сотрудников Российской академии образования, вузовских работников, методистов Института усовершенствования учителей (ныне – Институт развития

образования – звучит!). Однако, не в меньшей степени, этим делом обязаны заниматься непосредственные носители опыта – сами учителя. К сожалению, мы мало учим студента, будущего учителя, технологии научного исследования. Поэтому учителя, в большинстве своем, оказываются беспомощными в обобщении своего же собственного опыта или опыта своих коллег, во внедрении того, что уже можно взять на вооружение из опыта педагогов-новаторов. Вот и ждут чьих-то рекомендаций и руководств.

Весной 1986 года в Белгородском пединституте проходила конференция в рамках итогов НИР по проблеме учебно-воспитательных комплексов с участием руководителей базовых школ, облоно, методистов Института усовершенствования учителей. Разгорелся злющий, но деловой спор. Вузовские работники, прежде чем показать какие-то результаты, долго входили в сущность проблемы, а практиков одолевала жажда заполучить конкретные рекомендации, хотя среди последних было много опытных педагогов, заслуженных учителей республики. А они ждали помощи от молодого ассистента, от недавнего аспиранта, вместо того, чтобы самим давать эти рекомендации. Встреча показала отсутствие взаимного понимания, притяжения, вживания в проблемы друг друга, отсюда и взаимные претензии. Делали одно дело, а орбиты имели разные. Позже мною, совместно с аспиранткой, учительницей средней школы № 10 Н.С. Сердюковой, было опубликовано учебное пособие «Исследовательско-творческая деятельность учителя как фактор формирования профессионально-педагогической культуры», в котором давался анализ психолого-педагогической литературы по данной проблеме, показывались пути и методы, обеспечивающие успешную исследовательско-творческую деятельность учителя. Эта книга послужила основой кандидатской диссертации Н.С. Сердюковой, которая была успешно защищена в марте 2000 года.

В начале июля 1987 года в Белгороде проходило республиканское совещание ректоров вузов, зав. облоно, директоров

Институтов усовершенствования учителей по проблемам перестройки школьного и вузовского образования. Несколько раньше, в «Учительской газете» от 9 мая 1987 года, я высказал идею о присоединении к пединституту Института усовершенствования учителей. Эту идею своими откликами поддержали многие вузовские работники, в меньшей степени – облоно, т.к. для облоно институт усовершенствования – это могучая кучка инспекторов. Зам. министра просвещения РСФСР Д.М. Забродин выступая с докладом, рассказал, что данная идея находит поддержку Министерства в несколько расширенном варианте: базовый детский сад, базовая школа, педучилище, Институт усовершенствования учителей зачисляются на пединституте, которому дается в отношении вышеуказанных учреждений главенствующий юридический статус. Дело застопорилось на том, что пединститут находится на республиканском бюджете, а все остальные – на областном. И здесь призыв обращен непосредственно к Министерству: можно было бы реализовать этот проект вначале для нескольких регионов, в том числе, и для Белгородской области. В противном случае, реформа будет пробуксовывать и дальше, ведь перестройка предполагает не просто усовершенствование, чем мы занимались из года в год, а коренное преобразование. Однако, и до сих пор этот вопрос не разрешен. В Белгородской области Институт повышения квалификации учителей и переподготовки педагогических кадров в 2013 году, как я уже писал выше, получил новое название – Институт развития образования. Но такой институт должен решать несколько иные задачи, чем раньше, он призван быть экспериментальным центром по отслеживанию, опробированию всего нового, что предлагает педагогическая наука и постепенному внедрению этого в практику. Здесь нужна мощная материально-техническая база и квалифицированный коллектив ученых-практиков. Наиболее оптимизированный вариант – включить Институт развития образования в состав Белгородского

государственного национального научно-исследовательского университета, сделав его структурным подразделением.

В 1986-1989 годах продолжились исследования по комплексным темам: «Совершенствование теоретической и практической подготовки учителя к работе в школе», «Психолого-педагогическая подготовка учителя к работе в учебно-воспитательных комплексах», «Комплексное решение учебно-воспитательных задач в сельских учебно-воспитательных комплексах». Соответственно данной проблематике проводились республиканские межвузовские конференции: «Интенсификация учебно-воспитательного процесса в высшей школе», «Рациональная организация труда учителя и повышение его педагогического мастерства – важный фактор управления учебно-воспитательным процессом в школе». В мае 1986 года была проведена международная научная конференция «Пути подготовки современного учителя (вопросы теории и практики)» с участием десяти ученых из Опольской высшей педагогической школы (Польша). Возглавлял делегацию мой старый знакомый, проректор по социально-воспитательной работе, доцент Зигмунд Ломны, который неоднократно участвовал в проводимых нами конференциях, был на научной стажировке.

Современный учитель в своей деятельности должен был исходить из той основной задачи, которую ставило перед ним общество – всестороннее развитие личности ребенка. Наиболее благоприятные условия для этого создавали учебно-воспитательные комплексы. В то время в их составе работало 137 музыкальных школ, 132 изостудии, 132 спортивные школы, 97 – хореографических. Богатая разнообразная жизнь детей после занятий, тесные межпредметные связи на уроках рождали органичный сплав эмоционального и интеллектуального развития школьника. Возникла потребностная необходимость подготовки квалифицированных кадров, способных обеспечивать работу не только в первой, но и во второй половине школьного дня. Вот и

взялся Белгородский пединститут за подготовку выпускников, которые смогли бы сочетать учебную работу с внеучебной. Мы разработали систему обучения учителей широкого профиля, которые, по словам А.С. Макаренко, должны «блистать», быть разносторонними. На первом курсе все студенты включались в разнообразные факультативы, а также выбирали одно из отделений факультета общественных профессий: дирижерско-хоровое, хореография, искусствоведение, техническое творчество. Целый ряд спецкурсов и психолого-педагогических дисциплин был призван обогащать будущего педагога новыми знаниями, практическими умениями и навыками, которые обеспечивали бы им безболезненное вхождение в организацию работы учебно-воспитательных комплексов. При распределении на работу в обязательном порядке учитывалась вторая, общественная, специальность выпускников, она определяла выбор школы. Пединститутом была разработана система профориентационного взаимодействия «вуз – школа», включившая в себя и новое звено – учебно-воспитательный комплекс. Она предполагала организацию в каждой опорной школе ряда предметных кружков и факультативов под руководством студентов, совместные соревнования и туристические походы. Как правило, многие ученики, начиная с девятого класса, становились слушателями Школы юного педагога и выполняли цикл заданий, подготовленных психолого-педагогическими и специальными кафедрами. В результате – целенаправленный, ненавязчивый и качественный отбор учеников, желающих в будущем получить учительскую профессию. Выпускники учебно-воспитательных комплексов, поступившие в пединститут, лучше вживались в коллектив, увереннее чувствовали себя во время практики. В «Учительской газете» от 7 октября 1986 года была опубликована моя статья «Учитель завтрашнего дня», в которой я делился опытом работы Белгородского пединститута по подготовке учительских кадров.

В 1987/88 учебном году количественно и качественно изменился состав кафедр. Из кафедры русского языка выделилась кафедра русского языка национального отделения, которой стала заведовать молодой кандидат наук Галина Ивановна Пашкова (потом, в 90-ые годы, она ряд лет работала проректором по заочному обучению). В 1991 году, после перепрофилирования появилась кафедра общей филологии, ее возглавила доктор филологических наук, профессор Вера Константиновна Харченко, известный в стране филолог, опубликовавшая целый ряд монографий и учебных пособий. Она и сейчас на своем посту. В связи с введением на факультете русского языка и литературы второй специальности «методист по воспитательной работе», кафедра теории и методики воспитательной работы приобрела статус общеинститутской.

С каждым годом увеличивался объем печатной продукции, в 1987 г. он составил 140 п.л., в 1988 – 200 п.л. Среди изданий следует отметить учебные пособия: Фролов П.Т. Школа молодого директора. – М.: Просвещение, 1988; Хорошавин С.А. Физический эксперимент в средней школе (6-7 кл.). – М.: Просвещение, 1988; Прокопьев И.П. Педагогическая практика. – М.: Изд-во АПН СССР, 1988. За внедрение хоздоговорной темы «Учет, контроль и анализ хозяйственной деятельности предприятия» доцент кафедры алгебры и геометрии В.З. Соколинский был награжден серебряной медалью ВДНХ СССР. Владимир Зиновьевич Соколинский – один из плеяды молодых талантливых ученых, долгое время возглавлял научно-исследовательскую работу студентов (НИРС). Затем его сменил доцент кафедры психологии В.Н. Ткачев, который в 2002–2012 годах был проректором по учебной работе БелГУ, а я в этот период – советником ректора по кадрам.

Была разработана экспериментальная программа для всех педвузов страны «Методика воспитательной работы» (Е.В. Тонков, Н.А. Некрасова, Н.Г. Тарасенко), изд-во АПН СССР. Наталья Александровна Некрасова – кандидат педагогических наук, зав. кафедрой теории и методики воспитательной работы. Надежда

Григорьевна Тарасенко – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики увлеклась идеями Марии Монтессори (1870-1952), создавшей свою методику развития у детей дошкольного и младшего школьного возраста органов чувств. В домах ребенка, работавших под руководством М. Монтессори, детям предоставлялась свобода выбора любого материала для занятий, который наиболее соответствовал «внутренним потребностям» ребенка, но любое занятие с детьми должно включать в себя педагогическую цель. Для усовершенствования слуха, зрения, осязания ею была разработана система дидактических материалов. Мария Монтессори смотрела на ребенка как на активную личность, развивающуюся благодаря внимательной работе над заинтересовавшим материалом. Н.Г. Тарасенко создала лабораторию педагогики Монтессори. Были установлены научные связи с учеными земли Северный Рейн – Вестфалия (ФРГ), которые занимались этой проблемой. Они неоднократно посещали наш институт, делились опытом своей работы и дидактическим материалом. При лаборатории работает школа развития, в которой и сейчас обучаются 20–30 дошкольников. По программе, разработанной Н.Г. Тарасенко, работает целый ряд детских садов г. Белгорода и региона.

Разработав программу по методике воспитательной работы, мы отпечатали ее в нашей типографии и взяли 100 экземпляров с собой, на научную конференцию, которая в сентябре проводилась в Одессе. Организатором конференции был профессор Л.И. Рувинский, зав. лабораторией нравственного и эстетического воспитания МГУ им. М.В. Ломоносова. И вот я и Н.А. Некрасова электричкой, за 80 коп., доехали до Харькова, а уже оттуда, поездом, до Одессы. Там я познакомился с известным ученым, директором НИИ педагогики Украины, академиком М.Д. Ермаченко. Спустя год он передал через моего сына, работавшего тогда в Киеве, подарок – учебник «Педагогика» на украинском языке под его редакцией.

С М.Д. Ермаченко мы долго потом поддерживали научные и дружеские связи.

На конференции обсуждался и был одобрен наш проект программы по методике воспитательной работы. Была и культурная программа, включая посещение знаменитого театра. Одесса удивила меня своим радушным приемом и неповторимым своеобразием. Когда я уже собрался в обратную дорогу, ко мне в номер вошла Н.А. Некрасова и озадачила: «Извините, я провожу Вас на поезд, но сама не поеду». – «А как же обратный билет?» – «Ничего, через день я прилечу самолетом, Леонид Изотович просил задержаться». Через день она действительно прилетела, но только для того, чтобы уволиться с работы: «Леонид Изотович пригласил меня в Москву, в свою лабораторию». Через некоторое время я узнал, что Н.А. Некрасова вышла замуж за Л.И. Рувинского, хотя была на 20 лет его моложе, а он из-за нее оставил свою семью. После этого я перестал общаться с Леонидом Изотовичем.

В октябре 1987 г. я второй раз побывал в Польше, но теперь уже не один. В соответствии с договором о совместном сотрудничестве между Белгородским педагогическим институтом и Высшей педагогической школой г. Ополе, десять преподавателей нашего вуза отправились на научную конференцию, посвященную 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. До этого мы выслали свои статьи, которые были опубликованы польской стороной в сборнике материалов совместно с опольскими коллегами. Всего в сборник было помещено десять материалов с нашей стороны и тринадцать – с польской. Со своими докладами в г. Ополе, кроме меня, отправились: Анкудинова Н.Е., зав. кафедрой психологии; Благасова Г.М., зав. кафедрой литературы XX века; Исаев И.Ф., доцент кафедры педагогики; Кузнецова Т.Н., секретарь парткома; Прокопьев И.П., зав. кафедрой педагогики и методики начального обучения; Скворцов Б.П., зав. кафедрой философии; Тройно Ф.П., зав. кафедрой истории СССР; Уваров А.П., доцент кафедры истории КПСС; Черкашен Н.Е., председатель профкома.

Следует отметить, что встретили нас достаточно вежливо, но не так подобострастно, как встречали меня в 1976 году. Всеми вопросами, связанными с пребыванием нашей делегации в Ополе, занимался проректор по науке. Сначала нас разместили в общежитии, но потом, в связи с ремонтом, перевели в другое здание.

Первого октября нас пригласили на торжественное заседание Ученого Совета, посвященное началу нового учебного года (у них он начинался с октября). В зал чинно, двумя колоннами, вошли члены Ученого Совета в черных мантиях и т. н. «конфедератках» – четырехугольных головных уборах. Ректор поздравил всех с началом нового учебного года, рассказал о задачах на будущий год. Затем он представил нашу делегацию и предоставил мне слово. Я поблагодарил за приглашение на Ученый Совет, поздравил всех с новым учебным годом и пожелал дальнейшего развития отношений и сотрудничества между нашими вузами. В этот же день состоялась конференция, которую скорее можно было назвать семинаром. Кроме нашей делегации, с польской стороны присутствовали авторы сборника, который был у всех в руках, и еще несколько любопытствующих, всего человек тридцать. Доклады мы не зачитывали, а просто по их содержанию шла довольно интересная дискуссия. Вели семинар проректор по научной работе и я. Следует отметить, что в своих сообщениях польские коллеги подчеркивали важность воспитания студенческой молодежи, но старательно избегали слово «коммунистическое».

Мы, в свою очередь, подчеркивали, что просто воспитание не несет в себе смыслового содержания, оно должно быть наполнено теми качествами, которые мы должны воспитывать. Интересным было выступление Н.Е. Анкудиновой, которая утверждала, что важнейшим условием всестороннего и гармоничного развития личности учащегося является целостный подход в ее формировании. О глобальных современных педагогических проблемах рассказал З. Ломны. Ю. Журавицки поднял злободневный вопрос о роли средств массовой информации в воспитании. Вызвала

заинтересованный разговор тема доцента И.Ф. Исаева «Актуальные проблемы совершенствования воспитательной деятельности преподавателей вуза». Кстати, через год И.Ф. Исаев на Ученом Совете Белгородского пединститута будет избран зав. кафедрой педагогики, т. к. у В.К. Ивановой закончится срок пребывания в этой должности – 10 лет. В 90-е годы И.Ф. Исаев станет доктором педагогических наук, профессором, Председателем специализированного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по педагогике.

Следующий день наша делегация провела на экскурсии по г. Ополе. Ближе к вечеру к нам подбежала секретарь отделения Общества польско-советской дружбы со своим сынишкой лет семи и извинилась, что из-за болезни не смогла организовать встречу с членами общества. Я подарил мальчику металлический рубль с изображением В.И. Ленина, и на этом мы расстались.

Вечером состоялся скромный прощальный ужин с участием проректора по научной работе и нескольких преподавателей, и мы стали собираться домой. Произошла заминка: по неизвестной причине не приехал институтский автобус, который должен был везти нас на вокзал. Администрация спешно стала вызывать такси, и мы прибыли на вокзал всего за несколько минут до отхода поезда. Я ехал в последней машине и второпях вскочил в вагон другого поезда. Хорошо, что спросил: «Этот поезд куда?» – «Во Вроцлав». Я спрыгнул обратно на платформу и уже почти на ходу вскочил в свой поезд, отходивший на Варшаву. «А мы думали, что Вы уже давно здесь», – удивилась моему запыхавшемуся появлению Н.Е. Анкудинова. – «Я же вас рассаживал по машинам и никак не мог приехать раньше». Наконец, все расселись на свои места, успокоились, и мы благополучно вернулись в Белгород. К сожалению, на этом связи между Белгородским пединститутом и Опольской высшей педагогической школой, по известным причинам, надолго прекратились.

В мае 1989 года ректор Л.Н. Шапошников все же нас покинул, уехал обратно в свой Нижний Новгород, сначала стал проректором, а затем и ректором педагогического университета. Его сменил кандидат философских наук, доцент Николай Иванович Прохоров. Его можно было считать «своим» человеком, т. к. в 1962 году он закончил филологический факультет нашего пединститута. Потом была Высшая партийная школа при ЦК КПСС и аспирантура при ЦК СЕПГ в Берлине (он в совершенстве владел немецким языком), в Белгороде Н.И. Прохоров был 1-ым секретарем городского, а затем и областного обкома ВЛКСМ, а перед тем, как приехать к нам, работал в должности декана и зам. ректора Высшей комсомольской школы. Коллектив нашего пединститута единогласно проголосовал за кандидатуру нового ректора. Н.И. Прохоров был интеллигентным человеком по своей сущности, а не просто сообразно образованию. Он был приветлив со всеми, не повышал голос, всегда внимательно выслушивал собеседника. По натуре он действительно был философом, бывало, заходишь к нему с каким-нибудь вопросом, а он в ответ начинает говорить и так заговаривает, что забываешь, зачем и приходил. Как-то Николай Иванович заглянул ко мне в кабинет, осмотрелся и улыбнулся: «Хоть и говорят, что не место красит человека, а человек место, но и из этой поговорки есть исключения. Пора бы Вам, Евгений Вячеславович, подыскать себе кабинет попросторнее. Это не просто для солидности, а скорее, для работы, ведь Вы часто принимаете большое количество сотрудников». Прислушавшись к его совету, вскоре я перебрался в кабинет № 210 вместе со своей буйно растущей монстерой и аквариумом. В нем я проработал 11 лет, до переезда в новое здание университета на ул. Победы, 85.

Во время прихода нового ректора в пединституте проводились фундаментальные и прикладные исследования по широкому спектру психолого-педагогических, гуманитарных, естественных и других направлений и проблем науки, образования и культуры. Среди них: «Исследование психологических механизмов и

закономерностей становления индивидуальности профессионала» – Н.Е. Анкудинова; «Изучение прочности и пластичности материалов» – Н.В. Камышанченко; «Изучение действия инсулина на вегетативные функции в ряду позвоночных» – Е.А. Липунова; «Проблема отрицательных влияний в воспитании» – И.П. Прокопьев; «Техника и технология демонстрационного эксперимента» – С.А. Хорошавин; «Учебно-воспитательный комплекс сельской школы как социальное и педагогическое явление» – Е.В. Тонков. В 1989 году с грифом Академии педнаук СССР НИИ общей педагогики под вышеуказанным названием был опубликован сборник материалов экспериментальных исследований, подготовленный учеными Белгородского пединститута совместно с Белгородским отделением педобщества РСФСР, в творческом сотрудничестве с НИИ школ общей педагогики АПН СССР. Это был своеобразный отчет о работе по данной проблеме. В конце сборника представлен библиографический указатель работ, опубликованных преподавателями Белгородского пединститута – членами общественной лаборатории при Белгородском областном отделении педобщества РСФСР – по проблемам сельских школ (учебно-воспитательных комплексов), всего 84 наименования.

В 1990 году я получил письмо от заместителя главного редактора журнала «Советская педагогика» Л.В. Тодорова с предложением подготовить для публикации статью о связи Белгородского пединститута с учебно-воспитательными комплексами, поделиться опытом работы. Естественно, я согласился с этим предложением, и в № 3 за 1991 год упомянутого журнала была опубликована моя статья «Педагогический вуз и сельская школа-комплекс».

В ноябре 1989 года ректор Н.И. Прохоров принимал делегацию из США. На встрече, кроме меня, присутствовали: В.И. Луев, декан факультета иностранных языков и В.А. Доборович, доцент кафедры английского языка. Договаривались мы о взаимном и долгосрочном сотрудничестве. А в марте 1990 года Н.И. Прохоров неожиданно для

всех подал заявление об уходе. Оказалось, что на Пленуме обкома КПСС его избрали секретарем обкома по идеологии. «Как же так?» – спросил я Николая Ивановича, – «Такое беспокойное время, и Вы согласились. К тому же, наш коллектив так хорошо Вас принял». – «Партия сказала «надо!», вот я и не возражал», – уклончиво ответил Николай Иванович. Но вскоре наступили другие времена. Первый секретарь обкома партии, Герой социалистического труда А.Ф. Пономарев стал ректором Белгородской сельскохозяйственной академии, а Н.И. Прохоров – преподавателем общественных дисциплин в Белгородском педучилище. Как-то на рынке я услышал громкий, зычный голос А.Ф. Пономарева, подошел к нему, поздоровались. «Ты только посмотри, ну что это за куры! Худосочные, не куры, а одни длинные ноги, как у балерин», – возмущался он. Я согласился, что действительно непонятно, где эти куры росли и чем питались, но добавил, что в других областях и таких нет. Действительно, наша область считалась самодостаточной, в магазинах Белгорода основные продукты были, за ними к нам приезжали из соседних областей. Поэтому городская администрация стала выдавать своим жителям специальные удостоверения с фотографией и гербовой печатью, и некоторые продукты можно было купить только при предъявлении такого «документа».

Ну, а теперь к делу. Кресло ректора Белгородского пединститута оказалось вакантным. Ко мне в кабинет зашла секретарь парткома Татьяна Николаевна Кузнецова и спросила: «Кого будем рекомендовать на должность ректора?» В ее вопросе уже читался и мой ответ: «Конечно, Николая Васильевича Камышанченко, он уже 12 лет работает проректором по учебной работе, хороший управленец, его знает коллектив». «Так и порешим», – сказала Татьяна Николаевна. На Ученом Совете пединститута Н.В. Камышанченко рекомендовали кандидатом на должность ректора. Нашелся и самовыдвиженец – проректор по заочному обучению Александр Григорьевич Дьяченко, который выступил со своей программой, но его мало кто поддержал. По

результатам тайного голосования подавляющим большинством голосов на должность ректора был избран Николай Васильевич Камышанченко.

15 мая 1990 года президент СССР М.С. Горбачев подписал Указ «О государственной программе развития высшего образования в СССР», в котором подчеркивалась приоритетность высшей школы в обновлении и интеллектуализации общества, в насыщении его знаниями. Наконец-то там, наверху, стали приходить к мысли о том, что переустройство нашего общества во всех сферах жизни зависит от уровня образованности граждан.

В своей передовой статье «Знания – понятие неоднозначное» в институтской газете «Учительская смена» от 5 сентября 1990 года я старался показать, что знания – это еще не образованность, и они нужны не ради знаний, а ради их воплощения в конкретные дела, наполненные судьбоносным для общества содержанием. «... За много лет мы свыклись с мыслью, что преподаватель вуза – это обычный служащий, таково его социальное положение. И исходя из этого, мы отбываем службу – реализуем учебные планы и программы, дабы выполнить положенное количество часов в рамках означенной программы. А если вдруг намечается невыполнение часов, то в срочном порядке можно разбавить учебные поручения консультациями, педпрактикой, работой на ГЭЖе, курсовыми. Тем самым, хотим мы этого или нет, студент и его профессиональная подготовка отодвигаются на второй план. Студент, в конечном итоге, все равно получает высшее образование, которое в наше время, к сожалению, стало очень усредненным.

Мы не устаем повторять, что образование включает в себя, прежде всего, систему знаний, умений и навыков, забывая о том, что даже отлично усвоивший эту систему не всегда становится образованным человеком, компетентным в своей профессии. На мой взгляд, главное заключается в том, каким путем происходит усвоение знаний и во имя чего. Еще французский писатель и педагог Анатоль Франс писал, что знания надо поглощать с аппетитом. Вряд

ли вызовет у студента аппетит к знаниям лекция, переложенная из учебника, или семинарское занятие, заключающееся в прочтении законспектированных ответов на поставленные вопросы. Естественно, и лекция, и семинар – важные формы организации учебной работы, но они должны быть проблемными, заставляющими думать, пробуждать мысль.

Нивелирование высшего образования в настоящее время может усугубиться еще и тем, что согласно постановлению правительства всем успевающим студентам с 1 сентября этого года, независимо от оценок, будет выдаваться стипендия. Уже последняя экзаменационная сессия показала, что многие студенты стали удовлетворяться посредственными оценками (стипендия ведь и так будет, ну и ладно). Теперь нужны новые стимулы, новая мотивация деятельности. Вот почему нами всячески должны поощряться научные конференции, олимпиады, конкурсы, викторины, диспуты. Такая непрерывность разнообразных и непринужденных форм обучения будет настоящей гимнастикой ума и сможет служить критерием экзаменационной оценки. В прошедшем учебном году увлекательно прошла внутривузовская олимпиада по педагогике среди факультетских команд – настоящее соревнование знаний. Призеры этой олимпиады (студенты вторых курсов) были поощрены отличными оценками по педагогике без сдачи официального экзамена. В целом, на мой взгляд, обучение должно быть конкурсным, с соответствующими моральными и материальными стимулами. ... Мы всячески должны поощрять подготовку дипломных работ как заявку на дальнейшую творческую работу учителя. А для этого надо, чтобы уже с первого года обучения студент постепенно входил в науку, определил вместе с преподавателем тему, ознакомился с методами исследования. Тогда у нас меньше будет усредненных учителей, жаждущих заполучить те или иные разработки и бездумно применяющих у себя чужой, хотя и передовой педагогический опыт.

Новые задачи не могут решаться вне педагогического корпуса вузовских преподавателей, которые тоже должны глубоко осознавать важную истину – во имя чего повышать квалификацию, писать научные труды, защищать диссертации, получать ученые степени и звания. Гражданская ответственность за подготовку учительских кадров должна лежать в основе всех наших начал».

С 12 по 13 ноября 1990 года в Белгородском государственном педагогическом институте проходила Всесоюзная научно-методическая конференция «Пути повышения педагогического мастерства преподавателей высшей школы». Инициаторами проведения были Академия педнаук СССР, Центральный Совет Педагогического общества РСФСР, учебно-методическое объединение педагогических учебных заведений на базе Московского госпедуниверситета им. В.И. Ленина, Белгородский госпединститут и Белгородское областное отделение Педобщества РСФСР. Большую организационную работу провел зав. кафедрой педагогики БГПИ и председатель секции педагогики высшей школы Белгородского педобщества И.Ф. Исаев. Участниками конференции были преподаватели шестидесяти вузов из сорока городов страны: Москвы, Ленинграда, Красноярска, Киева, Ашхабада и др. Широко были представлены доклады преподавателей белгородских вузов – 95, из них 65 – из БГПИ. Работу конференции открыл ректор БГПИ Н.В. Камышанченко. С приветственным словом к участникам обратился секретарь обкома КПСС Н.И. Прохоров. На пленарном заседании с докладом «Теоретические основы целостного педагогического процесса в высшей школе» выступил академик АПН СССР, доктор пед. наук, профессор Б.Т. Лихачев. Свой доклад член-корреспондент АПН СССР, доктор пед. наук, зав. кафедрой высшей школы МПГУ им. В.И. Ленина, профессор В.А. Сластенин посвятил теме «Профессиональная деятельность и профессиональное мастерство преподавателя высшей школы». Доклад Ф.П. Кесаманлы, доктора физико-математических наук, профессора экспериментальной физики Ленинградского

технического университета затронул две проблемы: развитие творческой активности студентов и роль самостоятельной работы в системе профессиональной подготовки специалистов. После Пленарного заседания работа была продолжена заседаниями «круглых столов», на которых обсуждались различные аспекты и проблемы высшей школы. Были выработаны соответствующие рекомендации. Эта солидная Всесоюзная научная конференция оказалась своеобразным последним аккордом в структуре уходящего советского государства. Наступал 1991 год.

Под руководством ректора Белгородского государственного педагогического института Н.В. Камышанченко, в условиях кризиса общественной системы, тяжелого социально-экономического положения наш вуз смог подняться на новую ступень своего развития. В феврале 1994 года Белгородскому государственному педагогическому институту был присвоен статус педагогического университета. Указом Президента Российской Федерации от 12 июля 1996 года на основе Белгородского государственного педагогического университета, территориально-экономического факультета и базового медицинского колледжа был создан Белгородский государственный университет.

Но это уже другие времена и другая история.

ЭПИЛОГ

Восемьдесят один год – много это или мало? Мне до сих пор кажется, что не очень много, хотя за плечами пятьдесят пять лет педагогической деятельности. Молодым людям, да и не очень молодым, вероятно, думается, что это даже слишком много, и они считают меня человеком другой эпохи. Во многом они правы, но правда, как всегда, посередине.

Долголетие – категория относительная. В каждом человеке заложен генетический код, данный природой, и его мало чем изменишь, если, конечно, не будешь слишком уж пренебрегать своим здоровьем. Я и мои сверстники жили в другой стране, и я горжусь тем, что моя трудовая биография пришлась, в основном, на век двадцатый – насколько трагический, настолько и героический. В семьдесят девять лет я ушел с работы и сейчас, когда впервые за долгие годы появилось свободное время, и я не занят никакими производственными и научными делами, с особой ясностью предстают передо мной первые вехи моей взрослой жизни. Отчетливо, с мельчайшими подробностями вижу события полувековой давности.

Я всегда считал, что обучение – это часть воспитания. Можно научить решать задачи, писать диктанты, пересказывать тексты, но воспитание – это не только слово и не столько слово. Это комплекс всех влияний на личность и деятельность самой личности.

Наше образование, как гоголевская птица-тройка, мчится вслепую вперед, и никто его не остановит. Новации нынешних реформаторов я не принимаю или просто не понимаю. Какова их конечная цель? Что позитивного они могут дать для образования? Нельзя забывать, что образование – это зеркало общества. Хаос в

образовании отражает хаотическое состояние современного состояния нашего социума. Править человеком стала не мораль, а деньги, которые нивелировали все святое, что было в России.

Да, материально жить мы стали лучше, но это материальное поглотило почти все духовное! Исчезла нравственность в том смысле, в котором мы ее понимали. Она оказалась невостребованной.

Скоропалительно разломав крепкую систему советского образования, нынешнее реформированное образование выживает только за счет обломков прежнего опыта своих предшественников. В мутной воде инноваций и модернизаций не потерять бы ребенка! Какое общество – такое и воспитание. С этим вряд ли кто поспорит.

«Человек воспитывается на каждом квадратном метре земли», – говорил А.С. Макаренко. Где же сегодня эти квадратные метры, на которых можно воспитывать? Наша педагогика сформировалась на идеях Песталоцци, Ушинского, Сухомлинского, которые тоже сегодня забыты.

В организации образования мы часто бездумно торопимся принять за образец западные новации, стремимся слепо копировать чуждый нам по духу опыт без учета российского менталитета.

Поэт Михаил Светлов написал: «Я могу жить без необходимого, но не могу жить без лишнего».

Вот это самое «лишнее», не заключенное в жесткие рамки, служит питательной средой для формирования уникальности российского образования и всегда отличало качество образованности нашего человека, наделенного творческим началом.

Еще Константин Дмитриевич Ушинский, портрет которого и медаль его имени я храню как самые дорогие свои реликвии, выступал против подражательства и настаивал, что в основе нового гуманного образования в России должна лежать не универсальная, а родная культура, православная нравственность и наука.

Для меня до сих пор, как молитва, звучат его слова: «Обучение само по себе, вне воспитания, есть бессмыслица, ничего, кроме вреда не приносящая».

Я буду считать свою миссию выполненной, если эту книжку прочтут студенты и учителя, все те, кому не безразлично воспитание наших детей, а значит, и судьба Отечества.

К ПРОБЛЕМЕ ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ И ЕГО СУЩНОСТИ

Обозначены различные подходы к проблеме цели воспитания и его сущности. Акцентируется внимание на дефиниции «воспитание». Анализируется целый ряд понятий «воспитание». Обосновывается воспитание как организация деятельности, направленная на формирование нравственных качеств личности и обратное отношение личности к этой деятельности, проявляющейся в соответствующих поступках и их мотивации. Воспитание предполагает перевод внешних требований во внутренние побуждения личности, создавая тем самым условия для саморазвития и самовоспитания. В этом его сущность.

Воспитание – не абстрактное понятие, оно вмещает в себя определенную цель. В постановке любой цели следует исходить из возможностей реализации этой цели, от социально-экономического и политического устройства общества.

В современных условиях трудно транслировать молодому человеку образец для подражания.

В этих условиях реальнее всего исходить из комплекса целей, которые рождаются в процессе деятельности и постепенно приближают к идеалу.

Этому во многом будут способствовать цели – перспективы.

Ключевые слова: цель, воспитание, воздействие, развитие, система, перспектива.

Основным содержанием педагогической науки являются цель воспитания и способы ее достижения. И чем осознанней выступает цель воспитания, тем в большей мере можно ожидать позитивного результата.

Прежде чем говорить о цели воспитания, следует обратиться к дефиниции воспитания, которое трактуется не всегда однозначно.

Еще известный педагог конца XIX – начала XX столетия М.И. Демков писал: «Простое и доступное [понятие «воспитание»] в том случае, когда не задаются широкими задачами и не умеют в

него углубляться, оно делается трудным при ближайшем знакомстве и изучении. Отсюда, быть может, так разнообразны взгляды на воспитание, и оттого до сих пор нет в этой области желательного единства» [3, 1].

Действительно, одни считают, что воспитание – это передача опыта от старшего поколения младшему. Другие полагают, что воспитание представляет целенаправленное воздействие воспитателей на сознание и поведение детей и молодежи, на их мировоззрение, взгляды, поступки, привычки. Третьи рассматривают воспитание как деятельность педагога, направленную на создание психолого-педагогических условий для удовлетворения базовых потребностей школьников. Воспитание в такой интерпретации подчеркивает ведущую роль воспитателя в формировании личности, но за такими определениями, на наш взгляд, не виден сам ребенок.

Участие в воспитании принимают не только какое-либо лицо или учреждение, а вся социальная среда, всё, что окружает, и всё, что способен воспринимать индивидуум, т.е. воспитание «...совершается не только в классе, а буквально на каждом квадратном метре нашей земли» [А.С. Макаренко].

Известный психолог Б. Г. Ананьев, определяя личность как объект многих экономических, политических, правовых, моральных и других воздействий соответствующей общественно-экономической формации, подчеркивает, что лишь охарактеризовав основные силы, влияющие на формирование личности, включая социальное направление образования и общественного воспитания, т. е. определив человека как объект общественного развития, мы можем понять внутренние условия его становления как субъекта общественного развития [1, 276].

Суть воспитания сводится к тому, что в человеке намечаются определенные сдвиги, изменяется, прежде всего, духовное содержание его личности. Это происходит в результате целого комплекса воздействий, которые можно подразделить следующим образом:

1. Целенаправленное, преднамеренное воспитание со стороны школы, семьи, социального строя в целом создает педагогическую обстановку, способствующую нравственному становлению личности.

2. Окружающая среда: улица, внешкольный коллектив, неформальные объединения, различные житейские ситуации и бытовые условия не всегда могут создавать педагогическую обстановку, благоприятную для воспитания.

В таком контексте мы вправе говорить о двойственной природе процесса воспитания. С одной стороны – это целенаправленный, организуемый и управляемый процесс, а с другой – процесс, подверженный влиянию многочисленных стихийных факторов [5, 21].

Аналогичной точки зрения придерживался Ю.П. Сокольников, который считал, что «процесс воспитания личности представляет собой совокупность последовательно развертывающихся во времени воспитательных взаимодействий. Эта совокупность включает в себя взаимодействия и стихийные, и целенаправленные, различные по своему конкретному содержанию, по степени управляемости» [8, 13-14].

Поэтому, говоря о целенаправленном и преднамеренном воздействии на личность, не следует забывать, что в реальной действительности нет стерильного процесса с идеальными влияниями. Сила того или иного воздействия зависит от глубины познания воспитательного процесса, где бы он ни протекал – будь то школа, коллектив, культурная среда, семья или улица.

Без такого подхода к процессу воспитания трудно объективно определить степень влияния того или иного воздействия на личность, так как слишком много факторов, видимых и скрытых, участвует в этом процессе.

Иными словами, назначение воспитания заключается в том, чтобы упорядочить весь комплекс воздействий, влияющих на становление личности, создать условия для ее саморазвития. В этом заключается сущность процесса воспитания [В.В. Давыдов].

Продолжая мысль академика В.В. Давыдова, следует подчеркнуть, что создание условий предполагает субъект-субъектное взаимодействие между воспитателем и воспитанниками, включение их в различные виды социальных отношений в учебе, общении, практической деятельности, в процессе которых происходит самореализация личности, осознание каждым своего «Я».

В.А. Каракровский, Л.И. Новикова, Н.Л. Селиванова в своей концепции обосновывают воспитание как целенаправленное управление развитием личности, которое является частью процесса социализации. Они также правомерно считают, что главное в воспитании – создание условий для целенаправленного систематического развития человека как субъекта деятельности, как личности и как индивидуальности.

Управлять следует не личностью, а процессом ее развития [4].

Наконец, в Законе Российской Федерации «Об образовании» воспитание рассматривается как целенаправленная деятельность, осуществляемая в системе образования, ориентированная на создание условий для развития духовности обучающихся на основе общечеловеческих и отечественных ценностей, оказание им помощи в жизненном самоопределении, нравственном, гражданском и профессиональном становлении, создание условий для самореализации личности.

Воспитание предполагается изначальным: оно призвано вести за собой саморазвитие, регулируя этот процесс, и, в свою очередь, учитывать реальные потребности и устремления личности. Поэтому среди разнообразных факторов, влияющих на процесс воспитания, надо особо выделить личность воспитанника, активная роль которого создает педагогическую обстановку, способствующую его формированию в нужном направлении.

Следовательно, **целенаправленное воздействие – это еще не воспитание**. Оно может стать таковым при обратном адекватном отношении воспитуемых к этим воздействиям.

Акцентируя внимание на активности личности в воспитательном процессе, мы подразумеваем под активностью

сотрудничество воспитателя и воспитуемого. Проникновение в сущность того или иного нравственного понятия как основы воспитания предполагает не только разъяснение, но и прочувствование, что достигается беседами, лекциями, диспутами на нравственно-этические темы, просмотрами кинофильмов и театральными постановками в их обязательной связи с соответствующей практической деятельностью, т. е. созданием условий, в которых нравственные понятия находили бы свое отражение и проявление.

Сами по себе этические беседы, лекции, диспуты и даже соответствующие поступки еще не свидетельствуют о воспитанности человека: важно не только видеть поступок, но и знать его мотивацию, т. е. что побудило человека принять то или иное решение и совершить определенное действие.

Изучение воспитания как процесса приводит к выводу о необходимости уточнения определения самого его понятия. Это связано с тем, что в основе воспитания лежит не столько воздействие, сколько включение воспитанников в такую деятельность, которая формирует в них социально-значимые потребности, чувства, нравственные мотивы, при этом происходит социализация личности. В чисто теоретическом плане таким образом исключается необходимость рассматривать воспитание в двух смысловых значениях (в широком и узком, как воздействие всей социальной среды и как воздействие воспитателя).

Воспитание – это организация деятельности, направленной на формирование нравственных качеств личности, и обратное отношение личности к этой деятельности, проявляющееся в соответствующих поступках и их мотивации.

Создавая условия для саморазвития и самовоспитания, воспитание предваряет эти процессы. Постепенно с развитием и совершенствованием человека в педагогическом процессе все более возрастает его собственная позиция. От того, насколько правилен выбор личности (по какому пути идет самовоспитание), во многом зависит формирование человека. Не отделяя самовоспитание от

воспитания, надо отметить, что самовоспитание является компонентом воспитательного процесса и его следствием. Этот процесс диалектичен. Эффективность всей работы следует искать в отношении самой личности к процессу воспитания.

Выделяя активность личности в воспитательном процессе, мы понимаем воспитание как внешний, а самовоспитание как внутренний процессы, идущие навстречу друг другу.

Без перевода внешних требований во внутренние побуждения личности внутренний источник движения выпадает из сферы педагогического процесса, и хотя внешне деятельность школьника может отвечать регламентированным требованиям, она никогда не станет для него «истинным стимулом человеческой жизни, завтрашней радостью» [А. С. Макаренко].

В связи с этим хотелось бы отметить справедливость мысли болгарского ученого Стефана Чернева о том, что в воспитательном процессе недостаточно только педагогического воздействия и общественных моральных требований, которые предъявляются к воспитаннику. Важнее всего – в какой степени эти воздействия и требования становятся внутренне значимыми для воспитуемого, насколько стимулируют его к деятельности, соответствуют нравственным нормам поведения.

Следует отметить, что воспитание – не абстрактное понятие, оно вмещает в себя определенную цель. На протяжении многих столетий и до настоящего времени дискутируется вопрос о цели воспитания. Дело в том, что цель во многом определяется социально-экономическими потребностями и политическим устройством общества. В этом плане характерна статья В.С. Шубинского, который писал: «Можно без преувеличения сказать, что в настоящее время педагогика и школа попали, скажем прямо, в экстремальную катастрофическую ситуацию, когда коренным образом пересматриваются мировоззренческие позиции, меняется положение человека в общественной жизни и переоцениваются цели воспитания» [9, 37]. По его мнению, чтобы говорить об источниках целей воспитания, следует учитывать

социально-исторические, конкретно-научные и космические предпосылки.

Действительно, какую бы точку зрения проблемы цели воспитания мы ни взяли (вплоть до всестороннего развития личности), следует не забывать о возможностях реализации этой цели как самим обществом, так и человеком.

В различные эпохи, начиная с Древней Греции и до настоящего времени, вынашивалась цель гармонического развития личности.

Она же декларировалась на всех уровнях в современном обществе нашего государства. Критикуя утопичность идеи гармонического развития личности и ее представителей [Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Гельвеций, Дидро, Руссо], мы сами впали в утопию ее достижения в условиях нашего общества, так как для приближения этой идеи к цели необходима определенная питательная среда, т. е. соответствующие социально-экономические условия, чего, к сожалению, не было и нет. Поэтому нужны более реальные цели, связанные с гуманистическим, экономическим, экологическим воспитанием.

А.С. Макаренко в статье «Цели воспитания» писал: «В специальных педагогических контекстах недопустимо говорить только об идеале воспитания, как это уместно делать в философских высказываниях. От педагога-теоретика требуется не решение проблемы идеала, а решение разработать сложный вопрос о цели воспитания и о методе приближения к этой цели» [6, 344].

Е.В. Бондаревская полагает, что цель воспитания – это целостный человек культуры, и предлагает свое понимание содержания основных параметров личности человека культуры, в основе которого лежит его субъектность [2].

Человек культуры – это свободная личность, способная к самоопределению в мире культуры.

Человек культуры – гуманная личность, что предполагает гуманизацию и гуманитаризацию всех методов и всей системы воспитательных отношений.

Человек культуры – это духовная личность, что проявляется в развитии духовных потребностей, в способности к культурной идентификации, в выборе культуросообразного образа жизни и связывается с образом гражданина России.

Человек культуры – личность творческая, адаптивная. Жизнеспособность человека в современных условиях складывается из двух блоков: усвоенных алгоритмов поведения и готовности к их преобразованию в соответствии с изменяющимися условиями, что влечет за собой творческий подход к деятельности.

При этом важная роль в личностном развитии и проектировании образа жизни ребенка отводится культурно-событийной среде.

На наш взгляд, принципиально важным является утверждение Е.В. Бондаревской о том, что целостный человек культуры – это не набор свойств, функций и добродетелей, а это человек, способный с максимальной эффективностью реализовать свои индивидуальные способности в каком-либо одном «специальном» срезе личности.

Данный подход к цели воспитания может служить ориентиром в организации деятельности, направленной на приближение цели идеала, его конкретизации.

В этом плане можно согласиться с В.А. Караковским, который считает, что не следует отказываться от такой сверхцели-идеала как всестороннее, гармоничное развитие личности. Каждый педагогический коллектив, в своей деятельности ориентируясь на эту цель-идеал, должен конкретизировать её применительно к данным условиям и возможностям, сосредоточив внимание на решении пяти воспитательных задач:

- формирование у детей целостной и научно-обоснованной картины мира через учебный процесс и внеклассную работу;
- формирование гражданского самосознания;
- приобщение детей к общечеловеческим ценностям, формирование у них адекватного этим ценностям поведения;

– развитие у подрастающего человека креативности, «творческой» как черты личности;

– формирование самосознания, осознания собственного «Я», помощь в самореализации.

Понятие и решение таких задач, включение их в воспитательную систему также будет приближать к цели-идеалу.

Вместе с тем, цели воспитания определяются социальным заказом. Каково общество – таковы и цели воспитания.

Современная социально-педагогическая ситуация в России, как считает Е.В. Бондаревская, формирует альтернативный воспитательным нормам тип личности, выдвигает неосвоенные практикой задачи, связанные с воспитанием делового человека.

На наш взгляд, хотим мы этого или нет, но происходит смещение целей идеала, сколько бы мы ни говорили об актуализации общечеловеческих нравственных ценностей и сколько бы ни занимались конкретикой по их реализации в рамках одной школы.

Всякая система требует сопряженности не только в сфере деятельности школы или другого социального института, но и вне их, включая те реальные процессы, которые отражают наш социальный строй. Всё это, естественно, вызывает беспокойство как представителей науки, культуры, педагогической общественности, так и служителей церкви.

Трудности воспитания на современном этапе обусловлены также столь новым для нашей жизни явлением, какой представляется гласность, свобода слова в формировании информационной культуры человека.

Один за другим развенчиваются прежние идеалы, публикуются документы, отражающие правду истории. В этих условиях абсурдно уповать на саморазвитие личности, считая это высшей формой демократии. Для саморазвития нужна соответствующая основа, которая определяет направление деятельности, т.е. исходным является воспитание.

Издавна общечеловеческая культура и нравственность, как ее составная часть, формировались на идеалах и образцах, нашедших свое отражение в библейских книгах и летописях. Образы великих и талантливых людей прошлого и настоящего питали чувства юных. Как не упустить это в современной ситуации? Как уберечь молодежь от поверхностного очернительства, от огульного отрицания всего и вся, от отказа от идеалов вообще?

Еще Патриарх Московский и всея Руси Алексей II с сожалением отмечал: «В наши дни бытовой материализм продолжает всё более довлеть над обществом и человеком, вытесняя тем самым важнейшие проблемы духовного и нравственного воспитания на второстепенное место, и это приводит к неисправимым жизненным противоречиям и коллизиям» [7, 3].

В настоящее время сложно транслировать молодому человеку образец для подражания, размытыми оказались цели воспитания.

В этих условиях реальнее всего исходить из комплекса целей, которые рождаются в процессе деятельности и реализуются в совместной деятельности воспитателей и воспитанников. Этот комплекс целей должен вмещать в себя целый ряд перспектив – ближних, средних, дальних, личных, групповых, коллективных, которые способствовали бы переходу внешних требований во внутренние побуждения каждой личности и коллектива в целом и служили их осуществлению. Такие цели-перспективы образуют воспитательную систему, служащую вектором нравственного развития и приближения к идеалу.

В этом убеждает наш педагогический опыт и опыт целого ряда педколлективов общеобразовательных школ России. Но школа не имеет таможенных перегородок, она тесно взаимодействует с социальной средой, которая не всегда является питательной почвой для позитивного воспитания. Поэтому для приближения к цели-идеалу нужны конкретные усилия всего общества, а не просто декларации, не подкрепленные делами. Одна школа с этой задачей не справится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л., 1969. – С. 276.
2. Бондаревская Е.В. Отечественная культурно-педагогическая традиция // Опыт разработки концепций воспитания. – Ростов н/Д., 1993.
3. Демков М.И. Курс педагогики. Ч. II. Теория и практика воспитания. Изд. 5-е. – М., 1918. – С. 1.
4. Каракровский В.А., Новикова Л.И., Селиванова Р.И. – Воспитание? Воспитание... Воспитание! – М., 2000.
5. Куракин А.Г., Мудрик А.В., Новикова Л.И. Некоторые проблемы управления процессом воспитания школьников // Советская педагогика. – 1974. – № 1. – С. 21.
6. Макаренко А.С. Цели воспитания. Соч.: в 7 т. – М., 1958.– Т. 5.– 344 с.
7. Русская школа. Проблема и задачи. Вып. III. – М., 1994. – С. 3.
8. Сокольников Ю.П. Системный анализ воспитания школьников. – М.: Педагогика, 1986. – С. 13-14.
9. Шубинский В.С. Человек как цель воспитания // Педагогика. – 1992. – № 3-4. – С. 37.

Маленькая девочка – это моя мама – Мария Ефимовна
с родителями и дядей – студентом
(Полтава, 1916 г.)

Мой дед – Ефим Михайлович Полторацкий

Я с родителями – Марией Ефимовной и Вячеславом Алексеевичем
(Архангельск, 1935 г.)

Отец – директор Северного краевого музея
с обитателями Ненецкой Тундры
(г. Архангельск, 1932 г.)

6 класс школы № 2 г. Воронежа. Я на последней парте в гордом одиночестве (1948 г.)

Веду урок в Солнце – Дубравской школе (1957 г.)

Встреча отца (крайний слева) с С.В. Михалковым в Воронеже (1960 г.)

Отец – профессор Вячеслав Алексеевич Тонков
в своем домашнем кабинете

Моя супруга Оля в начале нашей сельской эпопеи

Ученики Солнце – Дубравской семилетки.
Где они теперь, кто знает?

Со своими заместителями Н.Ф. Минаковым и Н.А. Медведевым
в Новоусманской средней школе (1965 г.)

Новый, 1966 год, пришел в Новоусманскую школу
в образе моего сына Жени

Моя супруга Ольга Николаевна – учитель истории
Новоусманской средней школы (1966 г.)

Среди коллег и учащихся Новоусманской средней школы (1967 г.)

С выпускниками 10-А класса
Новоусманской средней школы (1967 г.)

Первомайская демонстрация (1968 г.)

Так выглядел педагогический институт в 1968 году

Встреча с министром просвещения РСФСР Л.И. Даниловым.
Рядом с ним - заведующий облоно В.М. Гайдуков (1971 г.)

С дочерью Еленой на первомайской демонстрации
(1971 год)

Вручение дипломов на заочном отделении физмата (1972 г.)

Проректор по учебной работе В.А. Пятин и член-корреспондент АПН СССР С.Е. Матушкин (1975 г.)

В центре - начальник Главного управления вузов Министерства просвещения Д.М. Забродин. Справа - ректор П.Г. Коняев (1975 г.)

Моя супруга Ольга Николаевна (в центре) обсуждает итоги вступительных экзаменов по истории с Н.Т. Ковалевой и Э.Ф. Свиридовой, директором средней школы №27 (1975 г.)

Начало учебного года 1 сентября 1976 года

С заведующим кафедрой политэкономии А.Г. Ковалевым

Совместная конференция с учеными из Оноле (доценты П. Гуз и С. Хальска, крайний справа - профессор Т. Мусиол). 1978 г.

Убираем сахарную свеклу (9 ноября 1978 г.)

На субботнике с А.А. Эрденко (1980 г.)

С ректором П.Г. Коняевым и председателем профкома
Н.И. Куриленко (с бородой)

На демонстрации. Крайний слева - ректор П.Г. Коняев.
Руководит процессом председатель профкома Н.И. Куриленко
(7 ноября 1980 г.)

Открытие подготовительного факультета для иностранных граждан.
Справа от меня - Ленинский стипендиат Виктория Тарабаева
(15 сентября 1980 г.)

Перед началом Первомайской демонстрации с проректором по учебной работе Н.В. Камышанченко (1982 г.)

Иностранные студенты на избирательном участке (1984 г.)

Подведение итогов выпуска студентов исторического факультета с деканом Е.В. Дворецким и председателем ГЭК И.Г. Пархоменко

Изучаем Основные направления развития СССР.
В центре доцент кафедры ботаники А.А. Сиротин (октябрь 1985 г.)

Конференция с участием ученых из Опольской высшей педагогической школы.
Справа-налево проректор по международным связям Ю.А. Набережных,
ректор Л.Н. Шапошников, проректор по научной работе Е.В. Тонков (1986 г.)

Открытие межвузовской научной конференции.
С ректором Л.Н. Шапошниковым и завкафедрой педагогики И.Ф. Исаевым
(октябрь 1988 г.)

Выступление в Опольской высшей педагогической школе
1 октября 1987 года

Встреча руководителей вуза с Министром просвещения РСФСР
Г.П. Веселовым (1988 г.)

Встреча с учеными из США.
Второй справа - ректор БГПИ Н.И. Прохоров (ноябрь 1989 г.)

В Педагогическом обществе с бухгалтером А.Г. Пашетных
и ответственным секретарем Л.А. Королевой

Открытие конференции по итогам НИР. Слева от меня - ректор П.Г. Коняев,
справа - доцент кафедры психологии И.В. Вейнгольд-Рыбкина
и заведующая кафедрой Н.Е. Анкудинова (март 1985 г.)

Кафедра педагогики.
Третья слева -заведующая кафедрой В.К. Иванова (1986 г.)

На студенческой конференции с начальником отдела НИРС
доцентом В.Н. Ткачевым

На кафедре педагогики с заведующим кафедрой, профессором И.Ф. Исаевым и профессором МГУ Л.И. Рувинским (1989 г.)

Итоги летней практики подводят О.Н. Тонкова и И.П. Прокопьев (1990 г.)

На митинге, посвященном закладке фундамента общежития
выступает глава администрации Белгородской области Е.С. Савченко;
слева - ректор БГПУ Н.В. Камышанченко. 14 февраля 1995 г.

На заседании диссертационного совета по педагогическим наукам
с И.Ф. Исаевым и И.П. Прокопьевым (1998 г.)

Объединенный профсоюзный комитет БелГУ (1998 г.)

Ветераны кафедры педагогики (2000 г.)

Закладка Ботанического сада БелГУ (1 марта 2000 г.)
О.Н. Прохорова, Е.В. Тонков, А.А. Сиротин, Л.А. Королева

Открытие нового корпуса БелГУ (2 ноября 2001 г.)

У ворот меня встречает собака Лорчик (июнь 2006 г.)

Заведующий кафедрой педагогики профессор И.Ф. Исаев
и профессор кафедры Н.Л. Шеховская поздравляют меня с 75-летием
(10 сентября 2008 г.)

С советником ректора П.Г. Коняевым (2008 г.)

С деканами всех факультетов БелГУ (2008 г.)

Кафедра педагогики НИУ «БелГУ» (2010 г.)

С Ольгой Николаевной мы вместе уже 60 лет

В день 80-летия с сыном Евгением
и внуком Вячеславом (10 сентября 2013 г.)